

П. В. ЮРЬЕВ.

* * *

*Старинный город русской славы,
Гдѣ бились, Русь спасая, Львы, —
И южнорусскіе Метиславы
И братья сѣверной Москвы.
С холмов нальванных и зеленых
Зовет ихъ жертвенная кровь, —
В ихъ приношеніяхъ священныхъ
Была сыновняя любовь.
Намъ, умирая, завѣщали
Они бороться до конца,
Хотя-бы путь борца вѣщали
Шипы тернового вѣнца.
Былъ деиъ: в расплывчатом туманѣ
Вставала красная заря,
Какъ кровь залекшаяся в ранѣ
Морознымъ утромъ января, —
Звѣня пожеными свѣчами
В нестерномъ отблескѣ штыковъ
Прошли несчетными рядами
Они в далекій Талергофъ...*

*— — — — —
Торитъ луна надъ небосклономъ
Уходятъ в небо тополя
И зеленѣющимъ восходомъ
Покрѣта русская земля:
Она дала благіе всходы,
Сумѣла крестный путь пройти
И в край прадѣдовской свободы
Поможетъ правнукамъ войти.*

ТАЛЕРГОФСКІЙ АЛЬМАНАХЪ.

ПРОПАМЯТНАЯ КНИГА

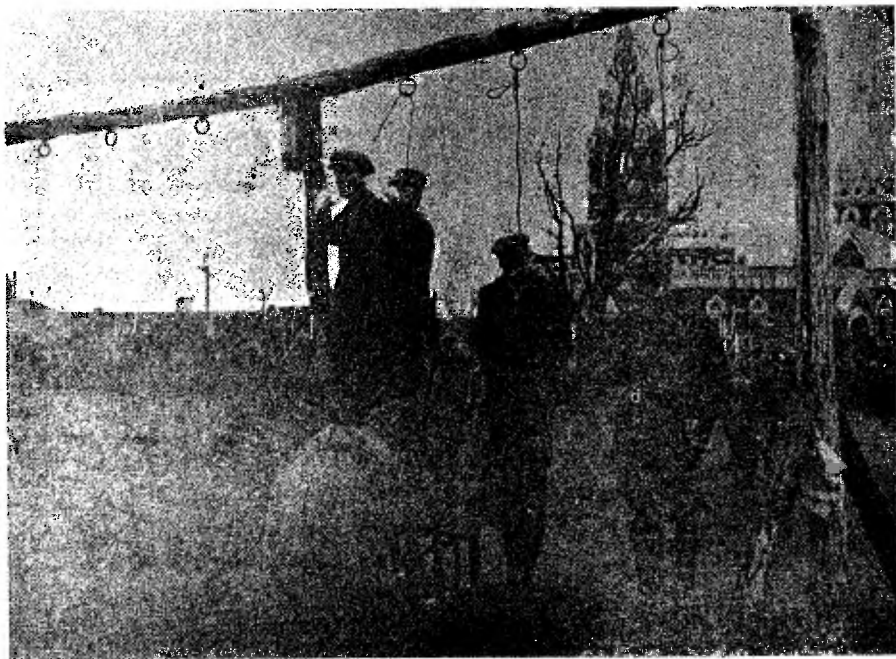
австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и
насилій надъ карпато-русскимъ народомъ
во время всемірной войны 1914 — 1917 гг.

Выпускъ второй.

Терроръ въ Галичинѣ. Терроръ въ Букачинѣ. Оттиски
печати. Терезиаъ, Гминдъ, Гиаъ и др. Баллетриотина.

== ЛЬВОВЪ, 1925. ==

=== Изданіе „Талергофскаго Комитета“. ===
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управленіемъ А. И. ЯСЬНОВА.

Наша дорогая Галичина. Смотри брате — и помни.

Описывая счастье народа, добрая, светлая минуты его жизни, изображая героические подвиги богатырей военного времени или мирного государственного строительства, или доторкаясь хотя бы только его литературы и культуры, — вы всегда найдете массу интереснаго материала, который переплетая собственными соображеніями и наблюдениями изъ прошлаго, сумѣете представить глазамъ читателя въ менѣе или болѣе яркомъ свѣтѣ. Отъ такъ изложеннаго вами матеріала повѣсть теплотой, ибо вы въ свой трудъ кромѣ сухой истины вложили часть души своей, нѣкоторую долю поэзіи, присущую каждому человѣку. „Дѣла давно минувшихъ дней“ — которыя зарыты въ запавившихся подъ бременемъ времени родныхъ могилахъ, или которыя покрылись уже пылью въ хранилищахъ музеевъ, гдѣ они лежатъ вѣками, станутъ предъ вами живой картиной. Описывая героевъ и оставшіеся послѣ нихъ памятники, или читая о ихъ дѣятельности, вы вторично переживаете то, что давно совершилось, о чемъ лишь сказка повѣствуетъ, какъ о „преданіяхъ старины глубокой“. Все это объясняется, природой человѣческаго ума и сердца — человѣческой души. Вы переноситесь мысленно въ бывальщину, безсознательно принимаете участіе въ восстановленныхъ вами историческихъ событіяхъ, переживаете вмѣстѣ съ воскресшими героями ихъ радость и горе. Изучаемая вами старина подсказываетъ вамъ новыя мысли; — изложенныя вами мысли воспринимаются вашими читателями.

Попробуйте, въ свою очередь, передать словами постигшее народъ несчастье, горе, которое пришлось и вамъ лично перенести или быть его косвеннымъ свидѣтелемъ. Тутъ вы встрѣтитесь съ тяжелой задачей, которая окажется не подъ силу даже недюжинному уму. Какъ бы вы ни старались скрасить нагую правду, убавить впечатлѣній, — на дѣлѣ получатся одни лишь факты, отъ которыхъ всегда пахнетъ свѣжей кровью невинно замученныхъ жертвъ, заноситъ дымомъ сожженныхъ жилищъ, построенныхъ упорнымъ трудомъ многихъ поколѣній и исчезнувшихъ съ лица земли по беззаконію, неисправимой ошибкѣ судей, по злобной ненависти инакомыслящихъ, у которыхъ звѣриные инстинкты выходятъ наружу съ особой яркостью во время войны. Мечъ и пуля заступаютъ тогда законъ. Культурныя приобрѣтенія духа, отличающія человѣка отъ звѣря, какъ по мановенію волшебной палочки, исчезаютъ или подавляются. На ихъ мѣсто выступаетъ звѣриный, кровожадный инстинктъ. Этотъ инстинктъ заразителенъ. Онъ передается толпѣ, а та уже вымещаетъ свою злобу за дѣйствительную или воображаемую обиду на противникахъ. Стоитъ указать пальцемъ на человѣка какъ на виновника, и толпа его растерзаетъ.

Въ напечатанномъ нами изданіи изображены именно такіе безхитростные, но вмѣстѣ съ тѣмъ кошмарные факты, имѣвшіе мѣсто въ жизни галицко-русскаго народа съ 1914 года до развала Австріи. Предвѣстникомъ воспоминаемыхъ ужасовъ былъ рядъ политическихъ процессовъ въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угорской Руси, вачинаая съ 80-ыхъ годовъ XIX столѣтія. Обвиняемые русскіе люди оправдывались коронными судами за неимѣніемъ доказательствъ, ибо исповѣдываніе культурнаго и національнаго единства галицко-русской вѣтви съ остальнымъ русскимъ міромъ не подлежало наказанію по австрійскимъ законамъ. Какъ видимъ, почва къ обговариваемымъ событіямъ подготовлялась австрійскимъ правительствомъ заранее.

Въ Прикарпатскомъ Краѣ живутъ три племена: русское, польское и еврейское.

Каждое изъ нихъ пропитано разною культурой, характеромъ и особенностями. Евреи устраиваютъ свое благополучіе на экономическомъ порабощеніи ими поляковъ и русскихъ. Поляки, собственно ихъ духовенство и шляхта проникнуты культурными налетами западной Европы стараются устроить благополучіе своего народа на счетъ закрѣпощеннаго ими еще въ средневѣковѣ части русскаго народа.

Галицко-русскій народъ несмотря на продолжительное подневольное пребываніе его подъ польскимъ и австрійскимъ владычествомъ благодаря своей стойкости, не потерялъ русско-восточного

облика и всегда относился съ предубѣжденіемъ къ западнымъ завоевателямъ. Онъ смотрѣлъ на западъ, какъ на культурнаго хищника, стремящагося его съѣсть культурнымъ образомъ. Не по душѣ было галицко-русскому народу отдать западу свои русскія культурныя приобрѣтенія и растворится въ его стихіи. Онъ мечталъ о культурномъ воссоединеніи съ ближайшимъ, роднымъ востокомъ и лѣлѣялъ надежду, что раньше или позже настанетъ пора, когда онъ освободится изъ подъ чуждаго ему владычества.

Сохраненіе русской души въ русскомъ населеніи Прикарпатской Руси объясняется еще и тѣмъ, что русское боярство очень скоро ополячилось, пропиталось западной культурой и совершенно денационализировалось, а тѣмъ самымъ и подрѣзало въ корнѣ довѣріе къ себѣ галицкаго простонародья и избавило его отъ нежелательнаго вліянія запада, стремившагося проникнуть въ русскую среду посредствомъ отпавшаго отъ народа высшаго сословія. Доказательствомъ сего служатъ разныя уніи, сулившія галицко-русскому народу блага на землѣ и небесѣ, а между тѣмъ послужившія только для вящаго его закрѣпощенія иноплеменному элементу.

И русское населеніе Прикарпатя чувствовало эту чужую экспанзію. Оно сослужило русскому міру службу внѣшней предохраняющей оболочки, черезъ которую Западу необходимо было проникнуть въ русскую сердцевину. Уразумѣла это Австрія, которая, считая Прикарпатѣ Ахиллесовой пятой русскаго народа, пошла на него приступомъ.

Послѣднія описываемыя нами событія изъ жизни галицко-русскаго народа являются завершеніемъ движенія западно-европейской культуры на русскій Востокъ.

Въ дни великой войны грянулъ на нашу голову громъ и посыпались удары за ударомъ. Ополчились тогда противъ насъ представители австрійской власти съ своими аничарами галицкими украинофилами. Всѣ вражія силы въ союзѣ съ украинофильствующей австрійской мірской и духовной іерархіей использовали войну для уничтоженія галицко-русскаго населенія, исповѣдующаго свое единство съ остальнымъ русскимъ народомъ.

Въ чемъ обвиняли насъ? Въ измѣнѣ и предательствѣ. По ихъ мнѣнію исконное русское населеніе Галичины, не можетъ не чувствовать симпатіи къ своимъ закордоннымъ братьямъ.

Основываясь на этомъ мнѣніи, а не на содѣянныхъ преступленіяхъ противъ существующихъ законовъ, требующихъ положительныхъ фактовъ, — они искали лишь примѣтъ русскости, и безъ разбора возраста, пола и сословія всли на смерть тысячи галицко- и угро-русскаго народа. Разнузданность достигла крайнихъ предѣловъ. Австрійскія власти не имѣя прямыхъ дока-

зательствъ на которыхъ можна бы было опереться и судить законнымъ порядкомъ русский народъ Прикарпатя и Закарпатя, пошла по примѣру средневѣковой инквизиціи. Руководствуясь однимъ только подозрѣніемъ, Австрія наказывала жестоко за одни русскія убѣжденія, воспринятія русскими галичанами, буковинцами и угророссами отъ предковъ и передаваемые отъ рода въ родъ — за духовное единство Руси, котораго не отрицаетъ ни наука, на австрійскіе императоры присоединившіе Галичину къ своей имперіи, за идею, которую разрѣшала исповѣдывать австрійская конституція, давшая всѣмъ націямъ на территоріи Австріи свободу культурнаго развитія и національнаго исповѣданія.

Въ Австріи — при наличіи правового порядка, установленнаго народнымъ представительствомъ — царствовало во время войны беззаконіе. Отвѣтственность за содѣянные въ Галичинѣ звѣрства несетъ правительственный центръ, и поощрявшіе его къ тому галицкіе предатели украинофилы, задумавшіе по трупамъ своихъ кровныхъ братьевъ добиться при помощи нѣмцевъ господства надъ малорусскимъ населеніемъ.

Повторяемъ, что Австрія готовила почву къ уничтоженію галицко-русскаго народа давно. Во имя принципа *Divide et impare*, стала пропагировать въ русскомъ народѣ идею національнаго отщепенства. Идея измѣнника Мазепы дала неожиданные для самыхъ нѣмцевъ плоды. Нашлись среди галицко-русскаго населенія люди, которые за іудины сребренники, получаемые отъ австрійскихъ властей въ видѣ жалованія, отреклись русской народности и положили основаніе подъ „украинскій“ народъ, развращая русский народъ Галичины извращеніемъ исторіи. Съ помощью правительственныхъ пособій воспитались кадры галичской молодежи въ слѣпой ненависти ко всему русскому. Такимъ образомъ за нѣсколько лѣтъ до войны габсбургскій тронъ располагалъ внушительнымъ количествомъ мазепинской интеллигенціи, являющейся съ одной стороны рабской опорой династіи и сохранившей эти традиціи до сихъ поръ (Василь Вишиваный-Габсбургъ), съ другой стороны продолжавшей насаждать въ народѣ мысли зародившіяся въ умѣ Мазепы и его послѣдователей. Внутренняя борьба съ мазепинцами была для насъ страшнѣе всего. Они съ помощью австрійскихъ властей вытѣсняли насъ систематически изъ одной культурной позиціи на другую. Рядъ русскихъ обществъ и институцій захватываютъ мазепинцы въ свои руки. Взабогатившись нашимъ трудомъ и имуществомъ, тѣмъ энергичнѣе ведутъ они свою пропаганду до настоящаго времени.

Въ мѣсяцъ послѣ объявленія мобилизаціи и воинственнаго воззванія дряхлаго императора Франца Іосифа „Къ моимъ народамъ“, розсланнаго по всей Галичинѣ при сопроводительномъ

пастырскомъ архіерейскомъ посланіи — львовскій греко-католическій митрополитъ Шептицкій розслалъ, независимо отъ перваго, второе пастырское посланіе, въ которомъ призываетъ галицко-русскій народъ схватить за оружіе. „Война ведется ради насъ, ибо лютый врагъ царь московскій не смогъ стерпѣть того, что мы въ австрійской державѣ имѣемъ свободу. Намъною хочетъ нашихъ людей побудить къ измѣнѣ“ — гласитъ посланіе.

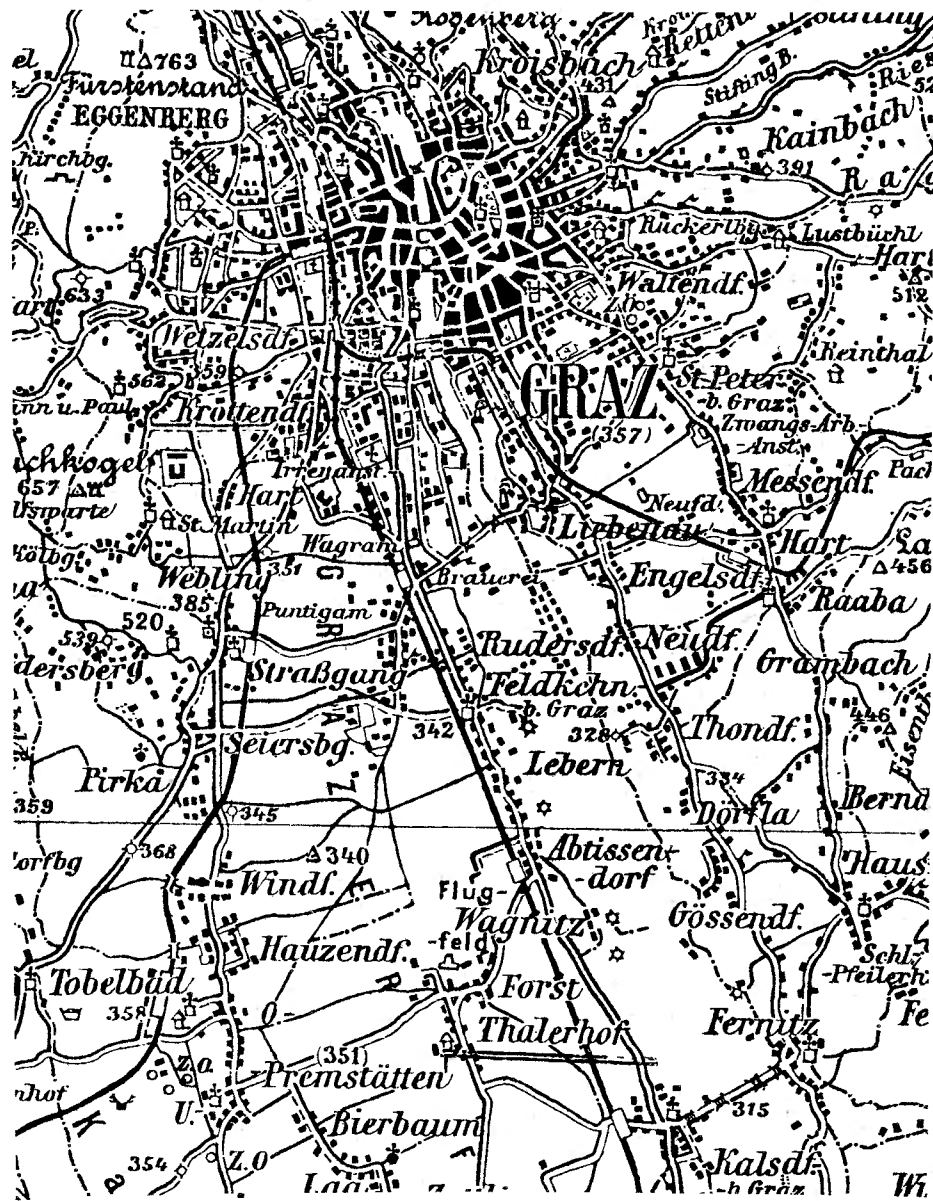
Въ то время, когда греко-кат. митрополитъ такъ писалъ, мадяро-австрійцы вели этапнымъ порядкомъ тысячи крестьянъ и сотни священниковъ на смерть; и ни одного слова защиты для своей паствы.

Годъ 1917. принесъ облегченіе. „Талергофы“ кончились. Одни остались въ Талергофѣ „подъ соснами“, другіе потянули въ родную Галичину.

Въ 1918 г. развалилась Австрія; родилась Украина; но и она сошла скоро со сцены.

Галицко-русскій народъ медленно приходитъ къ себѣ. Начинаетъ восстанавливать разрушенныя хижины, берется за мирный, созидательный, культурный трудъ.

А какъ быть съ недавнимъ прошлымъ? Должно ли оно быть забытымъ? Нѣтъ, это было бы преступленіемъ, большимъ того, какое совершили враги. Пусть-же кровь галицко-русскаго народа, его страданія, слезы женъ и дѣтей, вдовъ и сиротъ, пепелища его усадьбъ и селеній будутъ, хотя въ маленькой части занесены на страницы исторіи русскаго народа.

АВСТРИЯ
г. Грац и окрестности, где находится Талергоф (подчеркнуто).

Первый период австрийского террора въ Галичинѣ. (Пополненія къ 1 выпуску).

Бобреекій уѣздъ.

Спасаясь отъ преслѣдованій я бѣжалъ изъ Зборовщины въ родной Бобреекій уѣздъ. Тутъ я все таки былъ арестованъ 26 августа 1914, а на слѣдующій день втокнули въ камеру моего заключенія г. Зубрицкаго, председателя уѣзднаго суда въ Бобркѣ. Господинъ Зубрицкій весь дрожалъ отъ волненія, а на мой вопросъ, что послужило причиной его арестованія, отвѣтилъ едва слышно :

— Собственно говоря, я и самъ не знаю. Немного спустя г. Зубрицкій пріѣхалъ къ себѣ рассказывать, что какіе то незнакомые ему солдаты хотѣли у него расквартироваться. Когда же онъ запротестовалъ не пустили ихъ къ себѣ на квартиру, явился къ нему жандармъ, бывшій до того въ его распоряженіи въ качествѣ исполнительнаго органа мѣстнаго суда, и безъ предъявленія какихъ

либо распоряженій высшихъ властей, вопреки существующему правопорядку, объявилъ ему объ его арестѣ.

— Вотъ почему, продолжалъ председатель суда, я никакъ не могу понять, что такое сейчасъ происходитъ, и къ чему приведетъ этотъ военно-административный произволъ. А вѣдь разбираясь внимательно въ происшедшемъ приходишь къ заключенію, что есть кто то, кто всѣмъ этимъ руководить — закончилъ судья Зубрицкій.

Утромъ въ день Успенія Пр. Богородицы приказано намъ готовиться къ путешествію. Въ камеру явился жандармъ, тотъ самый, который арестовалъ судью Зубрицкаго и давъ ему теперь пощечину велѣлъ выходить на улицу. Судья пытался протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій бывшего своего подчиненнаго, а въ отвѣтъ на свой протестъ получилъ

вторую пощечину уже от конвойного солдата.

На вокзалъ въ Бобркъ мы погрузились въ вагоны и прѣхавъ во Львовъ были распределены по разнымъ тюрьмамъ и я потерялъ г. Зубрицкаго изъ виду. Повже уже въ Талергофъ я часто видѣлъ судью Зубрицкаго въ компаніи крестьянъ за чисткой картофеля для об-

щого арестанскаго котла. Судья Зубрицкій не долго оставался въ Талергофъ. Онъ былъ освобожденъ послѣ допроса и разбора его дѣла, а вернувшись домой въ Галичину скоро умеръ отъ пережитыхъ волненій не дождавшись развала влопамятной Австріи.

свщ. Александръ Юл. Илевичъ.

Борщевскій уѣздъ.

Въ I части Альманаха, въ дописи изъ Волковецъ, нашлись неточности или свѣдѣнія, не вполне согласныя съ тамъ описанными дѣйствительными событіями. О бл. п. снѣц. Іоаннѣ Смольномъ написано будто бы онъ „счумѣлъ оправдаться и былъ отпущенъ на свободу“, между тѣмъ дѣло представляется слѣдующимъ образомъ:

Обыски и арестованія въ с. Пановцахъ произошли раньше другихъ селъ, ибо уже 5 и 6 августа 1914 г. свщ. І. Смольный и писарь Василий Максимовъ были доставлены въ Борщевъ, а псаломщикъ Григорій Гладышъ попалъ прямо въ Чортковскую тюрьму. Кромѣ арестованныхъ больной о. Іоаннъ былъ сопровождемъ двумя его дочерьми Еленой и Ярославой, рѣшившими не оставлять больного отца безъ опеки.

Борщевскій уѣздный староста объявилъ арестованнымъ, что имъ получено свыше распоряженіе арестовать всѣхъ организаторовъ и общественныхъ дѣятелей русскаго движенія въ Галичинѣ. Староста былъ недоволенъ прибытіемъ дочерей о. Іоанна. Не имѣя приказа арестовать дѣвушекъ, онъ распорядился помѣстить ихъ пока съ большимъ отцемъ на частной квартирѣ подлѣ жандармскимъ наблюденіемъ. Такъ какъ продвиженіе

руссійскихъ войскъ послѣдовало неожиданно, растерявшіеся австрійскія власти не успѣли эвакуировать арестованныхъ изъ частной квартиры. Такъ же оставили отступавшіе австрійцы арестованныхъ въ Чортковской тюрьмѣ и Львовскихъ Бригидкахъ. Что о. Смольный не „оправдался“ передъ австрійскими властями, видно хотя бы изъ того, что онъ возвратился въ Паневцы только въ началѣ октября т. е. двѣ недѣли послѣ прибытія русскихъ войскъ въ Борщевъ, а то въ Паневцяхъ и надъ Днѣстромъ еще двѣ недѣли послѣ отступленія австрійскихъ войскъ шныряли австрійскіе жандармы, арестовывали кого попало и вводили черезъ рѣку въ Венгрію. Такъ свѣдѣли съ освобожденнымъ русскими войсками изъ Чортковской тюрьмы Григоріемъ Гладышемъ. Возвратившагося ночью домой съ радостнымъ извѣстіемъ „что русскіе меня освободили“, утромъ австрійцы опять арестовали и выслали въ Венгрію въ Арадъ. Кромѣ упомянутыхъ были еще арестованы крест. Гудзь изъ Пановецъ и помѣщикъ Ів. Ал. Жаровскій изъ Дзвонячки. Послѣднему не могло уѣздное начальство забыть его прогулки въ Каменецъ-Подольскъ, состоявшейся въ обществѣ друзей и знакомыхъ въ 1913 г.

Послѣ возвращенія австрійцевъ въ 1917 г. возобновились по доносу мѣстныхъ мавепинцевъ обыски и придиранія къ русскимъ людямъ и покойный нынѣ отецъ

Іоаннъ былъ высленъ съ семьей въ Городенскій уѣздъ.

Марья Смольная-Рудко.

Бродскій уѣздъ.

г. Броды. Въ концѣ іюля 1914 г. прѣхалъ изъ Львова въ г. Броды, близъ бывшей австро-русской границы комиссаръ полиціи Хорватъ, извѣстный нашему обществу изъ политическаго процесса о.о. Сандовича и Гудимы и, распрѣдѣливъ роли бродской полиціи, нагрянулъ съ обыскомъ въ Читальню, Русскую Кассу а также къ г. г. Ст. Ів. Носевичу, Лукѣ Н. Темеху, Николаю Д. Кушнети, Ивану Гр. Сѣрко, и къ пишущему эти строки, т. е. Андрею Гр. Полищуку. Прійдя изъ города домой, я уже засталъ у себя непрошенныхъ гостей, а послѣ произведенія ревизіи приказано мнѣ явится въ полицію. Тутъ уже находились г.г. Носевичъ и Темехъ. Послѣ допроса и списанія протокола, Носевича и Темеха отправили во Львовъ, а я вернулся на этотъ разъ домой съ ключами Р. Кассы, переданными мнѣ г-номъ Носевичемъ. Проходя мимо Прагскаго Банка встрѣтился я съ четырьмя мѣстными украинофилами: чивовникомъ Сек. Левицкимъ и священниками А. Софиевскимъ, Сев. Глѣбовицкимъ и Фенчинскимъ. Выказанное вслухъ этими господами удивленіе, что я до сихъ поръ еще не за рѣшеткой убѣдило меня окончательно, что раньше или повдѣе меня постигнетъ участь г. Темеха и г. Носевича. Спокойнѣйшимъ образомъ прошелъ я мимо достойной компаніи дѣлая видъ, что даже ихъ не замѣчаю, а уже 2 августа я былъ арестованъ и вмѣстѣ съ Иваномъ Григ. Сѣрко въ цѣляхъ отправленъ во Львовъ. Намъ помѣстили

въ полицейскихъ арестахъ при ул. Яхонича въ небольшой камерѣ, въ которой въ теченіе двухъ дней собралось 17 человекъ. Изъ знакомыхъ помню г.г. Ів. Пашкевича, Ю. Кисилевскаго и Дрыгнича.

Такъ продержали насъ 26 дней въ невозможнѣйшихъ и неподлежащихъ описанію санитарныхъ условійхъ, а 27 августа въ 3 часа утра мы были присоединены къ общему транспорту въ составѣ около 1000 человекъ и отправлены въ глубь Австріи. По пути на вокзалѣ нѣкій львовскій гражданинъ въ порывѣ патріотическаго чувства съ бранью замахнулся на спящего Скоробогатаго, нашего топаринца недоли, съ цѣлью нанести ему ударъ. Тогда одинъ изъ коновійныхъ поймалъ зазнаващагося нахала за шиворотъ присоединилъ его къ нашему транспорту и онъ несмотря на слезы и оправданія былъ отправленъ вмѣстѣ съ нами.

Моя жена осталась послѣ моего ареста дома, но не долго. Послѣ вступленія передовыхъ русскихъ отрядовъ въ Броды и скорого ихъ отступленія была арестована также и моя жена, а затѣмъ и ея мать, понесшая своей дочери въ тюрьму пинцу. Когда же русскія войска вторично приближались къ Бродамъ, погнали ихъ пѣшкомъ съ сосѣдомъ Козьмою Крижановскимъ въ Золочевъ, а отсюда по желѣзной дорогѣ во Львовъ. У сосѣда К. Крижановскаго была найдена при ревизіи послѣ отступленія русскихъ передовыхъ частей солдатская су-

мочка съ російской махоркой. Жена сидѣла во Львовѣ въ обществѣ 350 чело-вѣкъ въ арестахъ по ул. Баторія. Ав-стрійцы не успѣли ихъ во время эва-куировать и послѣ занятія Львова рус-скими войсками жена вернулась благо-получно домой, а въ 1915 г. при на-ступленіи австрійцевъ спаслась въ Рос-сію.

Въ общемъ въ Бродахъ и двухъ бродскихъ предмѣстьяхъ Малыхъ и Ве-ликихъ Фольваркахъ были арестованы въ 1914 г. слѣдующія лица :

1. Андрей Гр. Полищукъ,
2. Марія Р. Полищукъ,
3. Ирена Ал. Кучерина,
4. Николай Жедекъ,
5. Козьма Крижановскій,
6. Лука Д. Сѣрко,
7. Григорій Сѣрко,
8. Иван Гр. Сѣрко,
9. Марія Бойчукъ,
10. Елена Бойчукъ,
11. Василий Шустъ,
12. Игнатій Дзюба,
13. Иванъ Караимъ,
14. Лука Караимъ,
15. Марія Караимъ,
16. Анна Караимъ,
17. Петръ Дзюба,
18. Данило Горницкій,
19. Н. Горницкая,
20. Лука Темехъ,
21. Лука Бойчукъ,
22. Василий Ивасюкъ,
23. Семенъ Бойко,
24. Павелъ Олѣйникъ,
25. Марія Олѣйникъ,
26. Семенъ Олѣйникъ,
27. Димитрій Зен. Плисъ,

28. Иванъ Як. Лысайко
29. Семенъ Гладунъ,
30. Павелъ Гладунъ,
31. Ольга Гладунъ,
32. Екатерина Гладунъ,
33. Ярославъ Гладунъ,
34. Андрей Гладунъ,
35. Марія Ив. Шкозъ,
36. Марія Вас. Бойко,
37. Марія Ник. Бойко,
38. Марія Темехъ,
39. Иванъ Чорній,
40. Лука Ник. Темехъ,
41. Степанъ Ив. Носевичъ,
42. Иванъ Мих. Дребичъ,
43. Софья Оом. Лывтъ,
44. Василий Р. Ваврыкъ
45. Марса Фил. Дребичъ.
46. Юліанъ Кустыновичъ,
47. Н. Шпакъ,
48. свящ. Мартинъ Як. Балюта,
49. Андрей Васильцевъ, Высоцко,
50. Данило Ив. Сидорикъ,
51. Семенъ Ал. Боечко,
52. Н. Свистуновичъ, Поповцы,
53. свящ. Юстинъ Сухаровскій, За-болотцы,
54. Н. Бендаревскій, с. Берлинъ,
55. Юсафатъ Якимовичъ, с. Берлинъ,
56. свящ. Игнатій Ф. Гудима, Дыт-ковцы,
57. Филиппъ Гудима, Дытковцы,
58. Иванъ Придиба, Буратинъ,
59. Иванъ Чернобай, Буратинъ,
60. Чижъ, Черница.

Кромѣ поименованныхъ было аре-стовано еще нѣсколько чело-вѣкъ, къ со-жалѣнію ихъ фамиліи установить мнѣ не удалось.

Андрей Гр. Полищукъ.

Горлицкій уѣздъ.

с. Мацина вел. Австрійскія войска орда въ завоеванной странѣ. Не давали вели себя на Лемновщинѣ, какъ дикая пощады даже церквамъ. Такъ н. пр. въ

с. Мацинѣ вел. въ половинѣ минувшаго декабря солдаты расположились въ мѣ-стной церкви. Тамъ спали, держали сво-ихъ лошадей, а за престоломъ устроили отхожее мѣсто. Однажды, отнявъ у мѣ-

стнаго крестьянина свинью, они закололи ее тутъ же въ церкви и повѣсили ее на крестѣ, употребляемомъ во время кре-стныхъ ходовъ, для справленія.

„Прик. Русъ“ 1915 г. № 1548:

Золочевскій уѣздъ.

с. Бортковъ. Въ селѣ Бортковѣ, еще до начала войны, 3 августа 1914 г. были арестованы прежде всего всѣ крестьяне, состоявшіе членами правленія мѣстной читальни О-ва им. М. Качков-скаго, а именно :

- 1) псаломщикъ Иванъ Сабрига ;
- 2) есаулъ „Русской Дружины“ Иванъ Балучинскій, умеръ въ Талергофѣ ;
- 3) Василий Пивоваръ ;
- 4) лавочникъ Григорій Регета ;
- 5) Степанъ Фурда, умеръ въ Талер-гофѣ ;

а нѣсколько дней спустя также рядъ другихъ русскихъ крестьянъ :

- 6) Никита Орицишинъ,
- 7) Василий Орицишинъ,
- 8) Иванъ Маркевичъ,
- 9) Иванъ Котъ,
- 10) Павелъ Кухаръ,
- 11) Михаилъ Чупрій,
- 12) Григорій Котъ,
- 13) Василий Коханъ,
- 14) Василий Хамула, умеръ въ Та-лергофѣ,
- 15) Марія Хмѣль, умерла въ Талер-гофѣ.

Всѣ они были закованы въ кан-далы, при чемъ ихъ заколачивали моло-томъ нарочно до того небрежно, что почти у всѣхъ руки оказались поране-ными.

Арестованные были отправлены подъ конвоемъ въ г. Золочевъ, гдѣ евреи раз-били Ив. Маркевичу камнемъ голову, такъ что онъ лишился чувствъ. Павлу

Кухару толпа оборвала бороду, жандармы же ничуть не мѣшали этимъ безчинствамъ.

Крестьянина Василия Хамулу, члена правленія мѣстной русской читальни аре-стовали и увели отдѣльно на жел.-дор. вокзалъ, чтобы затѣмъ отправить его въ Золочевъ. На вокзалѣ напали на него „украинцы“ изъ Краснаго и избі-ли кольями, избивъ его въ грудь, руки, спину и изорвавъ на немъ одежду.

Большинство этихъ крестьянъ были арестованы по доносу мѣстнаго езрен Рейсберга. Другіе изъ арестованныхъ въ Бортковѣ были указаны жандармамъ, какъ „опасные руссофилы“, „украинца-ми“ изъ Краснаго и Фирлески, въ ча-стности двумя „украинскими“ агитато-рами изъ Краснаго, братьями Дѣтчуками, которые вообще были довѣренными ли-цами и освѣдомителями жандармовъ.

За три дня до занятія русскими войсками с. Борткова, сюда вошли ма-дьяры и польскіе легіонеры. Капитанъ-полякъ окружилъ приходской домъ сол-датами, самъ же вошелъ внутрь, выкри-кивая, что онъ имѣетъ приказъ аресто-вать священника. Когда-же на встрѣчу ему вышелъ 80-лѣтній немощный ста-рикъ, свящ. Теофилъ Дейницкій, капи-танъ смутился и, приказавъ только про-ивести обыскъ, ушелъ, оставляя старика въ покоѣ.

Тотъ-же капитанъ приказалъ сол-датамъ снять колокола съ колокольни и отцѣпить языки, угрожая растрѣлать каждаго, кто посмѣетъ звонить.

Въ день отступленія австрійскихъ войскъ изъ Борткова были еще арестованы два крестьянина — Николай Орипишинъ и Александръ Сяноцкій.

Солдаты связавъ имъ руки взяли ихъ съ собой. Наконецъ послѣдніе австрійскіе отряды арестовали войта Ивана Магера, но такъ какъ, уже некогда было расправиться съ нимъ, то заперли его въ громадскомъ домѣ. Его освободили оттуда вступившія въ село передовыя русскія стражи.

Арестованныхъ въ 1914 г. бортковскихъ крестьянъ конвоировали въ Золочевъ жандармы подъ командой нѣкогого Иворскаго. Передъ входомъ въ Золочевъ послѣдній приказалъ арестованнымъ сойти съ подводы и идти медленно пѣшкомъ, сообщивъ предварительно толпѣ, что онъ ведетъ „шпионовъ“.

Поощренная и разъяренная этимъ сообщеніемъ городская толпа стала избивать несчастныхъ чѣмъ попало и куда попало. Та же самая бойня повторилась въ оградѣ тюрьмы. На слѣдующій день въ 8 ч. утра арестованные были закованы въ кандалы и отправлены во Львовъ.

Золочевскій уѣздъ.

(По сообщенію Теодора Андрухова).

г. Золочевъ. Еще въ 1914 г. въ первыхъ дняхъ августа былъ арестованъ въ Золочевѣ (Теодоръ Яхновичъ и вмѣстѣ съ многими высланъ въ Терезіенштадтъ. Затѣмъ по истеченіи нѣкотораго времени былъ онъ переведенъ въ концентраціонный лагерь въ Талергофъ. Послѣ пережитыхъ волненій, больной, и разстроенный вернулся въ 1917 году домой, гдѣ и умеръ послѣ развала Австріи.

Въ с. Жашковѣ того же уѣзда былъ арестованъ Григорій С. Зубинскій.

Анна Ляховичъ.

Путь съ главнаго вокзала въ военную тюрьму во Львовѣ былъ для насъ тоже настоящимъ крестнымъ ходомъ. Многіе отъ побоевъ и оскорбленій едва держались на ногахъ.

У входа въ военную тюрьму увидѣлъ насъ тюремный надзиратель по національности чехъ, и приказалъ снять немедленно цѣпи съ нашихъ рукъ.

31 августа мы были посажены въ вагоны, а 4 сентября пріѣхали въ Талергофъ.

Иванъ Сабрига.

Въ с. Вел. Ольшаницѣ были арестованы 23 крестьянъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ.

Въ с. Сквиловѣ были арестованы 9 крестьянъ, въ томъ числѣ одна женщина. По словамъ жителя того же села Петра Сукача, служившаго въ австрійской арміи и попавшаго въ русскій плѣнъ, австрійцы повѣсили 12 крестьянъ въ м. Ярычевѣ.

(„Прик. Русъ“ 1914 г. № 1441).

с. Переволочная. 13 августа 1914 г. явился въ с. Переволочной комендантъ жандармской станицы въ Соколовкѣ Пузыо съ 3 солдатами и послѣ короткаго совѣщанія съ тогдашнимъ сельскимъ старостой Петромъ Иваховымъ. пошли съ ревизіей въ домъ сельскаго писаря Теодора Андрухова. Послѣ ревизіи подвергли Андрухова и его сына Михаила, гимназиста 8-го класса допросу поставивъ имъ рядъ вопросовъ въ родѣ — чѣмъ оба занимаются въ свободное время, какія газеты читаютъ, въ частности на какомъ языкѣ и какимъ право-

писаніемъ (казенной ли фонетикой или же этимологическимъ) ведетъ Андруховъ переписку съ властями. Получивъ отъ Андруховыхъ разъясненіе, что ими дѣлается все, что разрѣшено законами, жандармъ оставилъ обоихъ подъ карауломъ пока дома приказавъ имъ собираться къ отъѣзду въ Олеско къ судебному допросу, а самъ съ солдатами зашелъ въ домъ Андрея Рудко, 70 лѣтняго старика. Послѣ тщательнаго обыска не найдя ничего подозрительнаго, жандармъ арестовалъ Рудко съ женой Екатериной не разрѣшивъ имъ запасть въ необходимомъ пропитаніемъ и переодѣтъ на дорогу.

Предлогомъ къ самочинному обыску и арестованіямъ произведеннымъ жандармскимъ комендантомъ, какъ повдѣ выяснилось, былъ недостойный доносъ со стороны „regierungspartei“-цевъ т.е. мѣстныхъ „украинцевъ“ чаявшихъ такимъ образомъ воздать „самостійную Украину“.

Присоединивъ такимъ же манеромъ къ арестованнымъ еще Ивана Ѳ. Ивахова, комендантъ обыскалъ у всѣхъ карманы и отобравъ у нихъ деньги велѣлъ садиться въ поданныя подводы. Каково же было удивленіе арестованныхъ, когда подводы вмѣсто ѣхать въ Олеско свернули на путь въ Золочевъ, а спрошенный жандармъ отвѣтилъ, что всѣ команды навѣрно перебрались уже въ Бѣлый Камень, вначить туда и слѣдуетъ имъ ѣхать. Послѣ пріѣзда въ это мѣстечко жандармъ передалъ сопровождаемыхъ жандармской смѣнѣ. Тутъ арестованные сдѣлались предметомъ надруганій собравшейся толпы, ревѣвшей неистово :

— повѣсить, растрѣлять измѣнниковъ.

Въ Золочевѣ пріѣхали въ 11 ч. ночи. Въ уѣздномъ старостѣ не было уже ни живой души, начальство вѣдъ заблаговременно сбѣжало. Въ виду этого арестованныхъ ваперли въ тюрьмѣ, помѣщавшейся въ старинномъ замкѣ. Тамъ продержали двое сутокъ. Собравъ въ тюрьмѣ около 150 человекъ „измѣнниковъ“ тюремная администрація распорядилась отправить ихъ подъ конвоемъ на вокзалъ. Тутъ попало бѣднягамъ отъ мѣстныхъ ротавѣвъ, отъ желѣзнодорожной прислуги, не воздержавшихся отъ оскорбленій по адресу арестованныхъ даже интеллигентные казались представители армій. Какой то капитанъ артилеріи увидѣвъ младшаго Андрухова въ гимназической формѣ набросился на него съ руганью и съ поднятой рукой. И только движеніе толпы напиравшей сзади и непроизвольно оттолкнувшее разъяреннаго капитана спасло гимназиста отъ вѣрныхъ побоевъ. Офицеръ приказалъ жандарму обратить особое вниманіе на гимназиста.

Мазепинецъ жандармъ по фамиліи Щуръ поощренный офицеромъ, съ наглостью злорадомъ не замѣдливъ стянуть гимназисту цѣпами крѣпко руки. Уже въ вагонѣ по пути изъ Золочева во Львовъ старикъ Андруховъ просилъ жандарма освободить немного сыну руки. Но тотъ въ отвѣтъ, увидѣвъ между арестованными еще одного гимназиста Н. Мандыбура изъ Соколовки, обратился къ нему на официальномъ языкѣ (на польскомъ):

— иди сюда, твой коллега говоритъ, что ему въ цѣпяхъ скучно, въ двоимъ будетъ вамъ веселѣе.

Во Львовѣ на вокзалѣ построили всѣхъ въ шеренги, а скованныхъ гимназистовъ жандармъ - прокататоръ умышленно выдвинулъ впередъ. Это во-

зимѣло свое дѣйствіе. Городская толпа жаждавшая зрѣлищъ и теперь ежедневно собиравшаяся кругомъ вокзала встрѣтила эшелонъ неистовымъ крикомъ и угрозами, готовая арестованныхъ растерывать на мѣстѣ. Не смотря на присутствіе наспѣвшей конной и пѣшей полиціи и вооруженныхъ солдатъ бросала камнями, бревнами, толкала и била. Больше всѣхъ досталось закованнымъ гимназистамъ, покойному судѣ Мух. Иванушѣ, которому подбили глаза и разбили голову. Такъ прошли они черезъ городъ на улицу Баторія, а когда тамъ не оказалось свободныхъ мѣстъ, арестованные были размѣщены въ Бригидкахъ.

Въ мирное время культурная на первый взглядъ львовская публика, превратилась въ началѣ войны въ варваровъ, въ дикихъ звѣрей, потеряла свой человѣческій обликъ. А вѣдь каждый изъ жителей Львова считаетъ себя европейцемъ. А русскій народъ въ Галичинѣ страдалъ и кровью истекалъ отъ моральныхъ и физическихъ ранъ наносимыхъ ему этой страшной „европой“.

Во дворѣ въ Бригидкахъ стояли готовые нѣсколько висѣлицъ, ежедневно скрипѣвшіе подъ тяжестью повѣшенныхъ не-

умѣлою рукою жандарма или солдата, невинныхъ жертвъ. Трудно было смотрѣть изъ камеръ въ окошко на страшное зрѣлище. А вѣдь до ушей заключенныхъ долеталъ снизу смѣхъ должностныхъ лицъ высылавшихъ арестованныхъ на тотъ свѣтъ.

Нѣсколько дней спустя началось новое движеніе. Это переводили арестованныхъ изъ Бригидокъ на вокзалъ. Наверно власти распорядились сдѣлать снаружи на нагонахъ соответствующихъ надписи, ибо не смотря на полное закрытіе вагоновъ на каждой стайціи и подустанкѣ толпа встрѣчала транспортъ грознымъ „распи“.

И вдругъ какъ по мановенію волшебной палочки крики замолкли, наступила тишь. Ссылные узнали отъ конвой, что побѣдъ перешагнулъ галицкую границу и остановился въ предѣлахъ Моравіи.

Сочувственно-радушная встрѣча оказанная транспорту мѣстнымъ чешскимъ населеніемъ вселила въ ссылныхъ вѣру, что есть уголки на землѣ, гдѣ нѣтъ переодѣтыхъ лѣдоѣдовъ, гдѣ торжествуетъ право и правда, гдѣ живетъ культурный народъ.

Иванъ Рудко.

Добромильскій уѣздъ.

С. Рыботицкій Посадъ. Послѣ закрытія всѣхъ русскихъ институцій и издательствъ въ августѣ 1914 года, я, не получая русской газеты изъ Львова, а интересуясь политическими событіями, ходилъ иногда въ близъ лежащее мѣстечко Рыботичи къ врачу Гурскому читать газеты. Однажды на обратномъ пути встрѣтившись съ жандармомъ Рудовскимъ, весьма совѣстнымъ и честнымъ человѣкомъ (бѣлый крутъ

между жандармами — поляками) разсказалъ ему о французской побѣдѣ надъ нѣмцами надъ Марной. Жандармъ предупредилъ меня, что въ настоящее время надо быть осторожнымъ, что молъ можна невинно пострадать за каждое неосторожное слово. — „Dzisiaj nikt nie rewnu czy go nie wezma“.

Видно, что нибудь да зналъ жандармъ, только неловко было ему распространяться передъ хорошимъ сво-

имъ знакомымъ. Я конечно взялъ во вниманіе его соображенія и чувствуя инстинктомъ, что злой рокъ виситъ надъ всѣми русскими галичанами, весь ушелъ въ себя и въ исполненіе своихъ священныхъ обязанностей.

Въ первыхъ дняхъ всеобщей мобилизаціи отправился я съ списками своихъ прихожанъ въ сельское правленіе. Тутъ составлялись и провѣрялись списки подлежащихъ воинской повинности. Сельское правленіе было уже въ сборѣ, также присутствовали два жандармы-мазепинцы. Когда послѣдніе удалились въ село, я случайно замѣтилъ лежащую на полу бумажку. Поднявъ ее, я познакомился съ ея содержаніемъ. Бумагу потерялъ жандармъ. Было это отношеніе жандармскаго управленія, въ которомъ сообщалось изъ Вѣны, что 1) за арестованіе всякаго неблагонадежнаго интеллигента назначается правительствомъ награда въ 50 коронъ; 2) арестованіе подозрѣваемого крестьянина награждается суммой 8 коронъ; и 3) за саботажъ, шпіонажъ, въ частности поврежденіе телеграфной и телефонной сѣти полагается строжайшее наказаніе, лицамъ же схватившимъ преступника или укававшимъ его выдается вознагражденіе въ суммѣ 200 коронъ.

Мнѣ стала ясной причина массовыхъ арестовъ. Вѣдь темныя личности, желающіе выручить грошъ хотя бы цѣной жизни своего ближняго, находятъ вездѣ въ изобиліи. Распоряженіе правительства было понято жандармами и ихъ агентами какъ средство наживы — благо моментъ такой подопелъ, не слѣдуетъ выпускать его изъ рукъ.

Заходитъ въ то время къ моему сыну коррепетиторъ гимназистъ Михаилъ Хроновичъ. Молодой человѣкъ, хотя по убѣжденіямъ своимъ былъ яркимъ украинофиломъ, однако душа и совѣсть

его была неиспорчена. Какъ то заходить ко мнѣ въ кабинетъ, весь взволнованный и возмущенный. На вопросъ, что съ нимъ случилось, отвѣтилъ:

— „Сейчасъ я былъ въ Рыботичахъ, гдѣ повстрѣчавшись мнѣ знакомый жандармъ предложилъ мнѣ отправиться въ сосѣднія русскія селенія и заняться слѣжкой русскихъ людей, въ частности интеллигенціи, обѣщая постоянное мѣсячное вознагражденіе и особое за всякій доносъ“.

Гимназистъ отклонилъ съ отвращеніемъ предложеніе жандарма, а чтобы не подвергнуться мести, поступилъ охотникомъ на военную службу.

Примѣромъ кровавой неравноравности, господствовавшей во время войны въ Галичинѣ, можетъ также послужить маленькое происшествіе съ сельскимъ старостой въ Рыбот. Посадѣ. Домъ его стоялъ за селомъ, а непрерывно проходившія австрійскія войска постоянно требовали старосту для разныхъ справокъ, для дачи квартиръ, подводъ и т. д. Чтобы упростить дѣло, сельскій староста примѣстился со своей канцеляріей т. е. съ кипой бумагъ на вольномъ вѣдухѣ въ мѣстѣ, гдѣ скрещивались дороги. Надошли мадыарскіе жандармы и увидѣвъ мужика, лежащаго съ бумагами и перомъ на травѣ, сейчасъ же его арестовали и раздѣли съ цѣлью повѣсить въ недалекой церковной оградѣ. Счастье хотѣло, что въ тотъ же моментъ надѣхалъ галопомъ мадыарскій офицеръ, утекающій съ отрядомъ кавалеристовъ. Офицеръ справился сперва у жандармовъ, а затѣмъ заговорилъ къ полуживому старостѣ на „руско-польскомъ“ языкѣ. Такъ опредѣлилъ староста нарѣчіе на которомъ заговорилъ къ нему офицеръ, бывшій по національности по всей вѣроятности словакомъ. Офицеръ приказалъ

освободить крестьянина, а когда жандармы удалились посоветовалъ ему спрятаться и совсѣмъ не показываться никому на глаза.

Вскорѣ и я былъ арестованъ. Въ перемышльскую тюрьму препровождали меня среди обычныхъ надругательствъ вмѣстѣ съ г.г. Нездропой, Заблоцкимъ, свящ. Гукевичемъ, д-ромъ Ильницкимъ и множествомъ другихъ. Въ трехъ то-

варныхъ вагонахъ ѣхало 200 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько русско-подданныхъ поляковъ изъ Красника. Не смотря на усиленную просьбу начальника конвоя дать еще одинъ вагонъ, чиновникъ тяги, полякъ, грубо отказалъ въ просьбѣ, пожелавъ намъ „передохнуть“ по пути въ Градецъ.

свящ. Мирославъ Лысакъ.

Жидачевскій уѣздъ.

Транспотъ изъ Стрия въ Вавовичи. Какъ всѣ трагедіи, такъ и Талергофъ имѣетъ свое предисловіе. Во время послѣдвѣго, передъ европейской войной, засѣданія австрійской делегаціи въ Буда-Пештѣ обратился мазецинскій депутатъ Кость Левицкій, повѣнчанный „украинскій“ министръ при Петрушевичѣ, а нынѣ принесшій повинную полякамъ и организующій въ Галичинѣ правительственную партію среди коренного населенія, къ австрійскому военному министру Кробатину съ запросомъ, знаетъ ли онъ, что въ Галичинѣ роится отъ „rollenden Rubeln“ и что на счетъ Россіи содержатся въ Галичинѣ бурсы, которыхъ воспитанники по окончаніи гимназій получаютъ офицерскую степень? Можна ли полагаться на случай войны съ Россіей на того рода людей? Какія предохранительныя мѣры намѣряетъ предпривить министръ, чтобы цѣлостъ австрійской имперіи не пострадала?

Кробатинъ обѣщалъ сдѣлать все возможное и отъ него зависящее. Сейчасъ былъ изданъ приказъ по арміи, что не всякій кончившій среднее учебное заведеніе можетъ быть допущенъ къ офицерской степени. По арміи пошло разъясненіе, что въ Галичинѣ имѣются „русофилы“, съ которыми слѣдуетъ

обращаться какъ съ извѣнниками. Мавепинецъ Баронъ Василько постоянно обращаетъ вниманіе должностныхъ круговъ на опасность, угрожающую государству со стороны „русофиловъ“ и ничуть не смущаясь науськивать правительство къ преслѣдованіямъ русскихъ галичанъ: „packen sie doch einmal die Spitzen an“. Немедленно послѣ этого очутились въ тюрьмѣ Бендасюкъ, Гудима, Сандовичъ и Колдра. Австрійскіе офицеры получили даже карты, на которыхъ были обовначены русскія деревни специальными значками.

Во время войны мадьяры примѣняли эти инструкціи министра Кробатина при встрѣчахъ съ галицкими мужиками спрашивая ихъ: „ты русъ?“, а получивъ отвѣтъ: „я русинъ“, таковыхъ на мѣстѣ убивали. Единственно благодаря гнуснымъ доносамъ мазецинскихъ вождей съ высоты парламентской трибуны, какъ то Костя Левикаго, фонъ Василько и др., а также мѣстной польской администраціи, горѣвшей наравнѣ съ мазепинцами стѣпой ненавистью къ русскому міру, пало столько невинныхъ жертвъ. (Дашинскій насчитываетъ ихъ 60 тысячъ человекъ). Доносчики готовили висѣлищу для передовыхъ людей (Spitzen) — но вышло иначе. Передовые люди попали въ Талергофы, откуда мно-

гіе все таки вернулись домой, а на мѣстахъ расправлялась дикая мадьярская орда съ сѣрой крестьянской массой.

И въ Талергофъ Кость Левицкій не оставилъ свою жертву безъ вниманія. Сюда делегируетъ онъ своего ватя д-ра Ганкевича, который въ качествѣ члена лагерной комиссіи имѣлъ должную „опеку надъ ненавистными москвофилами“.

Кровавые годы 1914 — 1917 предсказалъ передъ войной покойный депутатъ Вас. Давидякъ, сообщавшійся съ депутатомъ свящ. Стояномъ. Послѣдній же былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ убитымъ наслѣдникомъ Фердинандомъ.

Въ Кіонопишѣ, резиденцію Фердинанда было переведено Гл. Упр. Воен. Шт. Въ его составѣ организовано особое отдѣленіе вѣдавшее украинофильской пропагандой въ Галичинѣ и Россіи и всѣми дѣлами, связанными съ этимъ вопросомъ. Посты главковерховъ заняли въ этомъ отдѣленіи Кость Левицкій и фонъ Василько готовя гибель русскому народу въ Галичинѣ. Подобныя организаціи были въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ мазепинцы въ качествѣ Leibgarde-истовъ при уѣздныхъ начальникахъ вели точные указатели будущихъ жертвъ проскрипціи. Съ объявленіемъ мобилизаціи и военного положенія, пошли аресты усмотренныхъ жертвъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ болѣе совѣстные у. начальники не могли своимъ авторитетомъ приостановить арестованій невинныхъ людей, за которыхъ сами могли поручиться. Если данное лицо не принадлежало къ Regierungspartei т. е. къ мавепинской фракціи, тогда Leibgarde была всеильной и безконтрольной въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ.

Для достовѣрности и лучшаго доказательства истинны изображаемаго нами положенія приведемъ еще одинъ фактъ.

Въ маѣ 1914 г. былъ подписанъ адвокатами Костемъ Левицкимъ, Федаткомъ и 180 товарищами, и поданъ въ имперское намѣстничество во Львовѣ меморіаль съ просьбой передать „украинцамъ“ русскія народныя общества: Народный Домъ, Ставропигійскій Институтъ и Ово им Качковскаго. Въ этомъ письмѣ обращается вниманіе австр. правительства на вредную для государства дѣятельность означенныхъ обществъ содерживавшихъ рядъ ученическихъ приютовъ и воспитывавшихъ русскую молодежь въ духѣ, согласно съ исторической истиной наперекоръ повсемѣстно учреждаемымъ мавепинскимъ училищамъ, гдѣ застрашающимъ образомъ извращалась родная исторія (н. пр. „Украинска Правда“ вмѣсто „Русская Правда“ истор. памяти., князь Владиміръ и Ольга и т. п. были украинцами и т. д.)

Даже во время войны Кость Левицкій и К^о не присѣли, а наоборотъ съ рвеніемъ и энергіей, достойной лучшаго примѣненія занимались доносами, не смотря на то, что по ихъ же самыхъ пониманію всѣ „русофилы“ частично припрятаны по тюрьмамъ, или вывѣшаны, или же бѣжали въ Россію, слѣдовательно Галичина оставалась волюной отъ деструктивнаго „русофильскаго“ элемента. За подписью этого доносчика и компаніи былъ поданъ въ Намѣстничество вторично меморіаль 24 ноября 1915 года. № 35470/рг. подъ заглавіемъ: „Меморандумъ общей украинской національной Рады, касающійся мѣропріятій по реформѣ украинскихъ учрежденій, захваченныхъ руссофилами во Львовѣ“ — въ которомъ между прочимъ говорится: „Es gibt in Lemberg drei grosse

Кörperschaften, welche den Zwecken der russophilen Propaganda dienstbar gemacht wurden, so dass diese Propaganda in diesen Instituten ihre Hauptherde gefunden hat.

Durch mehrere Dezenien wurde das Vermögen dieser Institute zur Unterstützung der russophilen Aktion in Österreich verwendet“.

О Ставропигійскомъ Институтѣ пишетъ: „Als Patronatsherr der wichtigsten Stadtpfarre in Lemberg besetzte das Seniorat dieselbe immer mit hervorragenden russoph. Geistlichen, das Internat erzog die Jugend im russischen Geiste, in der Buchdruckerei wurden die russophilen Zeitungen und Broschüren meistens unentgeltlich in Druck gelegt, sie wurde zum Brennpunkte der ganzen russischen Agitationsliteratur in Galizien“.

О Народномъ Домѣ: „aus den Einnahmen des Institutes erhielten die russophilen Agitatoren direkte Subventionen. Im Internate für die Schuljugend wurde diese im russischen Geiste erzogen. Dieser Internat, unterstützt sehr reichlich aus Russland... wurde zu einer Pflegestätte des russischen Geistes und russischer... gegen das Reich gerichteten Propaganda... Die Vertreter der Ukrainer lenkten seit vielen Jahren mehrmals die Aufmerksamkeit der Regierung auf diese anormalen Zustände... Die Tattività... des Narodnyj Dim war seit Jahren angerichtet gegen die vitalsten Reichsinteressen... erzog die Jugend zu den Aposteln... der russischnationalen Propaganda, wurde zur Brutstätte und zum Hauptherde der russischen gegen die Mo-

narchie gerichteten, die Foerderung russischer Interessen für den Kriegsfall vorbereitenden und bezweckenden Action“.

О об-вѣ им. Качковского: „Dieses Vereineshaben sich die Führer der Russophilen bemächtigt mit Hilfe... seiner. Leseweine (?) in den Dorfgemeinden das Gift des Russophilismus in die Volksseele einzupflanzen, die breiten Volksmassen für Russland... zu gewinnen... dass derselbe Verein sowohl vor dem Kriege als auch während des Krieges mit den Führern der Verräterreien und der Spionage zusammenwirkte und aus Russland sehr reichlich subventioniert wurde...“

Въ этой денунціаціи обращается внимание на политическій процессъ деп. вѣнскаго парламента Маркова и тов. длившійся отъ 21/6—21/8 1915 г. въ которомъ въ качествѣ свидѣтелей въ пользу правительства давали показавія члены „украинской націон. рады“ Костя Левицкій, Н. Василько, А. Весоловскій, О. Кормошъ и др.

Какъ видимъ, несмотря на то, что „ненанистный москвофилъ“ истекающій кровью былъ поверженъ во прахъ и „обезвреженъ“, Костя Левицкій и честная его компанія не унимались, а предлагали всѣхъ силъ чтобы услышать послѣдній вздохъ этого самого „москвофила“.

Въ Жидачевскомъ у. начались аресты въ первыхъ дняхъ августа рокового 1914 г. Уѣздный начальникъ Казимиръ Яворчиковскій, находившійся подъ сильнымъ влияніемъ уѣздной мазецинской организаціи, состоявшей изъ ножаковъ: учителей Ивана Билинскаго изъ Пчанъ и Михаила Рихвицкаго изъ Розвадова и ксендзовъ Годовкевича изъ

Тейсарова и Борочка изъ Яйковецъ, побилъ рекордъ относительно числа арестовываемыхъ. Одновременно наполнялись всѣ тюрьмы въ уѣздѣ: въ Николаевѣ, Жидачевѣ и Журавнѣ. Когда въ этихъ мѣстечкахъ не хватало мѣста, арестовываемые переводились въ уголовную тюрьму въ Стрый. Такъ 20 августа переведено изъ Николаевской крѣпости надъ Днѣстромъ 52 человекъ въ Стрый. По пути изъ Николаева „украинскіе соколы“ напали на транспортъ избивая арестованныхъ. Всего въ Стрый къ моменту моего прибытія было свыше 300 человекъ. Надо съ привнательностью вспомнить, что тогдашній предсѣдатель окружного суда въ Стрый г. Маркеллъ Мѣсинскій самъ наблюдалъ и строго приказалъ обращаться съ нами по человѣчески. Даже разрѣшилъ арестованнымъ на собственные средства приобретать пропитаніе. Воспользовавшись гуманностью г. Мѣсинскаго мы заказали и постоянно получали обѣды изъ ресторана г. Вонсовича. Это не понравилось стрыйскимъ украинофиламъ и они посредствомъ своей организаціи затребовали примѣненія къ намъ строгаго режима, а для большаго давленія выбили г. Вонсовичу всѣ окна. Тогда по приказанію г. Мѣсинскаго и съ согласія н-ка тюрьмы Юс. Потушинскаго продукты покупались на наши средства на базарѣ и обѣдъ готовился въ тюремной кухнѣ.

Когда русская армія подступила къ Стрию явился въ тюрьму съ конвоемъ чиновникъ у. начальника Бронскій и уставивъ насъ въ шеренги погналъ на вокзалъ. Впереди шелъ г. Марушакъ и какой то чехъ — оба въ цѣпяхъ. Улица огласилась адскими ругательствами, туча камней полетѣла на наши головы. Ъхали мы неѣвши трое-сутокъ,

а 5 сентября нашъ поѣздъ остановился въ Вадовицахъ. При разгрузкѣ устанавливали насъ по четыре лейтенантъ Боянъ, полякъ, посылая намъ плевки въ лицо, а во время шествія изъ вокзала въ вадовицкую тюрьму передъ нами сѣменилъ старичокъ-полякъ отставной Оланскій ротмістръ, призывавшій смотрѣвшихъ на насъ женщинъ, выливать изъ оконъ нечистоты на наши головы.

Послѣ приѣзда изъ Вост. Галичины новаго эшелона въ Вадовицы, мы опять погрузились на вокзалъ и уѣхали дальше на западъ.

И.

с. Вишневецъ. Въ с. Вишневецѣ были арестованы въ 1914 г. слѣдующія лица: Петръ Казимирчукъ 54 лѣтъ, Григорій Курилецъ, Иванъ Мельвикъ; всѣ три умерли въ Талергофѣ. Вернулись изъ Талергофа домой: Иванъ Феникъ, Степанъ Блюзовскій, Теодоръ Петр. Казимирчукъ, Данилъ Феникъ, Теодоръ Курилецъ, Михаль Гучко и Марео Федакъ.

крест. Теодоръ П. Казимирчукъ.

с. Дубравна. Въ первыхъ дняхъ августа 1914 г. крестьянинъ села Дубравки Матвій Зваричъ, 60 лѣтъ, въ разговорѣ о разыгравшейся войнѣ сказалъ, что російскія войска могутъ дойти и до Жидачскаго уѣзда. Россія, молъ, большая и война ведется не на жизнь а на смерть. Подлѣ стоятъ и слышали разговоръ мѣстный крестьянинъ украинофилъ Данило Мудрый, извѣстный въ цѣлой окрестности ябед-

никъ и доносчикъ. Мудрый не принималъ участія въ разговорѣ сельскихъ политиковъ, но услышавъ сказанное М. Зваричемъ немедленно отправился домой, запрягъ лошадей и поѣхалъ въ с. Ляховичи-Зарѣчье съ доносомъ къ тамошнимъ жандармамъ. Жандармы истолковали доносъ по своему и старикъ М. Зваричъ очутился въ Журавнѣ въ тюрьмѣ, по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Послѣ недѣльнаго заключенія М. Зваричъ былъ отпущенъ на свободу благодаря показаніямъ евреевъ Шулима и Хайма Шрайеровъ удостоившимъ, что М. Зваричъ невиновный, а слова сказанныя нимъ среди собравшихся крестьянъ были доноскомъ Мудрымъ злобно извращены.

Въ другой половинѣ августа по доносу македонца Музыки и двухъ ев-

реевъ изъ Журавна были арестованы на базарѣ въ Журавнѣ, явившіеся тамъ ва покупками жители с. Дубравки: Павелъ Мисакъ, Кириллъ Зваричъ, Петръ Брычъ и гимназистъ Илья Брычъ, обвиняемые украинофилами и евреями въ укрывательствѣ бомбъ и въ стремленіи отравить воду для уничтоженія имѣющихся расквартироваться въ Журавнѣ мадярскихъ частей.

Этотъ нехлѣбный доносъ послужилъ толчкомъ къ высылкѣ арестованныхъ въ административномъ порядкѣ изъ родной мѣстности на продолжительное заключение въ Талергофъ.

По пути на вокзалъ и въ Талергофъ арестованные подверглись надругательствамъ и избиеніямъ со стороны оголѣвшей толпы.

Кириллъ Зваричъ.

Коломыйскій уѣздъ.

С. Вел.-Камянки. Я служила въ с. Вел.-Камянкахъ учительницей, а мой отецъ Илья Мих. Мардаровичъ состоялъ настоятелемъ прихода въ томъ-же селѣ. 22-го августа, 1914 г. заманили насъ жандармы хитростью въ с. Годы, воелѣ Коломыи и арестовавъ насъ тамъ безъ всякаго повода отправили въ Станиславовъ. Два дня водили насъ по Станиславовѣ изъ тюрьмы въ тюрьму на потѣху городской черни. По пути на вокзалъ напали на насъ уланы, упражнявшіеся воелѣ желѣзнодорожнаго пологна. Они нанесли мнѣ сильный ударъ въ лицо и голову тяжелымъ, тупымъ орудіемъ; я потеряла сознание, а когда очнулась, увидѣла себя на носилкахъ. Врачъ приводилъ меня въ сознание поливая холодной водою голову. Поѣзда нашего уже не было. Послѣ краткаго отдыха, конвойный солдатъ отвелъ насъ обратно въ тюрьму.

Первые два мѣсяца моего арестованія были выполнены непрерывнымъ путешествіемъ изъ одной тюрьмы въ другую. Сперва отправляли насъ въ Шатмаръ-Неметтъ, затѣмъ въ Мискольчъ потомъ обратно въ Галичину, въ Сяноцкую тюрьму. Относительно обращенія тѣ нами административныхъ властей долѣтъ сказать, что мой отецъ и свящ. Семеновъ [законоучитель въ Станиславовѣ] при слѣдованіи въ тюрьму были посажены нѣ въ возъ, въ которомъ живодеры перевозятъ собакъ. Оба старика преклоннаго возраста, избитые и взволнованные не могли подвигаться, силъ имъ не хватало. Въ Сянокѣ томилъ насъ голодомъ завѣдующій тюрьмой Лоренцъ не разрешая намъ приобретать пищу на собственные средства. Наконецъ мы были сосланы въ Талергофъ.

*Иванна Ил. Мардаровичъ
учительница.*

Уѣздъ Каменка-Струмилова.

с. Убинье. Когда вспоминаешь пережитыя времена, то въ памяти воскресаютъ только самые яркіе эпизоды, рѣзко нарушающіе нашу жизнь или же сильно дѣйствующіе на наше чувство и воображеніе.

Въ началѣ Великой войны меня не миновала судьба, постигшая многихъ моихъ земляковъ; я былъ арестованъ и отправленъ во Львовъ, въ тюрьму „Бригидки“.

Ночью съ 27-го на 28 августа едва мы дожились спать, съ шумомъ открылась дверь каземата и раздался наглый крикъ:

— Выходи!

Корридоры и внутренній дворъ тюрьмы освѣтился яркимъ свѣтомъ, въ которомъ зловѣще засверкали жандармскіе штеты и каски.

Зрѣлище неописуемое, чувство ошеломляющее. Затѣмъ столько вооруженныхъ съ ногъ до головы жандармовъ, что будутъ они дѣлать съ нами? Неужели послѣ десятковъ лѣтъ неуспѣшнаго учительскаго труда въ народной школѣ и воспитанія сотенъ маленькихъ гражданъ прійдется на старость лѣтъ погибнуть на ножахъ? На что сдалось культурное воспитаніе молодыхъ поколѣній? Чего ради провозглашались и прививались народнымъ массамъ идеи права и морали, если холодное желѣзо имѣетъ право распоряжаться жизнью сотенъ и тысячъ вѣрныхъ людей?

Велѣли всѣмъ выйти во дворъ. Собралось до 2500 чеоовѣкъ. Въ углу подлѣ тюремной стѣны заелѣла комиссія

со списками на столѣ и начала вызывать по фамиліямъ. Вызванныхъ строили въ ряды по четыре. Когда набралось до 250 чеоовѣкъ, жандармы окружали ихъ усиленнымъ конвоемъ и уводили въ сторону вокзала.

Сердце у меня екнуло. Неизвѣстность хуже всего, а спросить некого — куда отправляютъ? Ворота отпирались и закрывались нѣсколько разъ, засоны гремѣли, арестованныхъ спѣшно направляли на желѣзную дорогу. Остальнымъ велѣли итти спать.

Можно предполагать, что вызываемые были заблаговременно намѣчены, ибо вызывались преимущественно молодые и здоровые люди.

На слѣдующій день, послѣ обѣда, вызвали и меня во дворъ, гдѣ я встрѣтилъ между прочимъ Ф. Назаркевича, котораго привели изъ военной тюрьмы. Тамъ тоже всю ночь шла переключка и отправка на вокзалъ.

Оказалось, что власти искали кого-то другого, а не найдя его повели меня и г. Назаркевича въ полицію, запретивъ распространяться о происходившемъ въ тюрьмѣ.

На полиціи насъ заперли въ камеру, нанеся предварительно г-ну Н-чу пощечину, а на слѣдующій день прискакалъ вѣстовой съ приказомъ освободить насъ.

Я остался во Львовѣ и поселился у своего сына, а черезъ нѣсколько дней явились русскія войска.

С. Т. Сопницкій.

Любачевскій уѣздъ.

Произвольная рука австрійцевъ, Галичинѣ, не минула и Любачевского уничтожавшая русскій народъ по всей уѣзда.

Мѣстечка Нароль и Липско совершенно уничтожены пожаромъ, сильно пострадали мѣстечка Любачевъ и Цѣшановъ.

Въ с. **Цѣшановѣ** жандармы ворвались въ церковь въ то время, когда старикъ священникъ Мокрицкій служилъ обѣдню. Жандармы сорвали съ него ризы, вывели изъ церкви и погнали домой, не давъ ему возможности окончить литургію. Дома ховайничали уже другіе жандармы. Послѣ тщательнаго обыска, не найдя конечно ничего подозрительнаго, арестовали о. Мокрицкаго съ женой и двумя дочерьми и отправили въ Цѣшановъ въ тюрьму.

Въ **Любачевѣ** былъ арестованъ мѣстный псаломщикъ Иванъ Дубикъ. Его посадили въ маленькую камеру, забили дверь кирпичемъ оставивъ только небольшое отверстіе для подачи пищи. Такъ просидѣлъ Дубикъ двѣ недѣли въ полной темнотѣ, холодѣ и грязи. Освободили Дубика русскіе солдаты. Когда его вывели изъ заключенія, онъ почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе.

Перемышльскій уѣздъ.

Кромѣ поданныхъ въ первой части Альманаха были еще арестованы въ с. Поздичъ и сосланы въ Талергофъ:

Въ Любачевѣ кромѣ того были арестованы 7 человекъ, въ томъ числѣ А. Мончаловскій и священникъ В. Гоповскій съ сыномъ Иваномъ.

Въ **Олѣшичахъ** были арестованы 9 человекъ, въ томъ числѣ священники: Макарь и Лучечко и студенты И. М. Рыпавый и И. М. Ковъй съ двумя младшими братьями гимназистами.

Въ с. **Сухой Волѣ** были арестованы 6 человекъ, въ Бѣгалахъ — 3, въ Липовцѣ — священникъ Шумѣда, въ Коровицѣ и Улазовѣ по одному, въ Новомъ Диковѣ — 4, въ Нѣметовѣ — 3, въ Цѣлковѣ — 7, въ Синявкѣ — священникъ Федоронко, въ Горной Башнѣ — 4, въ Бруснѣ — 2, въ Ловчѣ — 2, въ Горайцѣ и Жуковѣ по 3, въ Новомъ Селѣ — 5, въ Стар. Диковѣ — 3, человекъ.

Въ с. **Хотилюбѣ** были арестованы всѣ члены сельскаго правленія съ войтомъ Фед. Давидко во главѣ. Въ общемъ арестовано здѣсь 11 человекъ.

[„Прик Русъ“ 1915 г. № 1514].

Иванъ Чуба младшій и Никита Федашъ, а въ с. Накло — Иванъ Фешакъ.

Накловецъ.

Перемышлянскій уѣздъ.

с. **Женевъ**. Въ с. Женевѣ былъ арестованъ въ 1914 г. весь составъ правленія мѣстной русской читальни въ лицѣ Тимофея Грица, Петра Грица, Степана Чайковского, Никиты Чайковского, Василя Мазура и Степана Мазура. Исполняя обязанность сельскаго писаря былъ я въ то время вызванъ въ уѣздное старостно для получения

инструкцій относительно реквизиціи у крестьянъ скота для войскъ. Возвратясь домой встрѣтилъ я на своемъ дворѣ жандарма и двухъ ландштурмистовъ, которые послѣ обыска въ читальнѣ ждали спокойно моего возвращенія изъ города. Связавъ насъ попарно за руки отправили подъ радостные оклики и площадную ругань односельчанъ

католиковъ на станцію Задворье. Тутъ вдоволь натѣшились нами желѣзнодорожники колоты насъ палками подъ свистъ падающихъ сверху камней, брошенныхъ толпою. Конвойные исподтишка подгнали насъ нечаянными, короткими ударами прикладовъ. Больше всѣхъ пострадалъ я и Иванъ Джара изъ Перегноева. Окровавленныхъ и усталыхъ доставили насъ въ Львовъ въ Замарстиновскую военную тюрьму. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ теченіи дальшаго путешествія изъ Львова на Западъ неистовства неунимающейся оравы, встрѣ-

чавшей насъ повсемѣстно на станціяхъ адскимъ гамомъ и колотушками не прекращались до границъ Шлѣска. Въ Бохнѣ отказались торговки продать намъ съѣстныхъ припасовъ.

Предварительныя страданія, сопутствовавшія намъ въ протяженіи проѣзда черезъ Галичину, кончились только на Чепско-моравской границѣ. Послѣ 6-ти мѣсячнаго заключенія въ Ольмоуцѣ на Моравіи и допроса военнымъ судьей мы были сосланы въ Талергофъ.

Степанъ Мазуръ.

Подгаецкій уѣздъ.

Арестованія „прикарпатскихъ Россіянъ“. Подъ такимъ заглавіемъ помѣстила украинофильская газета „Діло“ сообщеніе объ арестованіяхъ русскихъ галичанъ въ Подгаецкомъ уѣздѣ, причемъ слова „прикарпатскихъ Россіянъ“ были въ „Діло“ злорадно взяты въ кавычки. Подаемъ это сообщеніе въ переводѣ изъ мѣстнаго галицкаго діалекта:

Въ пятницу 7-го сего августа былъ арестованъ жандармеріей въ Вышне-невчикѣ священникъ Вас. Томовичъ, настоятель прихода въ Мозоловкѣ и Зарнаницкій благочинный и былъ препровожденъ въ судебныя аресты Подгаецъ,

откуда того же дня былъ перевезенъ почтовымъ поѣздомъ въ 3-мъ часу пополудни во Львовъ для преданія военному суду. Въ субботу въ 4 ч. утра былъ арестованъ жандармами въ Голгочахъ помощникъ прис. повѣреннаго изъ Журавна Владимиръ Навроцкій и былъ препровожденъ въ судебныя аресты въ Подгайцахъ. Уѣздное староство въ Подгайцахъ закрыло въ четвергъ 6-го числа сего мѣсяца всѣ существовавшія въ уѣздѣ „москвофильскія“ организаціи, какъ то: читальни им. Качковского, дружины и ссудо-сберегательныя товарищества при читальняхъ Качковского.

Газ. „Діло“ 1914 г. № 177.

Русско-Равскій уѣздъ.

м. **Магеровъ**. 2 августа 1914 г. пріѣхавшій ко мнѣ на подводѣ крестьянинъ с. Лаврикова съ просьбой ѣхать туда хоронить покойника сообщилъ, что ихъ приходникъ Николай Осмѣловскій арестованъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими жителями Лаврикова отправленъ въ цѣпяхъ въ Жолкву.

Это сообщеніе сильно меня обеспокоило, такъ какъ я былъ однимъ національныхъ убѣждений съ арестованнымъ сообщдомъ, вовсе не скрывался со своими политическими возрѣніями, и укрѣплялъ въ своихъ прихожанахъ любовь къ родной Руси, что вовсе не мѣшало мнѣ

быть одновременно хорошим австрийским гражданином.

На другой день послѣ похоронъ въ Лавриковѣ явились въ Магеровѣ гузары, чтобы меня арестовать и посадить въ тюрьму. На этотъ разъ однако мнѣ удалось при помощи разныхъ уловокъ увернуться отъ тюрьмы. Когда же я, послѣ уничтоженія Магерова артиллерійскимъ огнемъ, переселился въ Лавриковъ, тамъ вторично былъ я арестованъ и преданъ полемому суду, квартировавшему въ Каменкѣ-Липникѣ. Судъ не нашелъ доказательства моей виновности и отпустилъ меня на волю.

Третій разъ былъ я арестованъ въ 1915 г. жандармомъ Зелинскимъ и отправленъ въ Перемышль, гдѣ послѣ допроса былъ оправданъ, а четвертый разъ уже въ 1916 г. преступная душа австрийскаго жандарма Слезака подвергла меня общей участи, постигшей десятки тысячъ моихъ земляковъ. Я былъ арестованъ и препровожденъ въ Талергофъ.

Свѣд. Іоаннъ Решетило.

Рогатинскій уѣздъ.

Въ Рогатинскомъ уѣздѣ были арестованы: воспитатель русской бursы въ Рогатинѣ, священники Іоаннъ Машакъ изъ Липицы гор., Апостлиарій Филиповскій изъ Подкаменья съ дочерью,

почт. чин. въ Рогатинѣ Романъ Кобринскій, псаломщикъ Мих. Демчишинъ изъ Конюшокъ и одинъ дворовый служащій изъ Стратина.

„Діло“ 1914 г. № 179.

Скольскій уѣздъ.

с. Орава. Въ селѣ Оравѣ были арестованы и сосланы въ Талергофъ слѣдующіе крестьяне: Михаилъ Глуханъ, Иванъ Марковичъ, Алексій Диньковичъ, Яковъ Вайдичъ, Павелъ Бутчакъ и Юрко Добровольскій. Вся вина арестованныхъ заключалась въ томъ, что они интересуюсь общественной жизнью любили читать русскую газету и русскую книгу,

а знан историческое прошлое родного народа твердо и сознательно стояли на точкѣ культурнаго единства всего русскаго народа. Арестованные были передовыми людьми въ своемъ селѣ, а не скрываясь вовсе съ своими убѣждениями, тѣмъ самими уже были солью въ глазахъ враговъ всего русскаго.

Крест. Михаилъ Глуханъ.

с. Корчевъ. Я былъ арестованъ въ первыйя дниа августа 1914 года въ Жданѣ на Лемковщинѣ и вмѣстѣ съ другими просидѣлъ въ Горлицкой тюрьмѣ до 14 сентября 1914 г.; послѣ того я былъ вывезенъ въ Талергофъ. Въ іюлѣ 1915 былъ я препровожденъ съ 24 галичанами въ Вѣну и заключенъ въ военную тюрьму, гдѣ просидѣлъ ровно два года. Послѣ предварительнаго слѣдствія я былъ поставленъ передъ военный судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ вмѣстѣ съ г. Богатырцемъ и товарищами. Судъ меня оправдалъ однако я былъ задержанъ въ тюрьмѣ по настоянію военно-прокурорскаго надзора; окончательно выпущенъ я на волю 17 іюля 1917 г. послѣ объявленія имп. Карломъ амнистіи.

Свѣд. Феодосій Дуркотъ.

Примѣчаніе. Священникъ Феодосій Дуркотъ, настоятель прихода въ с. Корчевѣ Русско-Равскаго уѣзда былъ убитъ поляками въ своемъ приходѣ въ 1924 году.

С. Тарнавка, Скольскаго уѣзда. Въ с. Тарнавкѣ Скольскаго уѣзда были арестованы и сосланы въ Талергофъ: Николай Осиповичъ Матыцевскій и Ели-

санета Васильевна Матыцевскан, перенесшіе благополучно ссылку и затѣмъ возвратившіеся на родину.

Т—цѣ.

Станиславовскій уѣздъ.

с. Горохолина. Кромѣ упомянутого въ I части Альманаха Ивана Капуцака, въ селѣ Горохолина были еще арестованы: псаломщикъ Алексій Дмитр. Капуцакъ и войтъ Иванъ Борицакъ 72 лѣтъ. Первый изъ нихъ умеръ въ Талергофѣ, а второй былъ сосланъ въ Гминдъ; оба были солью въ глазахъ нашихъ недруговъ; имъ не нравилась просвѣтительная дѣятельность обоихъ

среди сельскаго населенія и стремленіе ихъ учредить въ Горохолинѣ русскую читальню. Оклеветанные передъ австрийскими властями, Капуцакъ и Борицакъ обвинялись въ шпіонствѣ, государственной измѣнѣ и, въ частности, въ осѣдомленіи ими русскихъ войскъ относительно австрийскихъ „укрѣпленій кругомъ с. Горохолины“.

Михаилъ Тимковъ.

Тернопольскій уѣздъ.

С. Купчинцы. 12 августа 1914 г. явились въ селѣ мадярсіе офицеры съ цѣлью набрать тутъ подводъ для передвиженія австрийскихъ войскъ. На слѣдующій день съѣхалось въ Купчинцы изъ сосѣднихъ селеній множество подводъ, а оставившіеся у меня на ночь мадярскіе офицеры со своими солдатами потребовали меня, д-ра Эмил. Гладиповскаго, войта Мих. Броду и мѣстнаго учителя украинофила Фуртака участвовать въ оцѣночной комиссіи по вымѣру вознагражденія подводамъ за перевозъ войскъ и военныхъ грузовъ. По окончаніи оцѣнки мы получили выговоръ отъ присутствовавшаго тутъ-же военнаго начальства будто бы за чрезмерно высокія цѣны, признанныя нами крестьянамъ-подводчикамъ и разошлись домой.

Не успѣлъ я немного отдохнуть, вижу, является ко мнѣ два жандарма съ требованіемъ слѣдовать съ ними въ г. Тернополь для подписанія какого то протокола. Предполагая, что выдуман-

ный жандармами протоколъ имѣетъ связь съ дѣйствіями расѣлочной комиссіи, въ которой я принималъ участіе, я велѣлъ запрячь своихъ лошадей и въ полночь очутился вмѣстѣ съ жандармами въ г. Тернополь. Тамъ сверхъ моихъ ожиданій отведено меня въ тюрьму при окружномъ судѣ; тюремный надзиратель обшарилъ всѣ мои карманы, отобралъ у меня часы и бумажникъ съ деньгами и заперъ меня въ камеру, наполненную находившимися подъ слѣдствіемъ уголовными преступниками. Отвѣтомъ на мой вопросъ, когда же предложатъ мнѣ къ подписи обѣщанный протоколъ, была нанесенная мнѣ пощечина.

Въ безпокойствѣ и томленіи провелъ я въ тернопольской тюрьмѣ цѣлыя сутки. 14-го августа вывели меня въ корридоръ, гдѣ я встрѣтился со знакомыми священниками: Павломъ Дудикомъ, Александромъ Майковскимъ и Александромъ Мироновичемъ. Послѣ нѣсколькихъ часового ожиданія жандармы заковали насъ въ кандалы и увели цѣлый еще-

лонъ, въ числѣ около 200 человекъ, на вокзалъ для отправки во Львовъ. По пути на вокзалъ подверглись мы яростному нападенію городской толпы.

15-го августа нашъ поѣздъ остановился во Львовѣ на вокзалѣ Подзамче. Былъ латинскій праздникъ Успенія Пр. Богородицы. Гулявшая кругомъ вокзала чернь полюбостествовала кого привезли, а узнавъ, что это эшелонъ „опасныхъ шпионовъ“, обкидала насъ градомъ камней. Окруженные конвоемъ

съ трудомъ добрались мы въ гарнизонную тюрьму на Замарстиновѣ. Тутъ среди множества заключенныхъ я встрѣтился съ священниками Діонисіемъ Бачинскимъ изъ Городища и Іоанномъ Машакомъ, а затѣмъ въ теченіи послѣдующихъ дней послѣ сортировки мы были отправлены эшелонами кто куда — въ Талергофъ, Терезіенштадтъ и т. п. Я очутился въ Талергофѣ.

свщ. Владимиръ Микитка.

Толмачскій уѣздъ.

С. Ольшаница. Я былъ членомъ О-ва им. М. Качковского и предплачивалъ издаваемую во Львовѣ русскую газетку для народа. Другихъ прегрѣшеній за мной не числилось, слѣдовательно могъ быть спокойнымъ въ началѣ войны, что австрійскія тюрьмы меня минуютъ. По возрасту своему я не подлежалъ воинской повинности, былъ я единственно назначенъ кондукторомъ организовавшагося в селѣ обоза для перевозки военныхъ матеріаловъ. Выйдя вечеромъ въ село встрѣтилъ я своего знакомого и мы разговорились о разгравшихся событіяхъ. По моимъ соображеніямъ виновниками разгорѣвшагося военного пожара были сербы, убившіе австрійскаго кронпринца. На слѣдующій день явился ко мнѣ сельскій полицейскій и потребовалъ меня къ коменданту жандармеріи. Не предчувствуя ничего плохого, въ убѣжденіи, что жандармъ

вызываетъ меня для дачи справки относительно организовавшагося обоза, отправился я въ жандармское управленіе. Тутъ былъ я арестованъ и съ многими другими отправленъ въ западныя провинціи. Только въ Градцѣ въ Австріи узналъ я мнимую причину моей ссылки. Я обвинялся въ непочтительныхъ и злословныхъ выраженіяхъ по адресу убитаго престолонаслѣдника Фердинанда. Послѣ годичнаго пребыванія въ Талергофѣ мнѣ удалось доказать свою невиновность и въ 1915 г. былъ я отпущенъ на свободу.

Изъ с. Ольшаницы былъ еще арестованъ Северинъ Депутатъ, изъ Милова Василій Яворскій, изъ Пелагичъ Кириллъ Овчаринъ умершій въ Талергофѣ, изъ Толмача Михаилъ Атановскій.

крест. Иванъ Мих. Боднаръ.

Турчанскій уѣздъ.

Въ с. Ботля были арестованы въ августѣ кромѣ перечисленныхъ въ первой части Семенъ А. Евдчакъ и Иванъ Ст. Хрештакъ. У нихъ производилъ о-

быскъ вмѣсто жандарма школьный инспекторъ Иванъ Середа.

6 сентября 1914 были дальше арестованы: Василій С. Фацинецъ, Иванъ

І. Ниразъ, Иванъ С. Малетичъ, Павелъ Сав. Фацинецъ, Федоръ Михалковъ, Юрій Негеръ, Юрій Малетичъ, Алексѣй Бугиръ, Павелъ Ловницкій, Иванъ Сем. Малетичъ. Всѣ были вывезены въ Талергофъ.

Въ Ботелкѣ нин. были арестованы и высланы въ Талергофъ: учитель Діонисій Г. Чайковскій, затѣмъ послѣ обыска произведеннаго по приказу войта Ивана Фумича были арестованы: Наталья С. Чайковская, Михаилъ В. Михайличко, Фома Захаревичъ, Александръ Мешко, Яковъ Іошанъ (умеръ въ Талергофѣ), Василій Дм. Калиничъ и Андрей Ф. Тяжкунъ.

Изъ с. Гнилой были сосланы въ Талергофъ: свщ. Петръ Ив. Яневъ, Иванъ Ивановича, Иванъ Бодакъ, Андрей Бугринецъ, Василій Иречко, Степанъ Гундербайло, Василій Кизюръ, Федоръ Марканичъ, Василій Ивановича, Степанъ Яворскій, Константинъ Иречко, Михаилъ Кизюръ, Татьяна Дуранъ.

учитель Діонисій Чайковскій.

С. Гнилая. Священникъ Яневъ организовалъ въ селѣ вечернія чтенія, на которыхъ присутствовала большей частью взрослая молодежь. Учились церковного пѣнія, церковно-славянскаго письма и исторіи Руси. Наша вечерняя школа была солью въ глазахъ мазепинцевъ и 12 августа 1914 г. по доносу свщ. украинофила Мороза изъ Борыни я учителя Ив. Кульчицкаго изъ Гнилой былъ арестованъ сначала свщ. Яневъ, а затѣмъ всѣ курсанты, дальше члены О-ва им. М. Качковского и предплатители газетки „Голосъ Народъ“. Въ общемъ были арестованы Иванъ и Василій Ивановича, Василій Юрочка съ сыномъ Костей 14 лѣтъ, Степанъ Яворскій, Андрей Бугринецъ, Федоръ Марканичъ,

Иванъ Бодакъ, Степанъ Гундербайло, Степанъ Дендакъ, Михаилъ и Иванъ Кизюръ, Татьяна Дуранъ и Юрко Ивановича.

Свщ. Яневъ обвинялся въ полученіи рублей, въ совершеніи фальшивыхъ погребеній — будто бы вмѣсто покойниковъ закапывались на кладбищѣ ящики съ винтовками и тѣмъ подобныя нечѣпости.

Я въ то время находился еще на свободѣ. По долгу службы при сельскомъ управленіи меня вызвали въ м. Борыню и тутъ я случайно по дѣду одного изъ знакомыхъ зашелъ къ мѣстному приходнику свщ. Морозу. Тотъ узнавъ, что я изъ села Гнилой, сейчасъ же взялся меня смущать по поводу моихъ убѣжденій и выговаривать по адресу о. Янева. Затѣмъ сталъ мнѣ чертить пальцемъ на картѣ и на глобѣ политическія границы будущей триединой державы: Австро-Венгро-Украины послѣ побѣды Австріи надъ Россіей. Я слабо возражалъ, а въ два дня послѣ этого разговора, я былъ арестованъ жандармами. Остальныхъ прихожанъ арестовали „украинскіе січовики“ совместно съ австрійскими жандармами.

Въ списокѣ подлежащихъ арестованію, находившемся въ рукахъ учителя Кульчицкаго значилось 48 фамилій изъ села Гнилой, и только благодаря военному набору, остальные гниличане спаслись отъ тюрьмы. Также изъ Борыни попало множество жителей въ тюрьму благодаря свщ. Морозу.

Всѣхъ насъ сослано въ Талергофъ а отсюда, кто не палъ жертвой эпидеміи и былъ помоложе вѣкомъ отправляли власти вполнѣдствіи на позицію.

крест. Иванъ Ивановича.

Бережанскій уѣздъ.

М. Козловъ. Въ 1914 г. были арестованы въ мѣстечкѣ Ковловѣ и посланы въ Талергофъ слѣдующія семьи и лица:

Михаилъ Зѣлинскій, Даниилъ Зѣлинскій, Иванъ Дѣдиловскій, Андрей Дѣдиловскій, Николай Дѣдиловскій (умеръ дома), Николай Веретельникъ (умеръ дома), Марфа Веретельникъ, Иванъ Кульбаба (умеръ въ Талергофѣ), Андрей Кульбаба, Дмитрий Кушнѣръ (умеръ дома), Матвѣй Кушнѣръ (умеръ дома), Ксенія Кушнѣръ (умерла дома), Юлія Кушнѣръ (умерла въ Ропчицахъ въ Зап. Галичинѣ), Михаилъ Кушнѣръ (умеръ въ Талергофѣ), Анна Кушнѣръ, Иванъ

Кушнѣръ, Василій Бучинскій, Кирилъ Семчишинъ, Петръ Гесь, Илья Гесь, Иванъ Гесь, Иванъ Гураль (умеръ въ Талергофѣ), Дмитрій Стечишинъ (умеръ въ Талергофѣ), Андрей Фалинскій (умеръ въ Талергофѣ), Михаилъ Леципинъ, Анна Леципинъ, Анастасія Ракоча, Людомиръ Зарицкій.

Заключеніе въ Талергофѣ и пережитыя лишенія сильно подорвали здоровье козовцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ умерли на возвратномъ пути изъ Талергофа въ Галичину, иные же умерли дома послѣ возвращенія изъ Талергофа.

Козловскій.

Бобрецкій уѣздъ.

С. Шоломыя. Я былъ арестованъ въ первыхъ дняхъ августа 1914 года во время уборки хлѣба въ полѣ. Послѣ предварительнаго карманнаго обыска тутъ же на мѣстѣ, а затѣмъ послѣ обыска у себя дома, я былъ отправленъ жандармскимъ вахмистромъ Ковальскимъ подъ рукоплесканія украинофиловъ сначала въ Звенигородъ, а послѣ въ уѣздную тюрьму въ Бобркъ и посаженъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками. Допрашивалъ меня судебный слѣдователь Вассерманнъ. Тогда я узналъ, что я арестованъ по доносу односельчанъ украинофиловъ: П. Лобы и Гр. Болкота. Вмѣнялось мнѣ въ вину сообщничество съ православнымъ священникомъ Гудимой и съ студенческой молодежью, и что будто бы ко мнѣ часто прѣзжали изъ Львова неизвѣстныя темныя личности, вмѣстѣ съ которыми я составлялъ планы и пересылалъ ихъ въ Россію, а дальше, что я выписывалъ изъ Россіи

кукурузу и рисъ распредѣлялъ ихъ въ агитаціонныхъ цѣляхъ между крестьянъ. Доносъ былъ подписанъ обоими упомянутыми украинофилами и скрѣпленъ печатью сельскаго правленія. Я конечно постарался защитить себя отъ взведенныхъ на меня ложныхъ обвиненій. Я показалъ судебному слѣдователю переводы и фактуры на кукурузу и рисъ, выписанный мною въ 1913 году изъ Буда-Пешта и Одерберга для распредѣленія между голодающее населеніе.

Должно быть судебный слѣдователь убѣдился въ моей невиновности и отпустилъ меня домой послѣ краткаго совѣщанія съ председателемъ суда г. Зубрицкимъ.

Однако мнѣ не судилось остаться дома. Сейчасъ же на другой день явился ко мнѣ на домъ жандармы во главѣ съ комиссаромъ уѣзднаго староства и опечатавъ сельскую читальню, председателемъ которой былъ я, увелъ меня

обратно въ Бобрку и посадили въ уѣздную тюрьму. Вскорѣ привезли сюда о. Глинскаго изъ Подмонастыря, Алексѣя Ревуцкаго изъ Стрѣличъ, о. Стецева изъ Берездовичъ, студ. Швайку — служ. русс. кред. О-ва въ Бобркѣ, о. Кармалиту изъ Стрѣлокъ и др. 13 августа насъ перевезли въ Львовъ и размѣстили въ Бригидкахъ. О страшныхъ мученіяхъ и лишеніяхъ изъ этой тюрьмы рассказали уже другіе. Я постараюсь возстановить картину, потрясшую до глубины души жителей нашей келіи.

Изъ маленькаго окошка видѣли мы, какъ во дворѣ вѣшали нашихъ крестьянъ. Роль палачей исполняли солдаты. Одного парня, кажется изъ с. Туринки вѣшали дважды; когда онъ первый разъ повисъ въ воздухѣ, и подъ тяжестью тѣла заколихалась и затрепала висѣлица, не выдержала веревка и сорвавшійся парень шлепнулся на землю. Пролежавъ нѣсколько минутъ неподвижно, парень поднялся на колѣни и началъ молиться.

Мы онѣмѣли отъ ужаса, а разфранченные палачи не смущаясь вовсе избраженной мною картинкой принесли новую веревку на которой повѣсили свою жертву.

Чуть свѣтъ въ день Усп. Б. М. насъ повели изъ Бригидокъ по Городецкой ул. на главный вокзалъ. Не смотря на раннее время на улицѣ ожидала насъ толпа городской черни, приѣтствовавшая насъ градомъ камней и отборными ругательствами. Конвойные солдаты вмѣсто зашнуровать сопровождаемыхъ, подзадоривали толпу, обвиняя насъ въ неуспѣхахъ австрійскихъ войскъ на русскомъ фронтѣ.

Передъ мною шла учительница изъ Знесеня (фамиліи не помню). Вдругъ приступаетъ къ ней неизвѣстный франтъ и ударяетъ палкой по головѣ. Обливаясь кровью учительница упала на мостовую. Я съ студентомъ Навроцкимъ подхватили ее полуживую и понесли на вокзалъ, гдѣ мы были размѣщены по 70 человекъ въ каждомъ вагонѣ.

Въ Шоломыѣ были арестованы слѣдующія лица: студ. Григорій Чемерисъ, крестьяне Яковъ Милявскій, Григорій Порада, Андрей Мокрый, Михаилъ Бащишинъ, Даниилъ Ницула и Михаилъ Карабинъ, Андрей Мокрый и Михаилъ Бащишинъ умерли отъ истощенія вскорѣ послѣ освобожденія.

крест. М. К. Кузьки.

Лемковщина.

Послѣ арестованія священниковъ Гнатышака изъ Криницы, Дуркота изъ Лобовы, Венгриновича изъ Тылича, Мохнацкаго изъ Мохначки мы ожидали, что по всей вѣроятности также у насъ будетъ произведенъ обыскъ и намъ угрожаетъ то же самое. Было видно, какъ ежедневно везли изъ Криницы въ Санчѣ арестованныхъ. Между тѣмъ доходившіе изъ позиціи извѣстія все больше тревожили населеніе. Въмѣстѣ съ эвакуированными изъ Криницу Львовскимъ Намѣстничествомъ съ цѣлымъ административнымъ аппаратомъ, толпа тайныхъ агентовъ и жандармовъ разбрелась по селеніямъ Сандецкаго округа.

11 сентября явились къ намъ жандармы и произвели обыскъ просматривая главнымъ образомъ корреспонденцію. Послѣ обыска мы были арестованы, то есть — мѣстный приходникъ Іоаннъ Дуркотъ 84 лѣтъ, я и моя жена съ груднымъ ребенкомъ и были доставлены въ Лобову. Тутъ послѣ допроса старику Дуркоту посчастливилось вернуться домой, а я съ женой и Маріей Трохановской изъ Лобовы были отправлены въ Санчѣ. Въ управленіи уѣзднаго старосты повстрѣчалась намъ цѣлая вереница арестованныхъ крестьянъ изъ Криницы. Комиссаръ староства гр. Лось не посмотрѣвъ даже на врученные ему именныя списки приказалъ насъ заключить въ тюрьму при мѣстномъ судѣ. И тутъ тошкo началась пытка. Субботній день, городъ полною

гуляющимъ еврействомъ, которое съ ругательскими бросилось на насъ съ зонтиками и кулаками. Я боялся, какъ бы разъяренная толпа нечаянно не убила палкой или камнемъ моего малютку. Перешагнувъ порогъ арестантскаго дома намъ легче вздохнулось. На встрѣчу мнѣ вышелъ священникъ Масцюхъ, посаженный въ тюрьму нѣсколько дней раньше меня. А тюрьма наполнялась все больше и больше. Привели сюда моихъ хорошихъ знакомыхъ благочиннаго Сандовича изъ Брунаръ, Авксентія Савчака и братьевъ Качмарчиковыхъ Любомира и Владиміра. Курить въ заключеніи не разрѣшалось. Такъ просидѣли мы цѣлую недѣлю ожидая допроса. Вдругъ въ день Рождества Пр. Богородицы выдали намъ наши вещи и должны были вывести насъ дальше на западъ. Однако вмѣсто отъѣзда получилось нѣчто неожиданное. Въ Санчѣ начался военно-полевой судъ. Позвали священниковъ: Курилло, Вл. Мохнацкаго, Феофила Качмарчика съ сыновьями Любомиромъ и Владиміромъ и свящ. Сандовича съ сыномъ Антономъ студ. философіи. Свящ. Сандовича съ сыномъ приговорили полевой судъ къ смертной казни; приговоръ прочли ему утромъ въ праздникъ Воздвиженія Ч. Кр., а черезъ часъ увели осужденныхъ въ часовню исповѣдаться. Мы замерли отъ ужаса и несправедливости, содѣянной властью наперекоръ поправленной справедливости. Вѣдь они наши хорошие знакомые, совершенно невинные

погибаютъ ни за что, ни про что. Осужденныхъ посадили въ автомобиль и увезли за городъ, гдѣ они были расстрѣляны.

На слѣдующій день послѣ происшествія, потрясшаго насъ до глубины души, мы были построены въ ряды по четыре и отправлены на вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія на западъ. Были тутъ по большей части жители Сандецкаго и Грибовскаго уѣздовъ числомъ въ нѣсколько сотенъ, а также остатки интеллигенціи изъ Вост. Галичины бѣжавшей изъ районовъ военныхъ дѣйствій.

Былъ поданъ поѣздъ исключительно изъ товарныхъ вагоновъ. Размѣстились мы кто куда. Въ моемъ вагонѣ помѣщались три сестры Стеранки учитель-

ницы, г. Савчакъ съ дочерью Стефаніей, учитель изъ Тылича Джуганъ съ дочерью, братья гимназисты Дуркоты Сергѣй и Феодосій изъ Лобовы, остальные всѣ женщины и дѣти. Нашъ конвойный, полицменъ изъ Мушины Юрчакъ, на каждой станціи рассказывалъ справляющимся прохожимъ, кого везутъ, вслѣдствіе чего, конечно, мы были выставлены на постоянныя оскорбленія и побои со стороны спрашивавшихъ, а въ Живицѣ обскочили насъ проѣзжавшіе на позицію уланы и тростями обкладывали попадавшихъ имъ подъ руку арестованныхъ земляковъ. Послѣ трехдневнаго, мучительнаго путешествія, проѣхавъ Венгрію на Прешбургъ мы очутились въ Стирію.

свщ. Мих. Соболевскій.

Короснянскій уѣздъ.

Въ с. **Бонаровѣ** былъ арестованъ псаломщикъ и писарь Петръ Завойскій, нынѣ уже покойный. Онъ былъ душою села и его стараніями и трудами было раздѣлено мѣстное помѣщичье помѣстье исключительно между русскимъ населеніемъ с. Бонаровки.

С. Ваневка. Во второй половинѣ сентября 1914 г. былъ арестованъ безъ предварительнаго слѣдствія и положительныхъ доказательствъ какой либо виновности Григорій Мих Шуфлатъ и послѣ суточного заключенія въ Короснѣ былъ отправленъ съ транспортомъ въ Талергофъ, гдѣ просидѣлъ до іюля мѣсяца 1915 г. Затѣмъ послѣ двухнедѣльной конфинировки въ Гминдѣ и двухмѣсячнаго пребыванія на волѣ въ Пильзѣ было ему разрѣшено вернуться въ Галичину. Послѣ двухнедѣльнаго пребы-

ванія дома Г. М. Шуфлатъ былъ вторично арестованъ, какъ обвиняемый въ девертирствѣ, что не согласовалось съ истиной, такъ какъ Шуфлатъ въ первый же день своего пріѣзда на родину какъ военнообязанный явился къ мѣстному учителю поляку Лесняку. Учитель Леснякъ занималъ въ это время должности учителя, писаря, войта и комиссара, а въ отношеніи къ русскому населенію цѣлой окрестности былъ истиннымъ бичемъ божіимъ. Когда по указанію Лесняка явился жандармъ къ Шуфлату для вторичнаго его арестованія, сказалъ ему:

— Ну собирайся, поѣдешь говорить Богородицу.

Не смутившись циническимъ замѣчаніемъ жандарма и великодушно сознавая потуги австро-польской администраціи, стремившейся къ уничтоженію ма-

лѣйшаго проявленія русскаго движенія въ Галичинѣ, Шуфлатъ спокойно отвѣтилъ:

— И Вѣрую знаю и Вѣрую буду говорить.

На допросѣ въ уѣздномъ староствѣ выяснилась безосновательность арестованія Г. М. Шуфлата и онъ былъ выпущенъ на свободу.

Г. М. Шуфлатъ живъ до сихъ поръ и непоколебимо вѣруетъ въ лучшія времена, поддерживая русскій духъ и надежды среди мѣстнаго крестьянскаго населенія.

Вторымъ талергофцемъ въ с. Ваневкѣ есть Григорій Мотовилякъ неграмотный бѣднякъ, попавшій въ Талергофъ и просидѣвшій тамъ полный годъ. Дальше были арестованы въ Ваневкѣ и сосланы въ Талергофъ Петръ Мотовилякъ, неграмотный, которому не разрѣшено даже проститься съ большой ракомъ женой. Такая же судьба постигла Григорія Сем. Шуфлата, по профессіи псаломщика и сельскаго писаря, оставившаго дома безъ всякаго обеспечения нервнобольную жену и трое дѣтей. Послѣдній съ тоски за семьей лишился въ Талергофѣ разсудка и бросился тамъ подъ колеса поѣзда. Похороненъ въ Талергофѣ „подъ соснами“. Старшій его сынъ Семенъ продолжаетъ просвѣтительную работу среди народа, начатую его покойнымъ отцомъ и прерванную австрійскимъ произволомъ.

С. Красна. Въ половинѣ сентября 1914 года явились въ деревню Красну короснянскіе жандармы и арестовали сельскаго старосгу Алексѣя Яблонскаго, писаря Семена Вархолика, псаломщика Петра Возняка и лавочника Папла Гавдайка

Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: Всѣхъ этихъ людей хитростью заманили жандармы въ сосѣдній Корчинъ будто бы для полученія поученій и инструкцій, какъ должно вести себя во время войны сельское населеніе, котораго наставниками они будто бы будутъ назначены. Крестьяне по своей простотѣ повѣрили жандармской ватѣ и безъ злыхъ предчувствій отправились въ жандармскій постъ въ Корчинъ. Здѣсь однако имъ заявили, что это дѣло въ виду такъ сказать особой важности будетъ устроено въ уѣздномъ староствѣ въ Коросно. Наши простецы отправились на собственной подводѣ туда. Приѣхавъ въ Коросно сошли съ подвод и ждали на улицѣ передъ зданіемъ староства, пока позовутъ ихъ на мнимое совѣщаніе. По истеченіи какихъ нибудь десяти минутъ увидѣли они себя окруженными солдатскимъ конвоемъ и не понимая вовсе происходящаго оказались такимъ образомъ арестованными. Первую ночь провели въ мѣстной тюрьмѣ, а подъ утро были отправлены вмѣстѣ съ другими на желѣзную дорогу и увезены въ Талергофъ.

На станціи Доброй в. Вадовицъ чуть не слѣдались они жертвой жестокаго самосуда озвѣрѣвшей черни, подстрекаемой какимъ то фельдфебелемъ и только энергичная защита одного лейтенанта спасла ихъ отъ вѣрной смерти. Кто былъ этотъ благородный офицеръ неизвѣстно.

Безспорно, арестъ этотъ произошелъ по чьему-то доносу, трудно однако безъ малѣйшей улики, единственно на основаніи предположеній указывать на когото то не было пальцемъ.

Не въ укоръ будь сказано нашей интеллигенціи, вернувшіеся домой и остав-

ишся при жизни крестьяне чувствуютъ себя бодро и гордятся тѣмъ, что имъ пришлось пострадать за народную правду. Исповѣдуютъ одну идею, вмѣстѣ за нее страдали въ тюрьмѣ и желаютъ быть вмѣстѣ записанными въ памятную книгу талергофцевъ, которыхъ чувство всенароднаго единенія и австрійскій произволъ соединилъ въ одну великую семью.

Арестованный Петръ Вархоликъ умеръ въ Талергофѣ отъ тифа.

М. А. Кметко, учитель.

С. Рѣльникъ. За долго до войны подготавлился австрійскими властями и ихъ исполнительными органами генеральный наступъ и разгромъ коренного русскаго населенія въ Галичинѣ. Этотъ наступъ проходитъ красной нитью на всемъ протяжении исторіи Галицкой Руси; латинизація церкви, попытки латинизаціи русскаго письма, затѣмъ принудительное введеніе фонетики были тѣми искусственными преградами, которыя постепенно но неуклонно прогрессируя разъединяли русскія земли Галича отъ культурнаго единства съ русскимъ міромъ, подвергая неуклонно русское населеніе Галичины моральному параличу, уничтожая русскій обликъ коренного населенія Червоной Руси.

Въ Галичинѣ объявляеть по нынѣшній день австрійскій законъ, который для скорѣйшаго обезличенія галицко-русской народной массы налагалъ особый налогъ на русское печатное слово въ размѣрѣ 25% противъ такого же налога на печатное слово на польскомъ, а даже на еврейскомъ языкѣ. Чего то боялись австро-польскіе правители. За два или три года до войны эти опасенія, хранившіяся въ душѣ нашихъ сосѣдей стали высказываться вслухъ.

Не нравилось правителямъ стремленіе галицко-русскаго народа къ просвѣщенію и напывъ его молодежи въ училища и явно и недвусмысленно начали говорить, что въ Галичину плывутъ русскіе рубли. Русскія деньги мерещились нашимъ врагамъ и въ нашей греческой иѣрѣ, въ колоколахъ, въ строящихся церквяхъ, и въ малѣйшихъ проявленіяхъ протеста со стороны закрѣпощеннаго народа противъ грубаго попрашенія его правъ, и въ народныхъ читальняхъ и кооперативахъ, которыя росли по селамъ, какъ звѣзды по небу. Могучая и вооруженная Австрія, сильнѣйшіе матеріально поляки, захватившіе весь административный аппаратъ въ Галичинѣ въ свои руки, боялись русскаго народа. Такія опасенія привели австрійскую администрацію въ началѣ европейской войны къ попыткѣ поголовнаго уничтоженія русскихъ Галичанъ.

Въ августѣ 1914 г. является въ Рѣльникъ шесть жандармовъ и первымъ деломъ срываютъ выѣзку „Русская школа“, высѣвшую на зданіи сельской школы въ теченіи 70 лѣтъ. Арестовываютъ крестьянина Павла Галько „за zbrodnie zbierania ofiary na serbski szeregowy krzyż w 1912 r.“ и скованнаго отправляютъ въ Талергофъ. Конечно, „собираніе на сербскій красный крестъ въ 1912 г.“, было злостной выдумкой и предлогомъ жандармовъ для арестованія невиннаго, но весьма дѣятельнаго и сознательнаго крестьянина Галько.

Три недѣли наводили жандармы справки въ сосѣднихъ селахъ относительно благонадежности свѣщ. Мерены и перечитывали на почтѣ въ Лонкахъ всю корреспонденцію поступающую на его имя. Трудно было имъ къ чему нибудь придратися.

1 сентября явился къ нижеподписавшемуся жандармъ въ сопровожденіи двухъ солдатъ и произвелъ обыскъ. Я былъ уже тогда благочиннымъ и хотя не нашелъ ничего подозрительнаго, все-таки велѣлъ мнѣ собираться въ уѣздный городъ для дачи показаній и списанія протокола. Въ Кроснѣ предъявили мнѣ три обвиненія: будто бы я собиралъ, Богъ вѣсть когда, на сербскій красный крестъ, дальше, что я не разрѣшалъ своимъ прихожанамъ ходить въ польскій костелъ въ Лончакахъ, гдѣ настоятелемъ былъ польскій кс. Антонъ Тенчаръ и вконцѣ предплачивалъ издававшуюся во Львовѣ газету „Прикарпатская Русь“. Что касается кс. Антона Тенчара, такъ у насъ были съ нимъ счеты другого характера. Онъ стремился перевести въ латинство русскихъ крестьянъ въ селахъ сосѣднихъ съ Лончаками; я боролся съ этимъ по долгу своего духовнаго званія, какъ священникъ русской церкви. Ксендзъ Тенчаръ по этому поводу постоянно распускалъ о мнѣ недѣльные слухи съ политической закраской, такъ что я въ концѣ концовъ былъ принужденъ искать защиты передъ австрійскимъ судомъ. Понятно ксендзъ Тенчаръ былъ уличенъ въ низкой провокаціи и тяжбу проигралъ. Этотъ фактъ повидимому и послужилъ въ послѣдствіи причиной моего ареста. На этотъ разъ послѣ допроса меня отпустили домой. Но уже черезъ двѣ недѣли арестовываютъ жандармы въ селѣ

Стрижевскій уѣздъ.

с. Пет. Воля. Казалось бы, что бевчинства австрійской администраціи должны были происходить въ военное время только въ Восточной Галичинѣ, а въ Западной только тамъ, гдѣ русское населеніе живетъ компактной мас-

войта Корнѣя Макуха, Василия Яскилку, Михаила Помайбу, Іосифа Каминскаго, Степана Галько, псаломщика Михаила Трамбу и меня и отправляютъ въ Кросно, гдѣ уже была собрана въ арестахъ почти вся русская интеллигенція изъ уѣзда въ числѣ 124 человекъ. Былъ тутъ, помню хорошо, г. Дяковъ Валерій съ женой и ребенкомъ, гимназистъ Колинскій, гг. Кос, Григоровичъ, Копчакъ, священники Слопскій 54 лѣтъ, Томовичъ съ зятемъ Войтовичемъ, Чеснокъ, я 68 лѣтъ и др.

Тюремный режимъ изображенъ надлежащимъ образомъ другими, его я касаться не стану. Сентября 29 дня возвращено намъ отобранныя у насъ вещи кромѣ денегъ и мы погрузились въ вагоны. Никто не зялъ, куда насъ везутъ. На границѣ Галичины и Моравіи перемѣнило сопровождавшее насъ начальство написанныя мѣломъ на вагонахъ надписи „zdrajcy“ на „Landesverraeter“, и заявило намъ, что мы ѣдемъ въ Вѣну.

Свящ. Теодоръ Мерена.

Въ **с. Черноръкахъ** были арестованы и высланы въ Талергофъ крестьяне: Михаилъ Вознякъ, Димитрій Сеньчакъ, Степанъ Сеньчакъ, Григорій Сеньчакъ и сынъ его Ѳаддей. Послѣдній, послѣ освобожденія изъ заключенія и опредѣленія его на военную службу, погибъ на позиціи.

Иванъ Мизюновскій.

Вездѣ, гдѣ только проявлялась русская мысль, куда доходили печатныя русскія изданія изъ Львова, дозволенные цензурой, по большей части даже изданія напечатанныя не на литературномъ языкѣ, а на мѣстномъ галицко-русскомъ говорѣ съ сохраненіемъ единственно историческаго этимологическаго правописанія — вездѣ съ наступленіемъ военнаго времени проникали щупальцы австрійскаго правительства въ лицѣ галицкаго жандарма и извлекали изъ народныхъ массъ подозрѣваемыхъ въ неблагонадежномъ для Австріи образѣ мышленія. Ключекъ, случайно попавшаго въ домъ жертвы, русскаго письма, заемъ на покушку сельско хозяйственнаго инвентаря, полученный крестьяниномъ въ одномъ изъ кредитныхъ русскихъ товариществъ во Львовѣ, молитвенная книжка, напечатанная кириллицей, — все это служило властью имущимъ предлогомъ къ безчисленнымъ арестамъ и массовому истребленію русскаго жителя въ Галичинѣ.

Я былъ арестованъ въ концѣ августа 1914 г. жандармами изъ Корчина и отправленъ на извозчикѣ, которому уплачено моими же деньгами — въ Кросно. Послѣ нѣскольконедельнаго странствованія изъ одного мѣста на другое въ сопровожденіи жандарма я очутился

въ судебныхъ арестахъ въ Стрижевѣ, гдѣ просидѣлъ до 21 сентября. Тутъ насъ собралось 13 человекъ. Насколько память мнѣ не измѣняетъ были тамъ: свящ. Мудрый изъ Бонаровки, свящ. Мих. Артемовичъ съ сельскимъ старостой Николаемъ Левчакомъ изъ Близнянки, священники Михаилъ Семко изъ Опаровки, Михаилъ Твердохлѣбъ и Николай Мельничинъ изъ Городка, псаломщикъ Петръ Завойскій изъ Бонаровки и трое російско-подданныхъ изъ Царства Польскаго. На вокзалѣ были мы попарно скованы и такимъ образомъ отправлены въ Санчъ, гдѣ по обыкновенію собравшіеся мѣстные жители всѣчески издѣваясь надъ нами требовали отъ конвоя немедленнаго нашего казенія. За неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ въ Санчѣ были мы направлены въ Вадовицы гдѣ просидѣли до 9 октября. Того же дня пополудни приказано нашему транспорту, въ составѣ 63 человекъ, отправиться подъ усиленнымъ конвоемъ на вокзалъ для ссылки въ Талергофъ. Изъ знакомыхъ помнится были еще священники Іоаннъ Гладышъ изъ Турки и Левъ Коцшловскій. Въ Талергофѣ пріѣхали мы 11 октября. Дома осталась у меня жена и семеро дѣтей.

Крест. Павелъ Галько.

Сяноцкій уѣздъ.

с. Даліева. Во время арестованій русскихъ людей въ Сяноцкомъ уѣздѣ въ 1914 г. состояли двое священниковъ украинофиловъ Петръ Левицкій и Василий Мигаль доверенными комиссарами на судебный округъ Рымановъ.

Изъ нихъ особенно усердно подвизался Мигаль въ приходѣ Даліева гдѣ въ то время была русская читальня,

дружина и кредитное товарищество „Возрожденіе“. Мигаль совместно съ жандармами изъ Яслискъ преслѣдовалъ и предавалъ немилыхъ ему лицъ изъ мѣстнаго русскаго населенія. Когда же нѣкоторое время спустя російскія войска заняли уѣздъ, украинофилъ Мигаль ползалъ передъ жителемъ с. Суровицъ г. Жубриемъ умоляя его о заступничествѣ

передъ смѣнившейся властью. Этотъ эпизодъ довольно характеренъ для лучшаго пониманія психологіи тѣхъ трусливыхъ и до мозга костей испорченныхъ людей, которые не взирая на свой вѣкъ и санъ, пренебрегая всякой моралью не убоялись запачкать своихъ рукъ братской кровью въ ничемъ неповинныхъ людей въ угоду австрійскому произволу и своимъ сепаратистическимъ стремленіямъ.

В.

Въ августѣ 1914 г. былъ арестованъ въ Ольховскомъ Посадѣ Иванъ Вольчко-Кульчицкій и отправленъ въ Талергофъ съ первымъ сяночкимъ транспортомъ. Послѣ освобожденія въ маѣ 1916 г. изъ Талергофа Вольчко-Кульчицкій прибылъ въ Ольховскій Посадъ, гдѣ все его имущество было разграблено, а постройки сломаны и растащены.

1915—1916.

ВОЗВРАТНАЯ ВОЛНА

австро-мадьярскихъ наслій.

Бобреецкій уѣздъ.

с. Старое Село. Результатомъ возвратной австрійской волны слѣдовавшей по пятамъ отступающей русской арміи, явился отлив новыхъ транспортовъ арестуемыхъ русскихъ галичанъ въ австрійскія тюрьмы и концентраціонные лагеря въ западныхъ австрійскихъ провинціяхъ. Я былъ арестованъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Федоромъ Ник. Дяковымъ по доносу бывшихъ австрійскихъ ступаекъ. Послѣ длительныхъ странствованій по галицкимъ тюрьмамъ въ Львовѣ — Перемышлѣ —

Краковѣ и послѣ голода, холода и надругательствъ, я очутился съ многими иными въ Вѣнѣ, а отсюда былъ отправленъ въ Талергофъ, гдѣ прожилъ до окончательной его ликвидаціи. Въ общемъ сидѣлъ я въ тюрьмѣ больше года, а затѣмъ вернулся домой. Въ Талергофѣ заставляли меня нѣмцы возить въ телегѣхъ булыжники для постройки улицъ и мостовыхъ въ Талергофѣ. Передъ самымъ освобожденіемъ я работалъ въ качествѣ столяра и плотника.

крест. Василій Н. Дяковъ.

Долинскій уѣздъ.

С. Подбережье. (Сообщеніе полк. о. Іоанна Бирчака). Первые бои пережилъ я въ своемъ приходствѣ. Когда русскіе заняли Долинскій округъ, покоя не было, такъ какъ слышно было днемъ и ночью орудіейный гулъ изъ Карпатъ. Въ маѣ 1915 г. началось отступленіе русскихъ армій, а за ними тинулись длинными веревками обозы бѣгущихъ изъ боязни передъ мадьярами, крестьянъ. Въ селѣ появились мадьярскія части, а въ моемъ приходствѣ расположился штабъ. Началась упорная битва. Мои дѣти и 30 малютокъ изъ села, собравшихся на приходствѣ, ночевали въ по-

гребѣ, такъ какъ каждую минуту угрожала опасность быть убитымъ отъ пролетающихъ пуль и осколковъ. Вѣтеръ пулеметной стрѣльбы разъ-у-разъ проходилъ надъ приходствомъ, задрывая и сильно портя крышу приходского дома, въ виду чего капиталъ Инковский посоветовалъ мнѣ отправить дѣтей въ с. Тыссовъ. Я сидѣлъ съ женой подъ камѣнной стѣной дома, тоже спасаясь отъ возможной смерти въ то время, когда начальникъ штаба изучалъ съ чердака русскія расположенія.

Около 8 часовъ вечера явился по повелѣнію приходства мадьярскій жандармъ.

Разгромъ редакцій „Прикарпатская Русь“ и „Голосъ Народа“ на канунъ войны.

съ однимъ солдатомъ. Жандармъ заговорилъ къ полковнику на непонятномъ мадьярскомъ языкѣ, изъ чего я понялъ одно слово „попа“. Предполагая, что разговоръ касается меня, спросилъ я полковника о причинахъ посѣщенія жандармомъ въ столь необычное время моего дома. Полковникъ отвѣтилъ кратко по нѣмецки: „жандармъ приглашаетъ васъ въ Болеховъ для составления краткаго протокола. Въѣдъ это недалеко. До свиданія, отче!“ и пожатъ мнѣ руку, полковникъ любезно простился со мною.

Въ Болеховѣ отдели меня въ жандармское управленіе, гдѣ комендантъ жандармеріи Губеръ прочелъ мнѣ мои политическія грѣхи въ родѣ, что я главный вожакъ въ уѣздѣ, устраиваю политическія собранія, являюсь председателемъ мѣстной читальни, дальше, что въ виду распространенія нѣ уѣздѣ руссофилской агитаціи отреклись отъ меня даже мои дѣти, что въ моемъ приходѣ стѣ одинъ только учитель „украинецъ“, а всѣхъ остальныхъ содратилъ я въ „руссофилство“ и много другихъ несуразностей. Я выслушавъ спокойно всѣ обвиненія отвѣтилъ жандарму, что онъ шутитъ и что мнѣ пора вернуться домой.

Хотя я дѣйствительно являюсь председателемъ читальни, такъ въ этомъ не предусматривается еще ничего преступнаго, такъ какъ статутъ читальни утвержденъ австрійскимъ намѣстничествомъ.

— Въ даномъ случаѣ вы должны были дѣйствовать даже противъ воли намѣстничества. Вы не пойдете домой, а заночуете въ школѣ — отвѣтилъ комендантъ и велѣлъ посадить меня въ арестахъ. Здѣсь было уже полно всякаго народа. Была полночь, я присѣлъ на стулѣ. Смѣнялись караулы, а съ ними

явился жандармъ-мадьяръ, конвоировавший меня въ Болеховъ. Жандармъ поздоровался со мной и угостилъ сигарой и виномъ. Въ шесть часовъ принесли кофе, отъ котораго я отказался, въ виду его сомнительнаго достоинства. Завтракалъ нмѣстѣ съ болевскимъ жителемъ г. Ормизовскимъ, который подѣлился со мною полученною изъ дому закускою. По полудни 20 сент. переведено насъ въ судебные аресты. Я на дѣлся допроса, однако его не дождался. Въ праздникъ Сочестія вечеромъ явился въ арестахъ нѣкій капитанъ съ поручикомъ украинофиломъ Кордубою, сыномъ священника изъ Бережанъ. Капитанъ обратился ко мнѣ слѣдующими словами: „Вы свободны, однако на основаніи мнѣній нашихъ довѣренныхъ вы неблагонадежны, потому будете вывезены изъ предѣловъ Галичины. Вы вмѣшались не въ свои дѣла совершали богослуженія для росіянъ“.

Я возразилъ, что изводимыя на меня обвиненія нѣбны. Богослуженія совершались въ церкви по обыкновенію для прихожанъ, а случайное участіе въ Богослуженіяхъ русскихъ воинскихъ чиновъ не дѣлаетъ меня преступникомъ, ибо входъ въ церковь доступенъ и „еврею и эллину“. Русскій солдатъ искалъ въ церкви не политики, а молитвы. Тутъ нмѣшался въ нашъ разговоръ упомянутый поручикъ: „Стыдно священникамъ такъ поступать, въ бати, слишкомъ ужъ много масла на вашей головѣ“.

Я счелъ лучшимъ не отвѣчать на замѣчаніе Кордубы и промолчалъ. Капитанъ далъ мнѣ разрѣшеніе сходить въ сопровожденіи солдата домой за кое-какими вещами. Сопровождавшій солдатъ былъ безъ штыка, что означало нѣкоторую снисходительность со стороны

властей по отношенію ко мнѣ. Дома я засталъ уже другой штабъ, другихъ офицеровъ и послѣ краткаго свиданія съ женой, ушелъ обратно въ Болеховъ. Сопровождавшій меня солдатъ помогать нести кнутокъ.

25 сентября былъ я отправленъ съ 16 болевскими мѣщанами, среди нихъ бургомистромъ Филеромъ и г. Ормизонскимъ и двумя изъ м. Сколье, а именно г. г. Мушинскимъ и Конопкой въ горы. Въ Тыссонѣ я видѣлся со своими дѣтьми. Затѣмъ Ормизовскаго, Филера и двоихъ скольскихъ интеллигентовъ вернули въ Болеховъ, а меня съ остальными направили въ Сколье, гдѣ мы прибыли около 10 ч. вечера. Конвоировавшій насъ солдатъ не имѣлъ никакихъ инструкцій относительно дальнѣйшей нашей судьбы, а потому рѣшилъ заночевать среди базара, а утромъ видно будетъ, гдѣ насъ пристроить. Изъ этого положенія вывелъ насъ прусскій жандармъ, проходившій мимо и велѣвшій нашему конвою свести насъ въ жандармское управленіе. Утромъ насъ вызвали въ уѣздное староство. Староста увидѣвъ насъ сказалъ сердито: „Такъ, вмѣсто гнать москалей они занимаются лондей мирнаго населенія“. Затѣмъ предложилъ мнѣ войти въ кабинетъ. Начался обыкновенный разговоръ. Узнавъ отъ меня, что мнѣ не званы причины моего ареста, староста увѣрилъ меня, что: „навѣрно кто то имѣлъ личные счеты, которые сейчасъ выражаетъ депунціей. Такая вещь можетъ и со мной случиться“ — закончилъ уѣздный староста по польски.

Начальникъ суда г. Терлецкій, чтобы облегчить немного мою участь велѣлъ тюремному сторожу выпускать меня на свѣжій воздухъ, когда же при-

шло распоряженіе отправить насъ лишенныхъ свободы въ Талергофъ, онъ посоветовалъ мнѣ обратиться къ кому либо изъ знакомыхъ депутатовъ съ просьбой ходатайствовать объ освобожденіи. Услышавъ, что я кромѣ депутатовъ Левицкаго и Романчука никого больше не знаю, совѣтовалъ къ Левицкому не обращаться такъ, какъ онъ по его словамъ есть „ліеусзуппу“ Я не замедлилъ сейчасъ же составить письмо на бумагѣ, предложенной мнѣ любезно предсѣд. суда г. Терлецкимъ.

Въ полдень проводилъ насъ жандармъ Кисликъ на вокзалъ. Велъ полными тропинками по всей вѣроятности, чтобы избѣжать нападеній со стороны городской черни. Ыхали мы въ направленіи на Лавочне. Здѣсь встрѣтился я съ однимъ изъ своихъ прихожанъ Людвигомъ Д. Въ Мункачѣ конвоировавъ насъ кромѣ Кислика скольскій еврей Цуккеръ, пѣвшій всю ночь „коломыйки“ не исключая евреискіхъ, а потому не давшій намъ спать всю ночь. Мадьяры пытались было подходить къ нагону, въ которомъ мы ѣхали, однако сопровождавшіе насъ жандармы выручили изъ бѣды прибѣгая къ невинной хитрости, что въ вагонѣ молъ ѣдутъ не арестанты, а бѣженцы. Переѣхавъ черезъ Буда Пештъ и очутившись въ Вѣнѣ, мы перекочевали изъ восточнаго на южный вокзалъ. Здѣсь съ помощью незнакомаго офицера, благодаря знанію нѣмецкаго языка, я пробовалъ переговорить съ деп. Левицкимъ, однако получивъ отвѣтъ, что его нѣтъ въ зданіи парламента, мы около часу дня сѣли въ поѣздъ и черезъ Семерингъ отправились въ Абтиссендорфъ, предверіе Талергофа.

свѣщ. Іоаннъ Бирчакъ.

Залѣщицкій уѣздъ.

с. Зазулинцы. Въ дополнение и исправленіе извѣстія о моемъ и моихъ родныхъ арестованніи, поданному и подписанному моимъ братомъ въ 1. ч. Альманаха 58 стр. слѣдуетъ отмѣтить, что войти Максимъ Бурденюкъ, постаравшійся загнать насъ въ австрійскую тюрьму, былъ награжденъ австрійцами серебрянымъ крестомъ заслуги согласно газетнымъ официальнымъ сообщеніямъ. Именно по этому поводу было напечатано въ вѣнской „Wiener Zeitung“ и перепечатано краковскимъ „Kurjer-омъ Codziennym“, № 74, отъ 15 марта, 1916 г.

Золочевскій уѣздъ.

г. Золочевъ. Меня арестовали австрійцы первый разъ въ 1914 г., но, благодаря уѣздному старостѣ Пржибыславскому, черезъ недѣлю освободили.

Вторично я былъ арестованъ въ 1915 г., причемъ просидѣлъ 5 недѣль въ тюрьмѣ въ Золочевѣ, а затѣмъ 3 недѣли въ львовскихъ Бригидкахъ.

Въ 1916 г. меня предали военному суду во Львовѣ, который составилъ обвинительный актъ по доносу одного ресторатора и крест. М. Рудинскаго изъ с. Зарѣчья возлѣ Золочева. Они донесли, будто я приказывалъ вывѣшивать флаги

слѣдующее: „Odnaczenia wojenne“... „Srebrny krzyż zasługi na wstępie medalu waleczności w uznaniu dzielnego zachowania się wobec nieprzyjaciela dostał naczelnik gminy Maksym Bordeniuk w Zazulincach.“

Кромѣ того были арестованы изъ моихъ близкихъ знакомыхъ: сницъ. Іоаннъ М. Дольницкій с. Тустанъ возлѣ Галича и сницъ. Василій Стрѣльцевъ с. Бедриковцы. Послѣдній пробылъ въ Талергофѣ все время вплоть до закрытія лагеря австр. властями.

В. К. Дольницкій.

по случаю взятія русскими Перемышля и на собраніи сельскихъ старостъ въ Золочевѣ выражался враждебно противъ Австріи.

Военный судъ оправдалъ меня, но военный староста, полковникъ Бастгенъ, выслалъ меня въ Талергофъ, гдѣ я пребывалъ съ 11 іюня 1916 г. по 2 февраля 1917 г. Послѣ этого жилъ восемь мѣсяцевъ подъ надзоромъ полиціи во Львовѣ и только въ октябрѣ 1917 г. получилъ разрѣшеніе вернуться домой.

Семенъ Я. Трунг.
препод. гимназій.

Мостисскій уѣздъ.

с. Пакость. — Папа, встанай! жандармы пришли. — Будить меня дочь Натація въ 10 ч. вечера 29 іюня, 1925 г.

Лѣто было горячее, и я устроилъ себѣ постель въ клунѣ, на соломѣ. Цѣлый день былъ занятъ въ полѣ, вечеромъ возилъ мадиранъ въ сосѣднее село четыре корпа реквизируваннаго зерна. Поднялся я съ трудомъ и вижу

— обступило мою загороду шесть солдатъ съ фонарями. Ихъ комендантъ, жандармъ Богуцкій, кричитъ на меня:

— Вставай, погулять съ „москалями“, а теперь плачешь за ними? а гдѣ награбленные вещи? а русскій катехизисъ кто читалъ?

Ничего не отвѣчаю жандарму. Знаю, что меня сейчасъ уведутъ, иду

въ хату, одѣваюсь и прощаюсь съ семейей.

Меня увозятъ на подводѣ въ м. Круkenичи. Помѣщаютъ въ волостномъ арестѣ. Просидѣлъ я тутъ всю ночь, а подъ утро приносятъ мнѣ жена пищу и немного денегъ.

Черезъ день утромъ пришелъ въ камеру жандармъ Богуцкій и заявилъ, что отвезетъ меня въ Самборъ.

Передъ отъѣздомъ прибѣгаетъ вторично жена и рассказываетъ, что послѣ моего ареста солдаты вѣзлись серьезно за работу. Переискали всѣ углы, перетрясли всю солому, постель, чердакъ,

переворнули всю мебель, даже иконы. Облупили со стѣнъ штукатурку и изрыли всю землю въ оградѣ. Мою библиотечку сожгли, а товары въ моей лавочкѣ разграбили.

Въ Самборѣ послѣ составленія протокола опредѣлили меня на сборный пунктъ при улицѣ М. Качковскаго № 5. Тѣсно было здѣсь, такъ какъ ежедневно прибывала свѣжая партія такихъ же, какъ и я арестованныхъ.

9 іюля ночью отстанили насъ нѣсколько челонѣкъ на вокзалъ и отправили черезъ Буда-Пештъ на западъ.

Иванъ Кметъ

Русско-равскій уѣздъ.

с. Каменна-Помлиновъ. Въ 1914 г. некогда было нашимъ недругамъ заняться истребленіемъ русскихъ людей въ нашемъ селѣ.

Въ 1915 нѣкоторые личности вида, что пахотныя земли разбогачившихся и арестованныхъ крестьянъ въ сосѣднихъ селеніяхъ отдаются распоряженіемъ властей въ завѣдываніе довѣренными лицамъ, постарались и у насъ устроить нагонку на сознательнѣйшихъ крестьянъ. За дѣло взялся мѣстный евреій съ комендантомъ жандармскаго поста Францомъ Дембоничемъ, а помогали имъ въ нечестномъ дѣлѣ войти-украинофилъ Иванъ Банахъ и его замѣститель Иванъ Иванецъ. Имъ мало было арестовать челонѣка и отправить по назначенію, то есть къ допросу или уже въ худшемъ случаѣ прямо въ тюрьму. Обыкновенно являлись они къ крестьянину въ компаніи нѣсколькихъ ландштурмистовъ и избивали поголовно

всѣхъ членовъ семьи намѣченной жертвы. Терроромъ донесли нашихъ крестьянъ до того состоянія, что тѣ, чтобы смягчить гнѣвъ грозныхъ лиходѣевъ откупались у нихъ продуктами, а мѣстнаго еврея крестьянство встрѣчало страха ради низкими поклонами.

Въ селѣ Каменка Помл. были арестованы и сосланы въ Талергофъ стараніями упомянутыхъ личностей: Лука Яв. Вонкъ, Николай Саломаха, Гаврило Подсудокъ, Василій Клубъ, Григорій Коминаръ и Андрей Перетятко. Въ 1917 году вернулись изъ ссылки домой тѣ изъ арестованныхъ, у которыхъ было крѣпкое здоровье. Остальные не перенесли побоевъ и лишеній и остались навсегда въ Талергофѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что трое сыновей Луки Вовка служили въ австр. арміи въ то время, когда отецъ ихъ томился въ тюрьмѣ.

Григорій Лукичъ Вовка.

Изъ Стрыйскихъ горъ.

Глухіе слухи о новой кровавой расправѣ возвратившихся австро-мадляр-

скихъ войскъ съ русскимъ населеніемъ карп. горъ начинаютъ подтверждаться.

Узнаемъ, что въ с. Синеводскѣ выжнемъ, занятомъ австрійцами 17-го октября, повѣшены слѣдующіе крестьяне: М. Коваль, П. Коваль, Я. Герасимовъ, Н. Джусъ, И. Матѣшинъ, А. Коваль, Ф. Гудъ, И. Коваль, И. Феденишинъ, И. Горбаль и П. Джусъ за то, что они по приказанію русскихъ военныхъ властей, помогали при постройкѣ моста, а одинъ 16-лѣтній мальчикъ за то, что его мать выстирала бѣлье русскимъ солдатамъ. Въ с. Тишовцѣ убитъ австрійцами Г. Воронъ, а въ с. Синеводскѣ нижнемъ — С. Кучера.

Ярославскій уѣздъ.

Въ Ветлинѣ, мадьяры ворвавшись съ улицы, ходили въ разныхъ направленіяхъ со списками въ рукахъ, и тѣ дома подлѣ которыхъ они останавливались, были немедленно поджигаемы. Такъ какъ почти не было дома, который не удостоинился бы ихъ вниманія, то населенію угрожало полное разореніе. Къ счастью но время подоспѣли русскіе казаки и застали мадьяръ прекратить свои безчинства.

Въ с. Святѣ находилась церковь особенно любимая приходомъ. Мадьяры войдя въ Святое открыли храмъ и поставили туда своихъ лошадей покрывая ихъ церковнымъ облаченіемъ; офицеры распивали за престоломъ водку и устраивали оргіи; тамъ же они отправляли естественныя надобности. Большую икону Богоматери мадьяры вынесли въ окопы устроивъ тамъ изъ нея родъ прикритія. При отступленіи австрійской арміи церковь была взорвана тѣми же мадьярами.

Въ с. Сосницѣ превратили мадьяры церковную ограду въ нисѣлицу. Ворвавшись въ селеніе, они прежде всего арестовали на улицѣ попавшихъ въ ихъ

Послѣдній шелъ домой черезъ лѣсъ и тамъ былъ захваченъ и расстрѣлянъ австрійцами.

„Прик. Русъ“ 1915 г. № 1594.

Какъ австрійцы поджигали селенія? Прибывшіе изъ окрестностей Турки крестьяне показывали куски чистаго фосфора, найденные ими на крышахъ своихъ домовъ. Мадьярскія войска отступая изъ турчанскаго уѣзда бросали на соломенные крыши съ цѣлью поджога куски фосфора. Такимъ образомъ сгорѣло рядъ русскихъ селеній.

„Прик. Русъ“ 1915 г. № 1594.

руки мѣстныхъ крестьянъ Илью Якимца, Изана Шустака, Андрея Гордѣя, Николая Свѣггоронскаго, Илью Яворскаго и Ивана Кошку. Затѣмъ созвавъ все населеніе офицеръ объявилъ, что австрійское правительство будетъ всегда „ночь такъ распоряжаться съ измѣнниками“, — и здѣсь же на глазахъ жителей села арестованные были повѣшены, причемъ подъ трупами первыхъ трехъ были разложены костры и тѣла сожжены. Останія селенія мадьяры взорвали церковь.

Въ с. Маковискѣ было сожжено 140 загородъ.

Въ Ярославскомъ уѣздѣ вообще, вездѣ гдѣ проходили мадьяры, оставались лишь груды развалинъ и множество безпріютныхъ сиротъ. Большинство населенія разоренныхъ мѣстечекъ и селъ принуждены были жить въ устроенныхъ землянкахъ благодаря произволу австрійскихъ нойскъ.

Въ д. Медвѣжьей *) произошелъ слѣдующій случай. Тамъ жилъ сознательный крестьянинъ Илья Коваль. Го-

*) По доносу свящ. Н. Крайчика

да 2 или 3 назадъ онъ умеръ оставивъ жену съ нѣсколькими дѣтьми. Австрійцы вступивъ въ эту деревню, спросили прежде всего, гдѣ живетъ Коваль, а когда узнали, что онъ данно уже умеръ, сказали его женѣ: „Тогда одѣвайся ты и пойдеши съ нами. Все ран

но“... Ничего не подозрѣвая женщина послѣдовала за солдатами, а тѣ привели ее въ сосѣднюю деревушку, повѣсили на деревѣ вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами.

„Прик. Русъ“ 1915 № 1594.

ЛЕМКОВЩИНА.

Западная окраина Карпатской Руси (Галичина) представляетъ собой печальную картину. Всѣ русскія села почти пусты, дома жителей разграблены; кромѣ дряхлыхъ старичковъ, мужчинъ почти не встрѣчается, женщины же держаться въ сторонѣ и на всѣ вопросы только пожимаютъ плечами отвѣчая одно и тоже: „не знаю, ничего не знаю“. Чувствуется тяжелая атмосфера, у встрѣчныхъ замѣчается страхъ и печаль. Это послѣдствіе австрійскихъ издѣвательствъ надъ мирнымъ русскимъ населеніемъ.

Мазепинцы, которыми на Лемковщинѣ являются не мѣстные люди, а пришельцы изъ Вост. Галичины, исключительно учителя, священники и жандармы, завѣдомо сюда присланные, созидали въ моментъ объявленія войны одну общую организацію, съ цѣлью уничтожить русскаго духа среди мѣстнаго населенія посредствомъ доносовъ. Ихъ-то наши крестьяне, въ особенности въ Горлицкомъ и Грибовскомъ уѣздахъ, боялись больше мадьяръ, такъ какъ они всюду проникали, вездѣ подслушивали. Довольно было кому нибудь изъ русскихъ несимпатично высказаться о комъ нибудь изъ „украинскихъ“ агитаторовъ, чтобы на слѣдующій день быть схваченнымъ жандармами. Такъ н. пр. въ с. Лосѣ, Горлицкаго у. неосторожное

слово сказанное въ сердцахъ однимъ крестьяниномъ послужило поводомъ къ арестованію и отдачѣ подъ военный судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ 35 крестьянъ.

Уже въ самомъ началѣ мобилизаціи были арестованы и вывезены всѣ священники и интеллигентные крестьяне. Чтобы случайно не оставить кого-нибудь изъ опасныхъ „москвофиловъ“ на свободѣ, уѣздные начальники получили приказъ пользоваться всѣми указаніями и сообщеніями мазепинскихъ дѣятелей и арестовать всѣхъ, на кого они укажутъ. Однимъ изъ виднѣйшихъ такихъ сонѣтчиковъ уѣзднаго начальства въ Сяноцкѣ былъ настоятель мѣстнаго униатскаго прихода и мазепинскій организаторъ кс. Эмилианъ Константиновичъ. Благодаря его заботливости въ Сяноцкѣ и въ уѣздѣ арестованы всѣ русскіе люди принимавшіе малѣйшее участіе въ народной работѣ. Эготъ же ксендъ дошелъ до того, что самъ лично ѣздили по селамъ и собиравъ свѣдѣнія, прибѣгая неоднократно къ провокаціи.

Кромѣ арестовъ происходили также казни. Отступая австрійцы многихъ вывозили съ собой и вѣшали по дорогамъ, или собирали въ одномъ мѣстѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ и казнили. Бургомистръ Сянока полякъ Адольфъ

Рудницкій рассказывает, что въ Сянокѣ, кромѣ мѣстныхъ жителей военныя власти казнили нѣсколько десятковъ крестьянъ, но кто они такіе, откуда ихъ привели мы не знаемъ. Намъ сказали только, что это опасные „москвофилы“.

Больше всего казнено крестьянъ тѣхъ селлахъ, въ которыхъ побывали уже казаки и откуда затѣмъ русскіе отступили.

„Прик. Русь“ 1914. № 1477.

Горлицкій уѣздъ.

Въ с. М. горлицкаго уѣзда жандармы, подъ руководствомъ бѣжанца и затѣмъ нозвратиншагося мѣстнаго снѣц. мазепинца Игнатія Заяца, производили обыски въ крестьянскихъ домахъ ища какихъ то прокламацій и военныхъ картъ, когда же таковыхъ не нашли, ввѣяли по указанію того же священника молитвенныя книжки изданія львовск. Ставроп. Института.

Усердное содѣйствіе оказывали ав-

стрійцамъ поляки и украинофилы, указывавшіе тѣхъ крестьянъ, которые по ихъ мнѣнію сочувственно относились къ русскимъ войскамъ, сводя такимъ образомъ счеты съ личными своими врагами, обыкновенно съ виднѣйшими и сознательнѣйшими крестьянами. Много крестьянъ и интеллигенціи уцѣлѣвшей раньше пало теперь жертвой провокаціи.

„Прик. Русь“ 1915 г. № 1526. В. Н.

Съ Дуклянскаго перевала.

Во Львовѣ пріѣзжаютъ ежедневно все новыя и новыя голодные и оборванные бѣглецы изъ западныхъ окраинъ Галицкой Руси, такъ называемой Лемковщины, и въ особенности изъ окрестностей Дукли, Змигорода и Горлицъ. Они очертя голову бѣгутъ изъ родныхъ мѣстъ, отъ ужасовъ вражеской распри, отъ страшнаго призрака голода и холода.

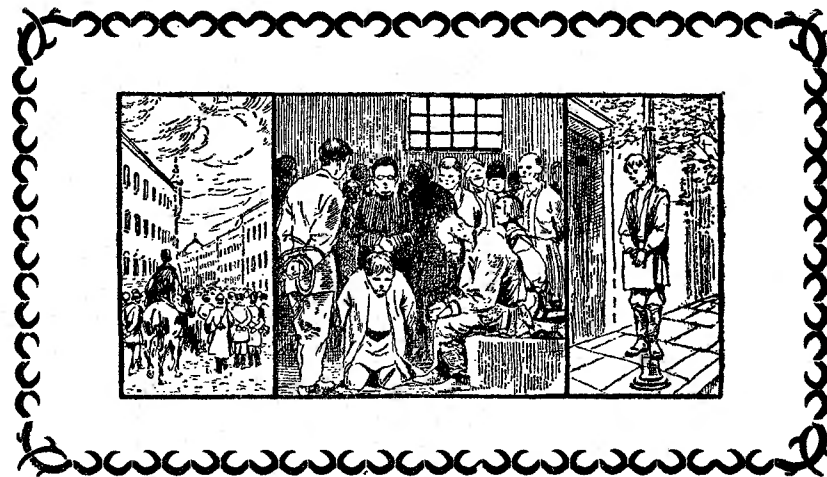
Каждое впечатлѣніе производитъ внѣшній видъ несчастныхъ бѣглецовъ, но уже прямо потрясающимъ кошмаромъ вѣдетъ отъ ихъ рассказовъ о пережитыхъ ими ужасахъ. Бѣглецы пріѣзжаютъ чаще всего въ одиночку — женщины, старики, дѣти, рѣдко 3—4 лица одной семьи, но изъ каждой семьи обязательно недостаетъ кого нибудь. Мать потеряла дочь, сынъ отца, малыя дѣти родителей и т. д. Однихъ убили австрійцы, другихъ, въ особенности жен-

щинъ, увели съ собою въ Венгрію на дикую потѣху, иные бѣжали передъ ихъ звѣрствами и по недѣлямъ скрывались въ лѣсахъ.

Жестоко и беспощадно расправлялись австрійцы съ населеніемъ Лемковщины за его русскія убѣжденія и горячую любовь къ своему прошлому. Большинство селъ сожгли до тла, много священниковъ и крестьянъ казнено безъ слѣдствія и суда, а тысячи народа арестовано и вывезено въглубь Венгріи и Австріи.

Въ особенности жестоко мстили лемкамъ послѣ временнаго отступления русскихъ войскъ. По многимъ селамъ австрійскіе жандармы производили новыя тщательныя обыски, ища, главнымъ образомъ воззваній Верх. Главнокомандующаго къ русскому народу.

„Прик. Русь“ 1915 № 1526.

БУКОВИНА.

Аресты русскихъ буковинцевъ начались до объявленія войны Россіи.

Еще въ началѣ балканскихъ войнъ составляли довѣренныя лица изъ украинофильской фракціи по всѣмъ селамъ Буковины точныя списки т. н. „русофиловъ“, не пожелавшихъ идти на уязви барона Николая Василько, Степана Смалъ-Стоцкаго и Эмельяна Поповича. Эти списки, составляемые украинофилами, отдавались коменданту черновецкой жандармеріи майору Фишеру. Идущему со всѣми собранными „доказательствами“.

Кромѣ этого, „доказательства“ собираютъ усердно довѣренный черновецкой полиціи Францъ Недведъ. Каждый, кто только находился въ какомъ-нибудь отношеніи къ русской народной партіи, кто читалъ или выписывалъ русскія газеты и книжки, кто былъ членомъ русскихъ обществъ, читателей и пожарныхъ дружинъ, а не хотѣлъ поклоняться ма-

зеинскимъ богамъ, тотъ записывался въ черную книгу. Не спалъ также черновецкій прокурорскій надзиратель въ лицѣ „впатока по руссофильскимъ дѣламъ“ Премингеръ. Всѣ они ворко слѣдили за проявленіемъ культурнаго русскаго движенія на Буковинѣ.

По наущенію этихъ довѣренныхъ лицъ закрыто 7 мая 1910 г. всѣ русскія народныя общества и воспитательныя пріюты въ Черновцахъ, а ихъ имущество было конфисковано.

Съ тѣхъ поръ всѣ жандармскіе пункты на Буковинѣ начинаютъ вести точныя списки „русофиловъ“, пополняя ихъ старательно отъ поры до времени неофитами и донося по начальству въ мельчайшихъ подробностяхъ о малѣйшемъ проявленіи русской жизни среди православныхъ русскихъ буковинцевъ.

Въ 1914 г. арестованія начались въ началѣ августа.

Первыми были арестованы священники: д-ръ богосл. и архіеп. экзархъ Кассіанъ Богатырецъ изъ Веренчанки, архіеп. экзархъ Діонисій, Кисель-Киселевскій изъ Садыгоры, Семенъ Волощукъ изъ Васловецъ, Димитрій Дроботъ изъ Задубронки и Емельянъ Маковьевичъ изъ Черновки. Профессоръ чернов. богосл. ф-та прот. Евгений Козакъ съ семьей былъ сосланъ въ Зальцбургъ, а о. Корній Томовичъ въ Градецъ.

Дальше были арестованы священники: Антоній Тофанъ изъ Платской, Николай Джуремія (румынъ) изъ Бороонецъ съ зятемъ Іоанномъ Шоршомъ, Илларионъ Препитъ (румынъ) и Феодоръ Ракъ, униат. священникъ—оба изъ Раранча, монахъ Кирилъ Козаркевичъ изъ монастыря Драгомірна, монахъ Германъ Ганякъ изъ св. Пантелеймонова монастыря на Афонѣ.

Затѣмъ дополнительно были арестованы супруги правосл. священниковъ г-жи Саввина Маковьевичъ (умерла нѣ 1915 г. въ Талергофѣ) и Эмилия Рахмиструкъ; Іоаннъ Мильчохъ съ женой Еленой, учительницей изъ Садыгоры; сироты по правосл. священникъ Мильтіалъ, Фемистокъ и Аристидъ Гумениуки, ученики въ возрастѣ 9, 11 и 14 л.; Петръ Панловичъ—начальн. станціи въ Барбонцахъ; около 1.600 русскихъ буковинцевъ крестьянъ, просидѣвшихъ по различнымъ тюрьмамъ буковинскимъ, галицкимъ, угорскимъ и стрійскимъ; около 150 липованъ (старообрядцевъ, давнишнихъ выходцевъ изъ Россіи) изъ Бѣлой Криницы и Климовецъ со своимъ іеромонахомъ о. Макаріемъ были нѣ Талергофѣ.

Чтобы народъ, видящій арестованія своихъ передовыхъ людей, не немудутился, распустили жандармы слухи, что у одного священника найдены военные

планы, у другого амуниція, у третьяго боченки съ русскими имперіалами, у иного переписка съ російской арміей и т. п.

Всѣхъ арестованныхъ помѣщено сначала въ мѣстныхъ уѣздныхъ арестахъ, а въ теченіе слѣдующей недѣли они были перенесены нѣ тюрьму черновецкаго уголовного суда.

Изъ мірской интеллигенціи были еще арестованы: адвокатъ Евгений Гакманъ *) изъ Черновицъ, Корній Могильницкій съ супругою изъ Серета, учителя и преподаватели: Кароль Шоршъ изъ Василева, Корній Кейванъ, Иванъ Тодосанъ, Лицію, Настасій, Василій Ораа; мѣщанинъ Василій Нагорнякъ изъ Черновицъ; студ. богословы: Гавріилъ Василоничъ изъ Ренны, Петръ Мойсюкъ изъ Репужинецъ, Алексій Сопюкъ изъ Вашковецъ, Ананій Тарновецкій изъ Бороонецъ, Степанъ Фотій; судья Владиміръ Смерчинскій изъ Заставны, помощ. прис. повѣр. Константинъ Смерчинскій изъ Садыгоры, Николай Рахмиструкъ изъ Черновицъ, также нѣсколько псаломщиковъ: Яковъ Богданъ, Яковъ Бульбукъ, Леонцій Кейванъ, Онуфрій Лемный, Парфеній Драбикъ, Антоній Діаконовичъ, Иванъ Реупцкій, Парфеній и Александръ Маковьевичи, Евгений Лупашко, Епифаній Бачинскій, Иванъ Бошнякъ и множество другихъ, которыхъ имена и фамиліи установить не представляется возможнымъ.

Въ половинѣ августа были переведены арестованные частями въ Станиславовъ. Тутъ заполнили ими острогъ „Дуброну“ и тюрьмы окружного и военнаго судовъ, остальныхъ же направили нѣ тюрьмы Олмутца, Берна, Мискольтъ, Быстрицы и др., куда также ссылали галичанъ и угороссовъ.

*) Былъ вскорѣ освобожденъ.

Подъ конецъ августа мѣсяца произошло въ Станиславовѣ сортировка арестованныхъ на группы: несма опасныхъ, менѣе опасныхъ и новсе неопасныхъ „русофиловъ“ — арестованныхъ на основаніи доносовъ и безъ такового основанія.

Разыграншіяся тогда не нѣ пользу австрійцевъ военныя событія заставили австр. администрацію нѣ спѣшномъ порядкѣ выслатъ заточниковъ вглубь Австріи — однихъ нѣ Талергофъ, иныхъ нѣ Тересинъ.

Буковинцевъ отправили почти всѣхъ непосредственно въ Талергофъ или же съ краткими остановками нѣ передаточныхъ лагеряхъ въ Зитцендорфъ и Оберголлабрунъ.

Когда арестованныхъ переводили изъ арестовъ на Станиславовскій вокзалъ, на нихъ напали съ саблями и колющими бѣжаніе изъ подъ Галича австр. уланы, мадярскіе обозные и мѣстная польская желѣзнодорожная прислуга. Перо не въ состояніи описать происходившаго. Священника Дробота и монаха Козаркенича избивали до крови. На станціи Делятинъ повторилось нападеніе со стороны толпы, руководимой и подстрекаемой директоромъ черновецкой рум. гимназіи Бужоромъ, въ то время поручикомъ, а на венгерскихъ станціяхъ были арестованы избиваемы мадярскими офицерами.

До сихъ поръ удалось мнѣ составить далеко не полный списокъ повѣщенныхъ буков. русскихъ крестьянъ:

1.	Карлъ Качконскій	изъ	Сторожинецъ	26/9	1914 г.
2.	Петръ Красовскій	„	Панки	окт.	„
3.	Димитрій Кручко	„	Глубокой	22/10	„
4.	Василій Горюкъ	„	Сторожинецъ	20/10	„
5.	Василій Гандюкъ	„	Глубокой	20/9	„
6.	Емельянъ Головачъ	„	„	22/9	„
7.	Георгій Илика	„	Брошковецъ	19/9	„
8.	Илья Лупашко	„	Волоки	7/9	„
9.	Трофимъ Луцулякъ	„	Глубокой	28/10	„
10.	Георгій Мелянка	„	Вел. Кучурова	3/10	„
11.	Флоръ Оларашъ	„	Ропча	18/9	„
12.	Параскевія Олярашъ	„	„	18/9	„
13.	Георгій Рыбарчукъ	„	Трестына	ноябрь	„
14.	Иванъ Рогатиновичъ	„	Жадовы	17/9	„
15.	Иванъ Стефановичъ	„	Вел. Кучуроны	окт.	„
16.	Конст. Сторощукъ	„	„	окт.	„
17.	Василій Цыганюкъ	„	Дубовца	25/10	„
18.	Василій Выжнюкъ	„	Глубокой	22/10	„
19.	Феодоръ Хабайло	„	Волоки н. Дер.	9/12	„
20.	Илья Іеремчукъ	„	Высп. Шеровецъ	сент.	„
21.	Илья Молдованъ	„	Чорнанки	сент.	„
22.	Иванъ Нонекъ, лип.	„	Молодіева	28/9	„
23.	Ст. Червинскій	„	Чорнавки	окт.	„
24.	А. Тарновецкій	„	Красна Ильскій	„	„

25.	Василій Душакъ	"	Вел. Кучуро́на	янн.	1915.
26.	Прокофій Яцко	"	"	"	"
27.	Иванъ Оларъ	"	Волавца	апр.	"
28.	Николай Сушинскій	"	Вел. Кучуро́на	янв.	"
29.	Адрианъ Яремко	"	Топоронецъ	Пасха	"
30.	Михаилъ Демчукъ	"	Нон. Мамаенець	мартъ	"
31.	Петръ Завадюкъ	"	"	"	"
32.	Евстафій Червинскій	"	Чорнавки на Цвѣт. нед.	"	"
33.	Димитрій Руданъ	"	Погорѣлонки	21 3	"
34.	Степанъ Гуменюкъ	"	Боянчука	апрѣль	"
35.	Андрей Чупрунь	"	Чункона	мартъ	"
36.	Николай Андриецъ	"	Кисилева	18 5	"
37.	Мих. Балабашчукъ	"	Брязы	іюль	1916.
38.	Ст. Балабашчукъ	"	"	"	"
39.	Миронъ Чуперковичъ	изъ	Фундулъ Молдовой	іюль	1916.
40.	Евфимій Ерганъ	"	"	"	"
41.	Артемій Громада	"	Брязы	"	"
42.	Димитрій Русанъ	"	Фундулъ Молдовой	"	"
43.	Артуръ Шексъ	"	Нижн. Вико́ва	авг.	"
44.	Юрдатій Романчукъ	"	?	14 1	"
45.	Петръ Макаренко	"	Топоронецъ	убить жанд.	"
46.	Памфілій Купаренко	"	Ропча	16 3	1917.

Святюлдѣ.

Политическое положеніе русскаго народа въ Буковинѣ въ началѣ войны.

Параллельно съ гоненіемъ со стороны австро-венгерскаго правительства русскаго народа въ Галичинѣ и на Угорской Руси въ лицѣ его сознательныхъ представителей, интеллигентовъ и крестьянъ, группирующихся въ Русско-народной Партіи, шло тоже и въ Буковинѣ.

За каждымъ шагомъ ея рознитія, (основаніе ли сельской читальни или дружины, собраніе или изданіе газеты) слѣдили ворко и здѣсь различные правительственные органы, поддерживаемые „украинскою“ фракціею, стоящею подъ командою своихъ лидеровъ Николая Василька, д-ра Стефана Смалъ-Стоцкаго,

препод. Іерофея Пигулякъ и краевого школьнаго инспектора Емельяна Поповича. Въ каждомъ проявленіи ея жизни чували уже „государственную измѣну“.

Со временемъ выработались въ этомъ направленіи даже „специалисты“, а именно краевыі комендантъ жандармеріи полковникъ Едуардъ Фишеръ, совѣтникъ полиц. дирекціи Францъ Недендъ и государ. прокуроръ Маркусъ Премингеръ.

Незавидная роль слѣжки за Русско-народною Партіею, особенно за священниками, принадлежащими къ ней, выпала на „украинское“ учительство (а такимъ было оно здѣсь почти все), пребывавшее

подъ тяжелымъ кнутомъ своего краевого инспектора Поповича, добившагося за свои „заслуги“ степени краевого школьн. инспектора. Онъ задавалъ подвѣдомственному ему учительству задачу поддерживать нѣ русскомъ народѣ „украинскій духъ“, руководить всѣми „украинскими“ читальнями, сѣчами, кассами, ворко слѣдить за каждымъ движеніемъ Русско-народной Партіи, парализовать его и обо всемъ доносить. Во время выборовъ въ законодательныя учрежденія „украинскіе“ учителя оставляли свои школы и цѣлыми недѣлями шатались по селамъ, агитируя за правительственныхъ кандидатовъ.

А если кто изъ учителей не „дѣйствовалъ“ въ указанномъ направленіи, то былъ нѣ немилости Поповича. На какое-нибудь прошеніе со своей стороны онъ слышалъ отъ него сейчасъ фразу: не знаю васъ, пане! вы ничего не дѣлаете...

„Украинская“ партія доставляла также правительству всенормальные „матеріалы“ для „черной книги“, нѣ которой значились всѣ члены Русско-народной Партіи и всѣ подписчики русскіхъ газетъ. И на основаніи этихъ свѣдѣній дополнялись по приказу краевой команды жандармеріи „Russen-Faszikel“, веденные на каждомъ постѣ жандармеріи.

Въ началѣ балканскихъ войнъ были разосланы на провинцію даже агенты съ печатными формулярами, въ которые вписывались различныя замѣчанія о „русофилахъ“.

Помню, какъ однажды когда я сидѣлъ, нѣ это время, нѣбѣтъ съ моею семьею и однимъ случайнымъ гостемъ за обѣдомъ, постучалъ кто-то въ мою дверь. Вошелъ управитель народной школы въ Вышнихъ Шеронцахъ. Ипполитъ Владъ,

одинъ изъ видныхъ укр. организаторовъ и агитаторовъ, и извиняясь, за беспокойство, заявилъ: „Прихожу къ вамъ, отче, въ крайнемъ возмущеніи, чтобы запротестовать противъ мошенничества, свидѣтелемъ какого я сейчасъ былъ“. На мой вопросъ: въ чемъ дѣло? — разсказалъ онъ намъ, что въ кабакѣ Садыгорскаго корчмаря-крестьянина, очень ревнаго украин. агитатора Дим. Грицука, какой-то субъектъ изъ украин. правленія Черновицъ выполняетъ при помощи нѣсколькихъ украин. учителей опросные листы, касающіеся поодинокихъ „русофильскихъ“ священниковъ, псаломщиковъ и крестьянъ Садыгорской окрестности.

Гоненіе австр. правительствомъ буковинско-русскаго народа, а особенно Русско-народной Партіи, велось до 1910 г. довольно скрыто. Оно объявлялось въ частой конфискаціи и приостановленіи газетъ, въ недопущеніи заграничныхъ русскіхъ газетъ и книгъ, даже богослужебныхъ и молитвослововъ, нѣ тайномъ наблюденіи жандармеріею, полиціею и ихъ конфидентами за поодинокими лицами, обществами и ученическими бурсами, нѣ недопущеніи на государственную службу лицъ, принадлежащихъ къ Русско-народной Партіи, нѣ исключеніи изъ школъ русскіхъ учениковъ за чтеніе русскіхъ книгъ, также за нерасположенію къ православію, которое считали однимъ изъ видовъ „русофильства“, и наконецъ въ явномъ и остенативномъ покровительствѣ „украинцевъ“.

Только нѣ 1910 г. рѣшилось правительственно подъ давленіемъ Николая Василька нанести Русско-народной Партіи смертоносный ударъ.

Распоряженіями отъ 29|4 1910 № 2348, 2406 и 2430 Praes. при-

казало оно закрыть дня 7 мая 1910 г. черновицкія общества: „Русско-православный Народный Дом“, „Дѣтскій Пріютъ“, „Общество русскихъ женщинъ“, студ. „Карпаты“ и состоящія при первыхъ двухъ обществахъ ученическія бурсы, выбросивъ воспитанниковъ попросту на улицу. Того-же дня, даже въ тотъ самый часъ, были произведены у всѣхъ виднѣйшихъ нашихъ людей въ Черновицахъ и на провинціи комиссарами полиціи при многочисленной ассистенціи строгіе обыски.

Въ то же время затѣяли австро-венгерскія власти процессъ противъ русскаго народа, живущаго въ предѣлахъ монархіи, а вѣрнѣе гонори, три процесса, одинъ во Львовѣ — противъ русскихъ галичанъ, другой въ Черновцахъ — противъ русскихъ буковинцевъ, а третій въ Венгріи — противъ угороссовъ, вмѣняя всѣмъ въ нину государственную измѣну.

Съ муравейнымъ прилежаніемъ начали специалисты по дѣлу руссофильства собирать „матеріалы“ для затѣянныхъ процессонъ, развѣзая по городамъ и деревнямъ, допрашивая тысячи „свидѣтелей“. Венгерскіе и галицкіе слѣдователи скоро вывезались изъ возложенной на нихъ задачи и пустили въ ходъ 1913 и 1914 г.г. Мармарошъ-Сиготскій и Львовскій процессы. Между тѣмъ черновицкій судебный слѣдователь сонѣтн. Леманъ и госуд. прокуроръ Премингеръ медлили съ изготавленіемъ обвинительнаго акта, хотя вяжи подъ арестъ цѣлую семью Геровскихъ, братьевъ д-ра Алексѣя и Егора, ихъ мать Алексью и сестру Ксенію и допросили за помощью галицкихъ, венгерскихъ и буковинскихъ судонъ тысячи свидѣтелей. Сколько труда они вложили въ это дѣло, доказываютъ 60 толстыхъ то-

мовъ протоколовъ и 28 объемистыхъ fasciculovъ съ „сopoga delicti“. Также произведены были строгіе обыски у обжалованныхъ. Не смотря на это, „матеріалы“ все еще были слишкомъ скудны, чтобы пустить въ ходъ дѣло Vg. VII, 81|14.

Какими способами пользовались власти при добываніи уликъ, да послужить слѣдующее. Я состоялъ отъ многихъ лѣтъ въ перепискѣ съ однимъ монахомъ русскаго св.Пантелеймоновскаго монастыря на св. Аѳонѣ. Содержаніе сей переписки было чисто религиозно-духовное. И эта переписка обратила на себя вниманіе властей. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ; что мои письма доставляются мнѣ съ 3—5 дневнымъ опозданіемъ, а, кромѣ того, были не подлежащія ни наименьшему сомнѣнію примѣты, что кто-то письма вскрывалъ и внонѣ очень неумѣло заклеивалъ. Между тѣмъ шелъ Мармарошъ-Сиготскій процессъ. Черновицкая газета „Czernowitzer Tagblatt“ № 3380 отъ 22 февр. 1914 г. принесла отчетъ процесса подъ заглавіемъ „Die russophile Propaganda in der Bukowina“, въ которомъ между прочимъ сказано, что на одномъ изъ разбирательствъ былъ прочтенъ докладъ черновицкой краевой команды жандармеріи съ слѣдующимъ пассажомъ: „Правосл. свящ. Діонисій Кисель-Киселевскій изъ Салыгоры состоитъ ревнымъ партизаномъ руссофиловъ, получаетъ часто деньги изъ Россіи и хотя сейчасъ еще не ведется судебное слѣдствіе противъ него, то уже вскорѣ подвергнется дисциплинарному слѣдствію за распространеніе календарей, изданныхъ редакціей Черновицкой „Русской Прассы“.

Прочитавъ эту ложную статью, я обратился слѣдующаго дня къ кра-

вому коменданту жандармеріи полк. Фишеру съ запросомъ: автентиченъ ли упомянутый докладъ? — Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ рѣшительно и добавилъ: „Наша команда такого доклада никогда никому не высылала. Впрочемъ, я всѣмъ лично знаю уже отъ трехъ десятковъ лѣтъ; знаю, что принадлежите къ русской партіи, однако и то знаю, что до сихъ поръ вы стояли нсегда на легальной австр. почвѣ“... На мое замѣчаніе, что ввиду такого рѣшительнаго заявленія команданта и рѣшаюсь обжаловать редакцію газеты „Czern. Tagblatt“ за клевету, онъ началъ меня въ всѣмъ способѣ убѣждать, что не стоитъ новиться по судамъ съ... евреями и что лучше будетъ все это игнорировать, какъ и онъ это дѣлаетъ ввиду имъ покровительствуемаго „украинца“ Веретельника, который въ послѣднее время перешелъ на службу „Новаго Времени“ и тамъ его теперь мараютъ... Затѣмъ нынѣ я изъ кармана пачку съ 26 письмами, полученными мною изъ Аѳона, и спрашиваю его, какъ пояснить то обстоятельство, что мою корреспонденцію доставляютъ мнѣ со значительнымъ опозданіемъ, къ тому еще и къмѣ то открытую? На это увѣрялъ меня полк. Фишеръ, что объ этомъ абсолютно ничего не знаетъ, что такого приказа никогда никому не давалъ, что въ Австріи „чернаго кабинета“ не существуетъ и только въ случаѣ войны съ Россією вошелъ бы въ жизнь...

По приказу судебного слѣдователя отъ 28 марта 1914. Vg. VII 81|14 произведенъ у меня 30 марта по уголовному дѣлу братьевъ Геронскихъ и товар. по § 58 уголовн. зак. строгій обыскъ — конечно съ негативнымъ результатомъ. А дня 25 іюня былъ я допрошенъ по этому дѣлу. При этомъ

предложилъ мнѣ судебный слѣдователь, сонѣтн. Леманъ два или три фотографическихъ снимка полученныхъ мною Аѳонскихъ писемъ, требуя поясненія нѣкоторыхъ ему непонятныхъ мѣстъ!..

Въ 1920 года, когда Буковина уже находилась при Румыніи, нашелъ я полное подтвержденіе моихъ предположеній насчетъ моей корреспонденціи. Именно признался мнѣ почталіонъ, что по приказу почтоваго начальника мои письма доставлялъ нахмистру жандармеріи — еврею, а потомъ давалъ мнѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ позже признался въ этомъ и почтовый начальникъ, извиняясь тѣмъ, что получилъ прямой приказъ отъ полк. Фишера.

Послѣ окончанія Мармарошъ-Сиготскаго процесса я обратился насчетъ выше упомянутаго доклада чернов. команды жандармеріи къ одному изъ заштитниковъ въ Дебрецинѣ и получилъ оттуда утвердительный отвѣтъ.

Между тѣмъ въ самый день праздника Св. Духа обѣжали изъ черновицкой тюрьмы братья Геронскіе. А черезъ нѣсколько недѣль были высланы чернов. полицію ихъ мать и сестра въ Инсбрукъ въ Тироль.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовала всеобщая мобилизація въ Австріи и послыались изъ Вѣны на основаніи § 14 численныя распоряженія, стѣсняющія главнѣйшія права и нольности гражданъ. На этомъ основаніи закрыто Думу Державную, приостановлено суды присяжныхъ, мѣсто которыхъ заняли военные суды; государствен. административный аппаратъ подчинено военной командѣ; устранена была личная свобода и тайна писемъ; введена цензура; приостановлена дѣятельность обществъ и запрещены всѣ собранія гражданъ; заведены

Passierschein-ы, безъ которыхъ нельзя было выходить изъ дому; войску и жандармеріи разрѣшено производить обыски и аресты безъ предварительнаго судебного приказа.

Минист. распоряженія заострены были еще добавочными приказами военныхъ командъ и жандармеріи, такъ что нскорѣ краемъ завладѣлъ неслыханный терроръ. Упомянутыя команды приказали своимъ подвѣдомственнымъ органамъ безпощадно обращаться „со всякимъ заподозрѣннымъ и неблагонадежнымъ элементомъ и въ выборѣ причинъ къ арестованію не быть малодушнымъ, ибо лучше раньше попѣшить, чѣмъ когда-нибудь опоздать“ („in der Wahl des Vorwandes nicht engherzig sein, — denn es wird besser sein, öfters zu weit zu gehen, als einmal etwas zu versäumen. Land. Gend. C-do Nr. 13, Nr. 299 отъ 27 іюля 1914). Такие и подобные приказы давали, особенно жандармеріи, широкое поле къ „успѣшной дѣятельности“, къ чему ее еще поощряли отличіями и денежными преміями.

Въ виду такого положенія дѣлъ нашелся нашъ народъ въ всякихъ правъ и безъ всякаго законнаго покровительства.

Уже 1 авг. 1914 года начались аресты русскихъ интеллигентовъ. Всѣхъ влекли изъ одной тюрьмы въ другую, наконецъ однихъ заключили въ Талергофъ, другихъ передали военнымъ судамъ, а только немногихъ конфиновано въ западныхъ провинціяхъ бывшей австрійской монархіи.

За интеллигенціею пришла очередь и на русскихъ мѣщанъ и крестьянъ, которыхъ также арестовали въ громадномъ числѣ, и то по большей части на основаніи доносовъ. Многие злые люди считали надоспѣвшую ужасную

пору желанною, чтобы расчитаться со своими противниками, изъ-за какихъ бы то ни было причинъ, преимущественно чисто личныхъ. Довольно было только указать жандарму или солдату на кого-то пальцемъ, и онъ нашелся уже сейчасъ въ тюрьмѣ, если не подъ вистлицею.

Жандармамъ, по большей части съ очень скуднымъ школьнымъ образованіемъ, предоставлено было рѣшать на счетъ „лояльности“ и „благонадежности“ русского народа. Команды снабдили ихъ почти неограниченными полномочіями, они ими и воспользовались. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Евгенийъ Кляпа и Дрепшъ, окружили себя цѣлымъ штабомъ конферентовъ и денунціантовъ и многихъ неповинныхъ, не исключая даже женщинъ и дѣтей, повѣсили.

Къ аресту и къ судебнымъ приговорамъ причинились особенно евреи своими ложными доносами. А надо замѣтить, что евреи считались во все время войны „патентованными австрійскими патриотами“.

Замѣчательно, что одновременно съ арестами русской интеллигенціи жандармы пускали въ ходъ вздорныя и тенденціозныя вѣсти, вѣроятно, чтобы этими сплетнями успокоить народъ на счетъ производимыхъ поголовныхъ арестовъ, съ другой же стороны и подержать въ народѣ воинственный духъ. Такъ, объ одномъ арестованномъ рассказывали жандармы и ихъ сателиты, будто бы у него найдены въ стѣнѣ или подъ иконою военные планы, другого будто бы схвачено при черченіи такихъ же, у третьяго будто бы найдено подъ поломъ боченку съ рос. имперіалами, у четвертаго — тайный телефонъ, бомбы, гранаты, пятого будто бы схвачено при взрывѣ моста или телеграфическихъ проводовъ. Удивительно, что

всѣ эти слухи появлялись одновременно и разноречно въ различныхъ мѣстахъ по точно выработанному плану.

Хронологическій и точный перечень арестованій, хотя бы только одной интеллигенціи, сегодня очень трудно составить. Въ виду этого постараюсь сообщить то, что осталось въ памяти.

2 н. ст. августа 1914 г., въ 6 часовъ утра, арестованъ я; 3 авг. свящ. Симеонъ Волошукъ изъ Васловцевъ (умершій 12/10 1914. въ Талергофѣ), 4 авг. свящ. Димитрій Дроботъ изъ Задубровки (умершій 22/3 1915 г. въ Талергофѣ), 5 авг. свящ. Емельянъ Маковьевичъ изъ Черновки, 11 авг. свящ. Емельянъ Гнѣдый изъ Луки, 12 авг. свящ. Георгій Драчинскій изъ Товтеръ, 22 авг. свящ. Іоаннъ Шоршъ и Василій Аріичукъ изъ Топоровецъ, 27 авг. свящ. Илларионъ Ивановичъ изъ Кадобица. 6 окт. свящ. Стефанъ Галипъ изъ Бергометы н. Пр.; далѣе арестованы священники: Георгій Калинюкъ изъ Прелипча, Антоній Тофанъ изъ Плоской, монахъ Кириллъ Козаревичъ изъ монастыря Драгомирна (умершій 24/5 1917 г. въ Шванбергѣ въ Сиріи), Оеофилъ Гливка изъ Старой Жучки, монахъ афонскій Германъ Ганякъ, служившій потомъ рядовымъ въ австр. арміи до 1918 г.), Николай Журомія (румынъ) изъ Боровецъ, Игнатій Гудима изъ Залуча, Илларионъ Преличъ (румынъ) изъ Раранча, гр.-кат. свящ. Ракъ изъ Раранча. Всѣхъ ихъ, послѣ долгихъ мытарствъ, огранчено въ Талергофъ.

Свящ. д-ра Кассіяна Богатырца увезли на военный судъ въ Вѣнѣ, проф. богосл. д-ра Евгения Козака изъ Черновца поселили въ Зальцбургъ, свящ. Корнилія Томовича изъ Звипячки въ Грацъ (умеръ 16/11 1918 г. въ

больницѣ въ Дрогобычѣ), свящ. Василій Яворовскаго изъ Сергіевъ и свящ. Авксентія Кибидевича изъ Стебней освободили военные суды, свящ. Димитрій Лагадина изъ Бергометы н. Сер. освободилъ послѣ нѣскольконедельнаго ареста въ различныхъ этапахъ полк. Фишеръ по ходатайству тайн. совѣт. и краеваго маршала гр. Георгія Василька, свящ. Георгій Калинюка изъ Прелипча также вскорѣ отпущено на свободу, а греко-уніат. свящ. Іосифа Сохора изъ Заставны (укр.) конфиновано въ Нижней Австріи, ст. совѣтн. лѣсовод. Иллариона Козака конфиновано въ Вѣнѣ директ. салинъ Петра Лесинецкаго въ Грацъ, проф. Льва Кирилловича въ Грацъ, старш. почтов. контрол. Іоанна Маріяна засужено воен. судомъ на 5 лѣтъ тюрьмы, начальникъ лѣсов. Борисъ Велигорскій былъ также арестованъ, а Илларионъ Цуркановичъ переведенъ въ военный судъ въ Вѣнѣ и т. д. Кромѣ сихъ были еще арестованы еще нѣскольконадцать рум. священниковъ, которые потомъ были освобождены военнымъ судомъ и отпущены домой. Также изъ Талергофа освободили послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ украинскихъ и румынскихъ священниковъ по ходатайству ихъ пословъ. Однимъ только русскимъ пришлось испить чашу до самаго дна. Два изъ нашихъ священниковъ и одинъ монахъ умерли въ Талергофѣ а всѣ прочіе сломанные душою и физически, новратились на родину, гдѣ наши только одни пепелища вмѣсто оставленныхъ ими хозяйствъ.

Въ Талергофъ отослано также пять слушателей богословія чернов. факультета: Гавріила Васильовича, Петра Мойсюка, Стефана Фотѣя, Алексѣя Сопюка и Ананія Тарновецкаго, далѣе судью Владиміра Смеречинскаго изъ Заставны, адвок. канд. д-ра Константина Смере-

чинского изъ Садыгоры, старшихъ учителей Кароля Шорпа и Василя Орау (умершаго 27-6 1917 въ Грацѣ), учителя Корнилія Кейвана, учительницу Елену Мильчоухъ, адвоката д-ра Корнилія Могильницкаго изъ Серета съ супругою Любою, проф. Вас. Лицо (рум. † 1915 въ Талергофѣ), правосл. псаломщикъ: Николая Рахмистрюка, Леонтія Кейнана, Якона Бульбука, Якова Богдана († 1915 въ Талергофѣ) Парѣенія и Александра Маковьевичей, Евгения Лупашка, Михаила Тарновецкаго, Инана Реуцкаго, Александра Никоровича, Михаила Непота († 1915 въ Талергофѣ), Василя Галица, Антонія Діаконовича, Онуфрія Лемного Парѣенія Драбика, Александра Драгануша (рум.), Елифанія Бачинскаго (рум.) и Иоанна Бошняка (рум.), даѣе чернов. мѣщанина Василя Нагорняка, надзир. дорогъ Ис. Бошняка и мн. другихъ.

* * *

Дня 2 августа н. ст. 1914 года въ 6 часовъ утра, въ воскресенье (праздникъ св. пророка Іліи) арестовали меня здѣшніе жандармы по приказу коменданта краевой жандармеріи полк. Фишера и отвели нѣ тюрьму при Садыгорскомъ уѣздномъ судѣ. Дома осталось трое дѣтей въ возрастѣ 9 и 10 лѣтъ и 70-лѣтняя теца.

7 августа перевезли меня въ черновицкую тюрьму при уголовномъ судѣ, гдѣ меня примѣстили нѣ камерѣ вмѣстѣ съ бродягами и конокрадами. Вечеромъ того же дня два тюремныхъ надзирателя пытались „вѣнчать“ меня арестантскою шапкою“.

Вечеромъ 13-го августа отправлено меня вмѣстѣ съ праносл. священникомъ Дим. Дроботомъ, Симеономъ Волощукомъ, Антоніемъ Тофаномъ, Ила-

Тысячи нашихъ крестьянъ томились по различнымъ тюрьмамъ въ Буковинѣ, Галичинѣ, Семиградѣ и Венгріи и судились военными судами — почти все на основаніи доносовъ изъ-за мнимыхъ „преступлений“ во время т. нав. „русскихъ инвазіи“. Многіе приговорены были къ долготѣльнымъ тюрьмамъ, а нѣкоторые и къ смертной казни.

Священникамъ Николаю Григорію Евгению Мачущаку, Василю Велигорскому, Григорію Лавѣ, Константину Васильовичу и Евгению Вуркановичу удалось временно бѣжать въ Россію, откуда только первые три возвратились на родину, прочіе же тамъ померли.

Изъ русскихъ священниковъ остались дома нетронутыми только Орестъ Ковакъ, д-ръ Василій Антимовичъ, Александръ Тотоевскій, Іларіонъ Кадишукъ и почти всѣ, причисляющіеся къ „украинской партіи“.

ріономъ Преличемъ и Ник. Журоміемъ, греко-уніат. священниками Юльномъ Гумецкимъ, Зиновіемъ Романовскимъ, Ракомъ и Кирилломъ Дольницкимъ, также русскими священниками изъ Бессарабіи Тимущемъ, Сорочаномъ и Попискомъ и слух. богосл. Гаврииломъ Василоничемъ въ закрытыхъ поездахъ на чернов. вокзалъ и даѣе по желѣзнодорожѣ въ Станиславовъ, куда мы прибыли 14-го августа.

Подъ сильною охраною понесли насъ пѣшкомъ черезъ цѣлый городъ раньше въ гарнизонную тюрьму, а потомъ въ окружный судъ, при чемъ разношерстная публика насъ ругала, на насъ плевала и обкидала камнями. Въ окружномъ судѣ примѣстили насъ нѣ двухъ камерахъ. Пришедши сюда, отслужили мы всѣ вмѣстѣ акафистъ Спасителю.

Въ продолженіи 29, 30 и 31-го августа продержали насъ цѣлыми днями на подворье, безустанно сортируя на какія-то группы А, В и С. Последняго дня пригнали сюда 500 сострадающихъ, перенесенныхъ изъ тюремъ на „Дубровъ“, наконецъ перенесли насъ почти всѣхъ въ гарнизонный арестъ и вхлвали въ комнату, гдѣ уже было около 120 человекъ. На слѣдующій день повторилась снова та самая сортировка. Подъ вечеръ, когда подоспѣли плохія вѣсти изъ-подъ Галича, гдѣ состоялась битва, насъ отправили наскоро на желѣзнодорожный вокзалъ. По пути туда нашъ транспортъ подвергся нападѣямъ толпы и солдатъ. Недалеко отъ вокзала встрѣтили мы венгерскій трень, убѣгающій изъ Галича. На самомъ вокзалѣ напало на насъ нѣсколько сотенъ улановъ съ саблями и палками, бѣючи направо и налево, чѣмъ попало. И въ самомъ дѣлѣ побили сильно многихъ изъ нашихъ, между иными свѣщ. Дим. Дробота и монаха Кирилла Коваркевича. Одинъ уланъ поднялъ кирпичъ, чтобы имъ разсѣчь мнѣ голову. Но въ самый критическій моментъ ударилъ его по рукѣ шедшій возлѣ меня Ілія Шелепюкъ изъ Серета, чѣмъ спасъ мою жизнь.

Насъ погрузили по 80—120 человекъ въ грязные товарные вагоны, которые прицѣпили къ поезду. Везшему улановъ на Венгрію. Около 9 часовъ вечера отбылъ нашъ поездъ по направленію Стрия, но уже по 1/4 часовой ѣздѣ былъ задержанъ сигналомъ и возвращенъ въ Станиславовъ, такъ какъ русскія войска оказались недалеко. Отсюда отправлено насъ черезъ Десятинъ въ Венгрію. Во время ѣзды насъ безустанно беспокоили ѣдущіе съ нами уланы, польскія и укр. желѣзнодорожная прислуга, встрѣчающіеся съ нами еще-

лоны нойскъ, не меньше и толпа, временно извѣщенные о нашемъ проѣздѣ. Въ Сегединѣ, когда насъ вели на обѣдъ въ одинъ желѣзнодорожный магазинъ, присутствующіе венгерскіе офицеры били старшихъ священниковъ кулаками по лицу. А въ Винеръ-Найштадтѣ нѣмецкая толпа пыталась сдѣлать штурмъ на наши вагоны. Во время всей четырехдневной ѣзды насъ плохо питали, ибо комендантъ конной спряталъ деньги, для этой цѣли полученные, нѣ своей карманъ.

Наконецъ прибыли мы 4-го сентября на ставцію Абтиссендорфъ, отдаленную на 2 километра отъ Талергофа.

Здѣсь началась наша Голгофа. Офицеры и солдаты, ожидающіе насъ, накинулись сейчасъ на насъ съ саблями и прикладами. Насъ повели на широкое поле, Flugfeld, гдѣ обучались летчики. При перечисленіи нашего транспорта повторились прежнія сцены. Офицеры, какъ дикіе звѣри, кидались на священниковъ и тѣхъ, кто былъ нѣ формѣ или имѣлъ на своей головѣ должностную шапку, бѣючи ихъ и срывая имъ розеты и звѣздочки.

Своею дикостью нвиду сюда привезенныхъ отличился комендантъ, капитанъ Фашингъ.

На слѣдующій день раннимъ утромъ пришелъ къ намъ прапорщикъ съ 4 солдатами, ища „langhaarige Porren“, долговолосыхъ поповъ, праносл. священниковъ. Забравъ меня и свѣщ. Тофана и Сорочана, повели къ казармѣ. На мѣстѣ, онъ заставилъ насъ снять съ себя ряссы и подрисники и поставилъ подъ стѣну казармы, одного отъ другого въ отдаленіи двухъ шаговъ, а напротивъ каждаго изъ насъ солдата съ ружьемъ въ рукѣ. Это выглядело на то, что насъ будутъ стрѣлять. Послѣ

нѣсколькихъ тревожныхъ минутъ прапорщикъ заставилъ меня и свящ. Сорочана пилить дерево, а свящ. Тофана колотъ его. А послѣ этой работы отвели насъ обратно на Flugfeld, откуда взяли другую партію нашихъ священниковъ.

Что и сколько мы перестрадали въ Талергофѣ, особенно за время коменданта полк. Стадлера, не стану здѣсь описывать. Не буду также упоминать, что во все время нашего пребыванія въ этомъ лагерѣ наша жизнь висѣла всегда на ниткѣ, если не отъ свирѣпствовавшихъ здѣсь болѣзней, то отъ оловянной пули или стального штыка первого лучшаго часового. А тоска по оставшимся семьямъ, отъ которыхъ иногда цѣлыми мѣсяцами и даже годами не получали никакой вѣсточекъ, дополняла чашу нашихъ страданій... Одиною отрадою въ нашемъ горѣ была наша незабвенная часовня и дружніе бесѣды и пренія съ братьями галичанами, съ которыми мы здѣсь познакомились.

Наконецъ въ мартѣ м. 1917 г. пробилась къ намъ вѣсть о приказѣ импер. Карла насчетъ распушенія Талергофа и другихъ подобныхъ лагерей. Новыя надежды насъ оживили. И въ маѣ м. того же года начали „арестанты“ покидать Талергофское пекло. Однихъ пустили на родину, другихъ поселили въ различныхъ городахъ западныхъ нѣмецкихъ провинцій, а меня съ буковинскими священниками

Маковъеничемъ и Тофаномъ и другими 28 „неблагонадежными“ погнали въ „besondere Zwangstation“ Доберсбергъ надъ Таею, гдѣ мы прожили подъ жандармскимъ надзоромъ почти до конца августа 1917 года.

Вѣнскій Kriegsüberwachungsamt, состоящій при министерствѣ, переслалъ мнѣ и моимъ товарищамъ недоли письменныя свидѣтельства о томъ, что насъ зачислено въ группу А, т. е. „politisch Unbedenkliche“, и отпустилъ на свободу. Старостно въ Вайдгофенъ н. Т. доставило намъ и паспорта для возвращенія на родину.

Однако тщетною оказалась моя радость скоро увидѣть моихъ дѣточекъ, ибо комендантъ черновицкой Passierschein-stelle № 1003, капитанъ — полякъ Каменецкій не хотѣлъ мнѣ дать соизволенія на возвращеніе въ Буковину. И я, радъ не радъ, долженъ былъ остѣсь съ начала въ Визельбургъ н. Ера., позже въ Самборъ и Вашковцахъ н. Черем., откуда только 15-го февраля 1918 г. за разрѣшеніемъ буков. краев. президента графа Ендорфа переселился въ Садыгору, заставъ мою семью здоровою, но мой домъ совершенно разграбленнымъ.

Протоіерей
Діонисій Кл. Кисель-Киселевскій,
настоятель правосл. прихода
Садыгора, Буковина.

„Бѣлый ужасъ“ на Буковинѣ.

Корреспондентъ „Южной Россіи“ Г. Фурманъ описываетъ „бѣлый ужасъ“, охватившій Буковинское населеніе при извѣстіи о вторичномъ наступленіи австрійцевъ :

„За двумя поворотами мы нашли Г-кое. Большое мѣстечко. Есть банкъ, церковь, костелъ, синагога, лавки — конечно, разграбленныя и опустошенныя...

Жители толпились у себя на дворахъ, суетились у повозокъ, саней, выносили и укладывали пожитки.

— Нѣмцы идутъ...

Признаться, я въ первый моментъ не повѣрилъ всему тому, что мнѣ говорили о звѣрствахъ мадярь и нѣмцевъ. Хотѣлось найти ту исходную точку, которая послужила основаніемъ для содѣянія этой басни.

Нѣсколько, такихъ предположеній я высказалъ доктору. Тотъ только пожалъ плечами, а ямщикъ, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ моего разговора, вдругъ остановилъ лошадей.

— Панъ думаетъ, что это все неправда? Осъ я пану что покажу...

— Алекса, гдѣ нойтъ? — спросилъ онъ у проходившаго мужика.

Подѣхали къ войту. Ямщикъ что-то сказалъ ему и тотъ жестомъ пригласилъ насъ за собою.

Во дворѣ у войта мы остановились. Войтъ вошелъ въ конюшню и вывелъ оттуда лошадь вороной масти.

— Бачите (видите)? — спросилъ онъ.

Мы не понимали рѣшительно ничего во всемъ этомъ. Только княжна вдругъ громко вскрикнула :

— Волосы... волосы женщины... тамъ, въ хвостѣ...

Войтъ повернулъ лошадь — и мы ясно увидѣли въ пышномъ хвостѣ чернаго цвѣта 3—4 пряди бѣлокуроухъ волосъ съ запекшейся кровью на нихъ...

— Что это?... — тихо спросилъ докторъ.

Намъ объяснили.

Въ сосѣдней деревнѣ, уже занятой нѣмецкимъ корпусомъ, была произведена экзекуція населенія.

Два дня тому назадъ эта лошадь пробѣжала по улицѣ мѣстечка. Ее пой-

мали и обратили вниманіе на бѣлокурые волосы. Войтъ объяснилъ это только тѣмъ, что къ хвосту полудикой лошади была привязана женщина...

Отъ дикой скачки тѣло женщины оторвалось и погибло гдѣ-нибудь въ снѣгахъ.

— Чи это одна только, може съ многими такъ поступили...

Вокругъ насъ собралась толпа. Кто-то рассказывалъ о томъ, что вѣшаютъ десятого.

— Пустите, пустите меня! — стоялъ голосъ какой-то старухи. Она приближалась къ намъ, съ нечеловѣческой силой расталкивая взрослыхъ мужчинъ.

Стала возлѣ насъ въ двухъ шагахъ и безумнымъ, дикимъ взглядомъ впиалась въ доктора. Еще моментъ, и она сжимала его горло, шепча что-то и скрежеща зубами. Если бы не десятки рукъ, доктору пришлось бы плохо. Старуху оттащили и она уже дѣтскимъ тономъ спрашивала всѣхъ :

— Что съ моими дочками?... что съ моими дочками?...

Въ прошлый разъ, когда наступали австрійцы, чуть ли не двадцать челоуѣкъ мадярь норвались въ домъ старухи и на глазахъ матери изнасиловали, а потомъ убили ея дочерей...

На заваленкѣ хаты войта сидѣлъ высокій старикъ. Онъ перебиралъ пальцами какія-то деревяншки и ни на что не обращалъ вниманія. Еще недавно этотъ старикъ былъ первымъ богатѣемъ въ селѣ. Когда пришли мадяры, старикъ былъ подвергнутъ такому наказанію : его заставили зарѣзать всѣхъ 4-хъ дѣтей. Старика застандили дѣлать это. Теперь для него уже все безразлично. Онъ по цѣлымъ днямъ перебираетъ деревяншки и о чемъ-то думаетъ...

Писать еще?.. Приводить еще факты?.. Развѣ этихъ недостаточно?.

Ужасомъ вѣяло отъ всего того, что мнѣ пришлось видѣть и слышать. Разказы одного подтверждались всѣми остальвыми, мелкими штрихами, которыхъ выдумать, фальшиво совдаты нельзя.

Били по нервамъ эти рассказы торопящихся съ отъѣздомъ бѣженцевъ.

Одинъ рассказъ слѣдовалъ за другимъ и содержаніе ихъ было удивительно коротко и несложно.

— Повѣсили.

— Разстрѣляли.

— Сжигали имущество просто для острастки.

— Насиловали женщинъ и дѣвушекъ.

— Истязали и убивали дѣтей.

И. г. д. и т. д.

Въ этихъ высокихъ горахъ, такъ глубоко занесенныхъ снѣгомъ, царилъ бѣлый ужасъ. Онъ поднимался онъ стелился повсюду и въ безмолвіи вѣчныхъ снѣговъ вопилъ о мщеніи.

Бѣлый ужасъ...

Бѣженцы уѣхали.

Послѣ глубокаго обморока очнулась княжна, всхлиывая послѣ истерики, сидитъ въ саняхъ докторъ.

Только ямщикъ, не то чехъ, ве то румынъ, обращаясь ко всѣмъ намъ, со злой ироніей спрашиваетъ:

— Чего вы теперь не смѣетесь?

„Прик. Р.“ 1915, № 1558.

Выдержки изъ газетъ, журналовъ и отдѣльныхъ сочиненій, относящіяся къ арестамъ, тюрьмамъ и казнямъ русскихъ галичанъ и буковинцевъ.

Справка. Первый выпускъ „Талергофскаго Альманаха“ оконченъ въ 1924 году. Онъ появился въ свѣтъ благодаря заботамъ „Талергофскаго Комитета“, который составленіе этой пропагандной книги поручилъ проф. д-ру Ю. А. Яворскому. Когда послѣдній переѣхалъ въ Чехію, не стало человѣка, который могъ бы заняться редакціей накопившагося матеріала. Правда, много трудился препод. Д. И. Ключникъ, однако безуспѣшно: изданіе не продвинулось впередъ.

Будучи всецѣло занятымъ въ редакціи „Русскаго Голоса“, и я не могъ выполнить возложенной на меня задачи изданія дальнѣйшаго выпуска; столь важное и неотложное дѣло лежало подъ спудомъ забвенія и пыли. Только съ пріѣздомъ д-ра Ю. И. Демьянчика изъ Праги я получилъ болѣе свободы и сейчасъ принялся за трудъ.

Не ваяшу никакихъ измѣненій. Подаю то, что было собрано „Комитетомъ“, и продолжаю ихъ работу. Разумѣется, что весь матеріалъ, который уже появился и въ будущемъ появится, не отвѣчаетъ строгой системѣ распредѣленія; это сдѣлаетъ будущій труженникъ, исследователь историкъ горя карпато-русскаго народа. Задача современныхъ издателей заключалась и заключается въ собраніи всего того, что еще уцѣлѣло въ памяти самихъ мучениковъ и очевидцевъ неслыханнаго въ мірѣ террора.

В. Р. Ваерикъ.

Палачъ русскаго народа.

Въ 1925 году скончался*) во Львовѣ адвокатъ д-ръ Станиславъ За-

гурскій, одинъ изъ видныхъ дѣятелей польскаго общества, председатель „всепартийнаго и всенародоваго польскаго союза защитниковъ Львова“. Его хоронила тысячная толпа поляковъ, представители всѣхъ польскихъ сословій и

*) Существовала молва, будто покончилъ съ собою самоубійствомъ изъ-за угризеній совѣсти.

общественных, политических и культурно-просветительных организаций. Этот печальной памяти человек врезался своими ногтями в душу русского населения Галичины так, что без сожаления трудно о нем и писать.

„Кошмарная отзвуки всемирной войны“.

Д-р Станислав Загурский, адвокат во Львов, председатель „Союза защитников Львова“, в роли судьи австрийской армии вынес сверх 100 приговоров смерти. Чудовищный приговор в Синеводск — 11 невинных мужиков повешено.

Остаются еще в живой памяти галицкого населения, как польского, так и „украинского“, кровавые оргии беззакония, какие совершали австрийские войска на этом населении, массово обвиняя за мнимый шпионаж и пособие русским войскам.

По поводу глупоты, бессилия и трусости австрийских штабов терпели эти войска постоянные поражения и, чтобы свалить с себя вину и ответственность, убивали перед вооруженным противником, извергали свою месть на беззащитное население, будто занимающимся массовым и организованным шпионажем в пользу неприятеля. Тысячи людей вывозились на запад, чтобы в продолжении многих лет держать их без суда в тюрьмах и ужасных лагерях для интернированных; тысячи невинных людей гибли на основании сфабрикованной и массово вынесенных смертных приговоров — просто за просто их убивали фронтовые войска по приказу своих военачальников.

Тысячи трусливые были австрийские войска ввиду вооруженного неприятеля, тысячами свирепые и мстительные они несли себя ввиду мирного гражданского населения. Время мировой войны — это

Поэтому, чтобы нас никто не заподозрил в пристрастии, приводим то, что пишут о нем сами поляки в львовской газете „Dziennik Ludowy“ в №№ 287 — 292, появившихся в 1924 году:

период разнузданного преступления и беззакония на Галицкой Руси.

Винников этих преступных деяний выбросила за борт общественной жизни водная повойная революция; однако они остались без наказания, а даже там и сям пробуют втереться в общественный подворот и играть в нем известную роль.

В этом ужасном деле массового истребления невинных людей сыграл выдающуюся, отличительную роль, к сожалению, и поляк, адвокат, доктор прав Станислав Загурский, который, как поручик аудитор в австрийской армии, при военно-полевом суде исполнял отвратительнейшую, кровавую должность палача.

Этот Загурский состоял продолжительное время председателем „Союза защитников Львова“, принимал деятельное участие почти во всех патристических комитетах, выступал часто в качестве „народного трибунала“ во время манифестаций, а во время выборов в сейм был руководителем „бююек христианского народного тора“ и делал своей циничной особой честь львовской палестры, адвокатской палаты.

Д-р Станислав Загурский — выдающаяся фигура в „народном“ ла-

герь, имет на своей совести свыше 100 смертных приговоров. Суд над этим индивидуумом предоставляем обществу, а приговор этого суда пусть будет вынесен на основании кровью сочащихся документов:

11 смертных приговоров на основании показаний одного свидетеля.

Руководитель судебного разбирательства д-р Станислав Загурский.

Дословный текст приговора.

Цесарско-королевский суд. № KI. 14.5

Именем импер. Франца Иосифа.

Цесарско-королевский военно-полевой суд в Синеводск Выяем, числа 18-го октября 1914 года, под председательством ц. и. к. ротмистра Gustav-a Kuhn-a и под руководством поручика-аудитора д-ра Станислава Загурского, в присутствии протоколиста сержанта Людвика Unterschnetz-a и капитана-аудитора Иосифа Barthehnus-a, обжаловавшего подсудимых в преступлении против вооруженных сил государства, согласно § 327 в. у. в. и на основании предложения обвиняющего наказать всех обвиняемых согласно § 444 в. у. п., вынес единогласно приговор:

1. Михаил Коваль, из Синеводска, 54 года, гр.-кат. вѣроисповѣданія, женатый, отец 9 дѣтей, земледѣлец, под судом не состоявшій;

2. Федор Гудз, из Синеводска, 47 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисп., женатый, отец 4 дѣтей, земледѣлец, под судом не состоявшій;

3. Степан Гриб, из Синеводска, 26 лѣтъ, гр.-кат. вѣроиспо-

вѣданія, женатый, бездѣтный, под судом не состоявшій;

4. Николай Джусь, из Синеводска, 39 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисп., женатый, отец 3 дѣтей, земледѣлец, под судом не состоявшій;

5. Петръ Джусь, из Синеводска, 35 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисповѣданія, женатый, 3 дѣтей, земледѣлец, под судом не состоявшій;

6. Адам Струк, из Синеводска, 28 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисп., неженатый, земледѣлец, под судом не состоявшій;

7. Антон Коваль, из Синеводска, 64 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисп., женатый, отец 6 дѣтей, земледѣлец, под судом не состоявшій;

8. Петръ Коваль, из Синеводска, 62 года, гр.-кат. вѣроисповѣданія, женатый, бездѣтный, земледѣлец, под судом не состоявшій;

9. Иван Матишинъ, из Синеводска, 44 года, гр.-кат. вѣроисп., бездѣтный, земледѣлец, под судом не состоявшій;

10. Федоръ Федининъ, из Синеводска, 44 года, гр.-кат. вѣроисповѣданія, женатый, отец 6 дѣтей, земледѣлец, каранный 6-ти дневным арестомъ за преступленіе § 411;

11. Иванъ Тишовскій, из Синеводска, 30 лѣтъ, гр.-кат. вѣроисп., женатый, отец 5 дѣтей, сельскій полицейскій въ Синеводскѣ, под судом не состоявшій —

признаны виновными в томъ, что въ послѣднихъ двухъ недѣляхъ сентября мѣсяца 1914 года и въ двухъ первыхъ недѣляхъ октября мѣсяца того же года, во время войны между австро-венгерской монархіей и российской им-

перей, состояли въ связи съ непріятелемъ, чѣмъ нанесли австрійскимъ вооруженнымъ силамъ вредъ, а непріятелю принесли пользу.

Поэтому всѣ они, отъ 1 до 11, являются виновниками преступленія противъ вооруженныхъ силъ государства согласно § 327 в. у. к. и за это согласно § 444 в. у. к. приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Основаніе:

Военно-полевой судъ, на основаніи показаній свидѣтеля Семена Муссака, единогласно установилъ, что обжалованный Степанъ Грибъ показавъ русскимъ дорогу въ горы; показанія свидѣтеля Муссака признаны военнымъ судомъ вполне вѣроподобными, тѣмъ болѣе, что обжалованный не представилъ никакихъ отказовъ противъ показаній свидѣтеля, а сверхъ того самъ сознался въ томъ, что русскіе спрашивали его о количествѣ австрійскихъ войскъ, переходившихъ черезъ Синеводскъ, и узнавали у него дороги по направленію юга. Къ принятію такого мнѣнія рѣшился военный судъ на основаніи сбивчивыхъ показаній, изъ которыхъ выходило, что Грибъ былъ москвофильски настроенъ, тѣмъ болѣе, что свидѣтель Муссакъ подтвердилъ, что обжалованный Грибъ въ самомъ дѣлѣ — москвофилъ. Взявъ во вниманіе, что обжалованный Грибъ имѣетъ 28 лѣтъ, не умѣетъ читать и писать какъ тоже ввиду того, что вина обжалованнаго Гриба показалась военному суду самой малой въ сравненіи съ виной остальныхъ обжалованныхъ — военный судъ постановилъ, что онъ первый долженъ по-

нести смертное наказаніе на основаніи вынесеннаго приговора согласно § 444 в. у. п.

На основаніи показаній, военный судъ установилъ, что обжалованный Адамъ Струкъ былъ въ сношеніяхъ съ русскими, въ чемъ онъ самъ сознался: онъ купилъ у русскихъ захваченныя ими подводы, и они узнавали у него на счетъ количества нашихъ (австрійскихъ) войскъ и дорогъ, ведущихъ на югъ отъ Синеводска. На основаніи показаній, достовѣрныхъ показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ принявъ за правду, что обжалованный Струкъ освѣдомлялъ непріятельскія войска о дорогѣ на югъ черезъ горы и объ уходѣ австрійскихъ войскъ. Установивъ, что Струкъ входилъ въ сношенія съ русскими, военный судъ убѣдился въ томъ, что этотъ обжалованный давалъ непріятелю объясненія, чтобы пособить врагу, а нашимъ войскамъ нанести вредъ. Вынесенную смертную казнь долженъ обжалованный Струкъ понести другимъ, такъ какъ его вина равнительнѣе прочихъ обжалованныхъ.

На основаніи показаній, военный судъ установилъ, что обжалованный Иванъ Матѣшинъ ѣздилъ нѣсколькократно съ русскими въ Лавочное, — слѣдовательно вошелъ съ ними въ соглашеніе. На основаніи принято за истину, что этотъ обжалованный освѣдомлялъ непріятельскія войска относительно количества и размѣщенія нашихъ войскъ. Дальше установлено, что обжалованный Матѣшинъ, находящійся нѣсколько разъ въ сношеніяхъ съ русскими, далъ имъ требуемыя поясненія

съ цѣлью принести нашимъ военнымъ силамъ вредъ. На основаніи этихъ доказательствъ военный судъ призналъ его виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. з. и на основаніи § 444 в. у. п. приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Взявъ во вниманіе, что обжалованный Матѣшинъ продолжительное время былъ въ сношеніяхъ съ русскими, рѣшено военнымъ судомъ, что его смерть послѣдуетъ въ третью очередь.

Свидѣтель Муссакъ показавъ также, что обжалованный Петръ Коваль просянлъ русскимъ войскамъ, гдѣ спрятались жандармы поста въ Синеводскъ при приближеніи русскихъ развѣдчиковъ. Въ этой информации усмотрѣлъ военный судъ злостное обжалованнаго выдать гарнизонъ жандармеріи въ Синеводскъ и ополченія, организовавшаго оборону противъ непріятеля. Въняемое въ вину обжалованному Петру Ковалю дѣйствіе имѣетъ знаменіе преступленія § 327 в. у. з., вслѣдствіе чего Петръ Коваль признанъ виновнымъ и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе согласно § 444 в. у. п. Одновременно рѣшено, что этотъ обжалованный долженъ понести смертную казнь четвертымъ съ ряду.

На основаніи показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Николай Джусъ указавъ русскимъ солдатамъ дорогу въ село Чабло. На основаніи признанія самого обжалованнаго, удостовѣрено, что у него были расквартированы въ теченіи 2 сутокъ русскіе солдаты. На основаніи этихъ фактовъ принято, какъ доказательство, что обжалованный Николай Джусъ

далъ русскимъ информации съ цѣлью оказать имъ услугу. Смертную казнь, опредѣленную ему на основаніи § 444 в. у. п., онъ долженъ понести пятымъ, такъ какъ его живая защита указала на то, что онъ былъ всецѣло преданъ русскимъ.

На основаніи показаній свидѣтеля Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Иванъ Тишовницікій разыскивалъ австрійскихъ военнопленныхъ Семена Муссака и Прокопія Сливку, чтобы ихъ выдать русскимъ. Такъ какъ обжалованному было извѣстно, — въ чемъ онъ самъ сознался, — что Семенъ Муссакъ и Прокопій Сливка являются военнопленными, то его розыски упомянутыхъ лицъ имѣли только ту цѣль, чтобы принести непріятелю пользу. Посему Тишовницікій признанъ виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. з. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, которую долженъ понести шестымъ.

На основаніи показаній Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Антонъ Коваль указавъ русскимъ солдатамъ дорогу и помогавъ непріятелю во время его отступленія изъ Синеводска вытаскивать застрявшія въ трясинѣ орудія. Ввиду признанія обжалованнаго, что русскіе солдаты освѣдомлялись у него относительно направленія ухода нашихъ войскъ, военный судъ призналъ его за сношенія съ непріятелемъ въ его пользу, а во вредъ нашей арміи, виновнымъ и приговорилъ его къ смертной казни черезъ повѣшеніе, ко-

тору онъ долженъ понести седьмымъ.

На основаніи показаній свидѣтеля Симена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Теодоръ Федишинъ указалъ русскимъ солдатамъ дорогу черезъ горы на югъ и разыскивалъ военнообязаннаго Семена Муссака съ цѣлью выдать его непріятелю. На основаніи этого утвержденія, равно какъ і признанія самого Федишина, что русскіе освѣдомлялись у него, куда отступали наши войска, военный судъ принялъ за истину, что Федишинъ былъ въ сношеніи съ врагомъ, чтобы такимъ образомъ принести непріятелю пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ нанести вредъ. Поэтому Федишинъ признанъ виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. в. и приговоренъ на основаніи § 444 в. у. п. къ смертной казни черезъ повѣшеніе, которая будетъ приведена въ исполненіе въ восьмую очередь.

На основаніи показаній свидѣтеля Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Теодоръ Будвъ разыскивалъ извѣстнаго ему, какъ военнообязаннаго, Семена Муссака, чтобы его выдать непріятелю. Обжалованный Теодоръ Будвъ сознался, что старался хитрымъ способомъ затянуть въ Синеводскъ также военнообязаннаго Прокопія Сливку, чтобы его выдать непріятелю въ качествѣ военнопленнаго. На основаніи этихъ удостовѣренныхъ фактовъ, военный судъ убѣдился въ томъ, что обжалованный Теодоръ Будвъ въ согласіи съ непріателемъ старался выдать австрійскихъ военнообязанныхъ русскимъ, чтобы принести имъ пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ

нанести вредъ. Теодоръ Будвъ признанъ виновнымъ въ преступленіи § 327 в. у. в. и приговоренъ согласно § 444 в. у. п. къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Въ силу важности вмѣняемаго въ вину Теодору Будву дѣянія, долженъ онъ понести наказаніе девятымъ.

На основаніи показаній самого обжалованнаго Петра Джуса и показаній свидѣтеля Семена Муссака, военный судъ установилъ, что обжалованный Петръ Джусъ разыскивалъ извѣстныхъ ему, какъ военнообязанныхъ, Семена Муссака и Прокопія Сливку изъ Синеводска, чтобы ихъ выдать непріятелю. На основаніи показаній свидѣтеля Семена Муссака, удостовѣрено, что обжалованный Петръ Джусъ служилъ непріятельскимъ войскамъ въ качествѣ проводника. На основаніи частныхъ признаній Петра Джуса принято за правду, что у него были расквартированы русскіе солдаты и что, слѣдовательно, онъ имѣлъ возможность войти въ сношенія съ русскими. Вмѣняемое обжалованному въ вину и установленное дѣйствіе можетъ служить яркимъ примѣромъ соглашенія съ непріятелемъ. Петръ Джусъ совершилъ, чтобы принести врагу пользу, а австрійскимъ вооруженнымъ силамъ нанести вредъ, преступленіе § 327 в. у. в. и приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Долженъ Петръ Джусъ понести, ввиду важности вины, десятымъ.

На основаніи показаній свидѣтеля Семена Муссака, военный судъ устано-

вилъ, что обжалованный Михаилъ Коваль въ характерѣ сельскаго сгасты (войга) велѣлъ разыскивать хорошо ему извѣстныхъ, какъ военнообязанныхъ, Семена Муссака и Прокопія Сливку, чтобы ихъ выдать непріятелю. Обжалованный угрожалъ родственникамъ Муссака принудительными мѣрами, чтобы ихъ выдать непріятелю. На основаніи показаній допрошеннаго свидѣтеля Муссака равно же установлено, что Михаилъ Коваль даже лично разыскивалъ упомянутаго Муссака, что ярко указываетъ карыдостойное намѣреніе совершить преступленіе § 327 в. у. в. Ввиду этого Михаилъ Коваль признанъ виновнымъ и приговоренъ согласно § 444 в. у. п. къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Такъ какъ Михаилъ Коваль былъ довѣреннымъ лицомъ австрійскаго правительства и этимъ довѣріемъ злоупотребилъ, военный судъ усмотрѣлъ въ его преступленіи самую тяжелую вину за которую онъ долженъ понести смертное наказаніе послѣднимъ.

Синеводскъ, 18 октября 1914 г.

Kuhn,
ротмистръ, какъ предсѣдатель
Дръ Станиславъ Загурскій,
поручикъ-аудиторъ, какъ руководитель.
Людвигъ Unterschne'z,
какъ протоколистъ.

Приговоръ утверждается и подлѣжить его привести въ исполненіе въ случаѣ надобности посредствомъ разстрѣла возлѣ Горнаго (Hurnie) на югъ отъ Стрыя. Числа 19 го октября 1914 года.

Peter Huffman, ген.-маіоръ.
Загурскій, поручикъ-аудиторъ.

Эти 11 человѣкъ приговорены къ смерти, повѣшены или расстрѣляны на основаніи показаній одного свидѣтеля!

Согласно официальнаго протокола разбирательства, показанія этого классическаго свидѣтеля звучать: „Будучи зачисленнымъ въ ополченіе, я явился на службу 1 го авг. 1914, изъ за болѣзни однако я былъ освобожденъ по 20-ое октября того же года. Жители деревни знали, что я освобожденъ; зналъ и войтъ. Русскіе были въ нашей деревнѣ три недѣли. Кромѣ меня, разыскивали и раненаго Сливку. Я записалъ себѣ людей, которые ходили съ русскими. Поэтому войтъ велѣлъ искать меня и Сливку Якову Тишовницкому, Теодору Будву и Николаю Масному. Я бѣжалъ, не подвѣдая, что Масный разыскиваетъ меня Антонъ Сернишинъ выкупилъ меня отъ русскихъ, которыми я былъ пойманъ. Такъ какъ моя жена не имѣла чего ѣсть, я хотѣлъ еще пойти домой, но меня не пустили. И только, когда Сернишинъ поручился за меня, я получилъ свободу. Козаки не принимали участія въ поискахъ за мной.

ad 1) Разсказалъ русскимъ, сколько здѣсь австрійскихъ войскъ было и куда они ушли. Это было перваго дня.

ad 2) Сказалъ, когда здѣсь были русскіе, что у русскихъ лучше и что намъ будетъ лучше, если русскіе побѣдятъ.

ad 3, 4, 5, 6) Ходили вмѣстѣ съ русскими грабить и, по всей вѣроятности, указывали имъ дорогу.

ad 7) Грабилъ и указалъ русскимъ дорогу и всегда ходилъ съ русскими.

ad 8) Грабилъ съ русскими и указалъ имъ дорогу.

ad 9) Грабилъ съ русскими и указалъ имъ дорогу.

ad 10) Грабилъ съ русскими и указалъ имъ дорогу.

ad 11) Грабилъ съ Русскими и указалъ имъ дорогу“.

Стоить дѣйствительно разсмотрѣть на мгновеніе мотивы этихъ одиннадцати исполненныхъ смертныхъ приговоровъ. Касательно Степана Гриба показавъ свидѣтель, что Грибъ „будто показавъ русскимъ дорогу“. Военный судъ „установилъ“, что онъ „указавъ дорогу неприятельскимъ войскамъ“. Какимъ образомъ установилъ? Было очевиднымъ, что онъ былъ „москвофильски настроенъ“.

На чемъ основывалъ Загурскій свои приговоры?

По приговору Загурскаго былъ среди множества казненъ также священникъ Романъ Березовскій и судившіеся одновременно тѣмъ же Загурскимъ Кобылянский и Жабакъ.

Теперь хотимъ описать, какъ дѣйствительно обстояло дѣло съ этимъ священникомъ. Уже послѣ повѣшенія Загурскимъ выше названныхъ трехъ чело-вѣкъ дѣло поступило въ другой военный судъ, въ военно-полевой судъ краевой обороны въ Стрыѣ, который 17-го января 1918 года отмѣнилъ приговоръ на повѣшенныхъ въ полномъ его основаніи и вынесъ оправдательный приговоръ.

Разсмотримъ прежде всего поводы, которые свидѣлствуютъ о невинности священника Березовскаго. Изъ актовъ судебного разбирательства ц. и к. команды г. Львова въ Мукачевѣ установлено, что обжалованные перешли гра-

Адамъ Струкъ сознаетъ, что русскіе спрашивали его про дорогу, а свидѣтель показываетъ, что Струкъ „будто указавъ русскимъ дорогу“. Военный судъ принялъ, какъ „истину“, что Струкъ указавъ русскимъ дорогу“.

То же касается Николая Джуса. На Тишовницкомъ нѣтъ вины, кромѣ того, что онъ по приказу войта „равыскивалъ двухъ чело-вѣкъ“. Военный судъ вынесъ приговоръ, что онъ ихъ равыскивалъ для того, чтобы „выдать русскимъ“.

Не иначе обстоитъ дѣло съ Федшиннымъ, Оеодоромъ Будзомъ, Петромъ Джусомъ и Михаиломъ Ковалемъ.

„Dziennik Ludowy“ 1924,
№№ 287, 288.

ницу возлѣ Сеничева, долинскаго уѣзда въ Галичинѣ и тамъ были арестованы австро-угорскими военными патрулями по подозрѣнію въ шпіонствѣ. При обжалованномъ свѣд. Березовскомъ нашли:

1) Карту Угорщины. Галичины и Буковины изъ школьнаго атласа Козена;

2) Записки о количествѣ австрійскихъ войскъ въ дѣйствующей арміи по отдѣльнымъ частямъ;

3) Нѣсколько коробокъ спичекъ австрійскаго и угорскаго происхожденія;

4) Сумму въ 276 коронъ 16 геллеровъ.

Защитникъ поддерживаетъ оправданіе подсудимаго передъ военнымъ судомъ, который отрицаетъ, будто у него было какое, либо намѣреніе заниматься шпіонажемъ и вовсе не чувствуетъ себя виновнымъ. Въ свое оправданіе онъ подаетъ, что перешелъ угорскую границу потому, что хотѣлъ, опасаясь русскихъ,

войскъ, попасть въ Угорщину, которую считалъ болѣе безопасной, чѣмъ была Галичина. Изъ дому выѣхалъ уже вечеромъ и только вочью нашелся на угорской территоріи. Онъ отрицалъ, будто бы былъ москвофиломъ, и утверждалъ, что принадлежалъ къ украинской партіи. Относительно найденной при немъ карты утверждалъ, что она взята имъ изъ атласа, купленнаго его отцомъ; на ней онъ не дѣлалъ никакихъ знаковъ. Изъ любопытства спрашивалъ, сколько чело-вѣкъ имѣется въ одномъ корпусѣ. Относительно спичекъ онъ объяснилъ, что двѣ коробки были имъ куплены въ Долинѣ, а одна въ Сеничевѣ. На вопросъ, почему находившіяся при немъ деньги были раздѣлены на отдѣльныя суммы, заявилъ, что случилось это вслѣдствіе размына по пути.

Изъ показаній свидѣтелей Іосифа Охримовича, Семена Даниловича, Тимофея Березовскаго, Василя Кулика, Маріи Чегуты, Ивана Безрукаго, Романа Чернецкаго, Іосифа Ловинскаго Ярослава Роснецкаго, Іосифа Старого и изъ доклада жандармскаго поста въ Журавнѣ вѣствуетъ со всей положительностью, что приговоренный къ смерти Романъ Березовскій былъ по убѣжденію украинофилъ и, какъ таковой, пользовался безупречнымъ мнѣніемъ, затѣхъ что, ввиду носившихся слуховъ о преслѣдованіи русскими украинофильствующихъ священниковъ, имѣлъ почти болѣзненный страхъ и опасенія передъ ними и что вслѣдствіе этого при приближеніи русскихъ войскъ бѣжалъ изъ своего прихода тѣ Протчахъ; какъ бѣженецъ, онъ прибылъ въ Сеничевъ и оттуда опять въ виду ходившихъ слуховъ о приближеніи казаковъ, съ большою поспѣшностью и испугомъ ушелъ

къ угорской границѣ, чтобы не попасть въ руки русскихъ.

Изъ показаній Маріи Даниловичъ и Романа Чернецкаго можно заключить, что казненный Романъ Березовскій непосредственно передъ своимъ бѣгствомъ изъ Протчъ захватилъ съ собою изъ церковной кассы сумму 200—300 кор., состоявшихъ изъ мелкихъ денегъ, въ томъ числѣ изъ 10 и 20 банкнотовъ.

Изъ показаній свидѣтелей Маріи Даниловичъ, Семена Даниловича, Евгеніи Вольманнъ и Соломона Геллера слѣдуетъ, что въ Сеничевѣ и въ окрестности, одинаково до войны, такъ и въ критическій моментъ, можно было получить спички угорскаго издѣлія. Ввиду этого объясненіе Романа Березовскаго, что онъ перешелъ угорскую границу только изъ опасенія передъ русскими, несомнѣнно вѣрное и уже тѣмъ самымъ обосновано отсутствіе намѣренія шпіонажа.

Несмотря на это, военный судъ занялся изслѣдованіемъ найденной при Березовскомъ карты и записокъ о количествѣ войскъ дѣйствующей арміи и согласно существующихъ предписаній вызвалъ офицера ц. и к. генеральнаго штаба, какъ знатока, для объясненій и принятыхъ военнымъ судомъ заключеній. На картѣ обозначены пунктами путь, избранный русскими для передвиженія вглубь Галичины и для эвен-туальнаго ихъ дальнѣйшаго похода черезъ Карпаты и черезъ провинціи угорской короны по направленію къ сербскому королевству.

На основаніи опредѣленій знатока, военный судъ установилъ, что на относительной картѣ не видно обозначенія дороги. Находящаяся на ней подчеркнутая мѣста не стоятъ съ собою въ связи, находятся въ каждомъ школьномъ ат-

ласть, а сдѣланы безъ всякой опредѣленной цѣли; съ военной точки зрѣнія они не имѣютъ ни малѣйшаго значенія; съ другой стороны, мѣстности, весьма важныя въ стратегическомъ отношеніи, повсе не подчеркнуты. Изъ объясненій вѣнатока слѣдуетъ также, что эта карта въ военномъ и тактическомъ отношеніяхъ не имѣетъ стоимости, и совершенно исключено, чтобы изъ нея можно было узнать подробности о военныхъ операціяхъ.

Относительно записокъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ нихъ опредѣляется составъ одной бригады въ четыре полка,

Жабякъ и Кобылянский.

Въ слѣдующихъ двухъ жертвахъ пана Загурскаго — Кобылянскомъ и Жабякѣ — трудно найти преступленіе. Кобылянский имѣлъ при себѣ 100 коронъ и коробку спичекъ съ угорскимъ ярлычкомъ и абсолютно ничего больше. Послушайте, что сочинилъ панъ Загурскій:

Обжалованные Кобылянский и Жабякъ были въ то же время арестованы патрулей на угорской границѣ. Оправдывались они желаніемъ освѣдомить австрійскія войска, а именно военныя заставы, расположенныя на галицко-угорской границѣ, что возлѣ Сенечола видны русскія войска. Такъ какъ свидѣтели: поручикъ Coervoес, подпоручикъ Szerdahaly, Szuets и Buri показали, что обжалованные Кобылянский и Жабякъ старались пройти мимо австро-угорскихъ форпостовъ и при встрѣчѣ съ ними дрожали, что, въ свою очередь, сейчасъ возбудило подозрѣніе, ввиду чего военно-полевой судъ пришелъ къ заключенію, что желаніе увѣдомить

одной дивизіи — въ четыре бригады. Уже изъ этихъ чиселъ, не отвѣчающихъ фактическому соотношенію, можно заключить, что записки не служили для цѣлей шпионства, независимо отъ того, что, согласно опредѣленію вѣнатока русскіе въ этомъ отношеніи вовсе не нуждались въ разъясненіяхъ.

Ясно, что относительно шпионства не было ни малѣйшаго подозрѣнія и что абсолютная невинность этого человѣка была положительно очевидна.

Dziennik Ludowy, Nr. 220.
отъ 20 декабря 1924.

австро-угорскіе пограничныя форпосты о появленіи русскихъ войскъ въ окрестности Сенечола должно было послужить имъ отговоркой въ случаѣ, если бы не могли обойти австрійскихъ форпостовъ.

Къ такому заключенію пришелъ военно-полевой судъ тѣмъ болѣе, что на основаніи показаній свидѣтеля подпоручика Szerdahaly установлено, что заявленіе подсудимыхъ, которое должно было оправдать переходъ угорской границы черезъ крутыя горы, было выдуманно, особенно потому, что въ это время не было видно русскихъ войскъ въ окрестности Сенечола. Подсудимые Кобылянский и Жабякъ сознали на разбирательствѣ передъ военно-полевымъ судомъ, что они видѣли по пути Березовскаго, слѣдовавшаго за ними въ отдаленіи около 200 шаговъ, но не могли объяснить, почему онъ шелъ за ними. Эти показанія призналъ военно-полевой судъ достовѣрными, особенно потому, что на основаніи показаній поручика Coervoес установлено, что Ко-

былянский пытался защитить Березовскаго тѣмъ, что онъ также желалъ извѣстить пограничныя австро-угорскія стражи о вступленіи Русскихъ войскъ въ окрестность Сенечола. Это заявленіе стоитъ въ яркомъ противорѣчій съ слѣдующими показаніями Кобылянскаго и Жабяка, согласно котораго они не знали, почему Березовскій въ то самое время намѣривался перешагнуть черезъ крутыя вершины угорскую границу, какъ тоже съ защитой Березовскаго, который не хотѣлъ ничего знать о намѣреніи увѣдомить пограничныя угорскія стражи.

Военно-полевой судъ пришелъ къ заключенію, что эти трое обжалованныхъ дѣйствовали взаимно въ согласіи и старались другъ другу взаимно помогать. Во время очной ставки на главномъ разбирательствѣ обжалованные Кобылянский и Жабякъ старались свои показавшія, несопадающія съ показаніями Березовскаго, всегда согласовать съ его показаніями, хотя къ этому не было бы надлежащаго повода, если бы Березовскій былъ для нихъ совершенно чужой. Кроме того, надо отмѣтить, что показаніе всѣхъ трехъ обжалованныхъ совпадаютъ въ томъ направленіи, что Березовскій и Кобылянский побывали на приходствѣ въ Сенечолѣ раньше, чѣмъ Кобылянский и Жабякъ.

Это обстоятельство было для военно-полевого суда доказательствомъ, что обжалованные Березовскій и Кобылянский до ухода изъ Сеничева свой планъ точно обдумали и выдумали эвентуальное заявленіе для необходимыхъ пограничныхъ карауловъ.

У Кобылянскаго найдено 100 кор. Такъ какъ Кобылянский не имѣетъ имущества и получаетъ жалованіе около 50 коронъ въ мѣсяцъ, и не могъ объяснить, почему носить при себѣ такъ

значительную сумму, которая для него составляетъ имущество, военно-полевой судъ счелъ доказаннымъ, что найденная у него сумма была опредѣлена на предательскую цѣль, а именно на подкупъ русскаго руссофильски настроеннаго населенія пограничнаго округа Угорщины, и обжалованный Кобылянский хотѣлъ пробраться черезъ границу въ сѣверную Угорщину, чтобы тамъ найти сообщниковъ и шпионовъ для наступающихъ Русскихъ войскъ. Къ этому убѣжденію пришелъ военно-полевой судъ на томъ основаніи, что подсудимый Кобылянский находился въ тѣсной связи съ Березовскимъ, который, какъ это доказано, обязательно долженъ считаться Русскимъ шпиономъ.

Противъ Кобылянскаго свидѣтели стукотъ еще найденныя при немъ угорскаго происхожденія спички, какихъ въ Сеничевѣ нельзя получить, что официально удостовѣрено. Кобылянский утверждаетъ, что именно въ Сеничевѣ недавно эти спички купилъ. Такъ какъ Кобылянский отрицаетъ, будто бы въ послѣднее время перешелъ угорскую границу, а спички угорскаго происхожденія доказываютъ какъ разъ противоположное, слѣдуетъ принять, что Кобылянский старается затаять свои путешествія въ Угорщину, ибо онъ имѣли специальную цѣль. Ввиду того, военно-полевой судъ установилъ, что подсудимый Кобылянский въ качествѣ развѣдчика въ послѣднее время 10 сентября 1914 года отдавалъ непріятелю услуги и обязывалъ сѣверную границу Угорщины съ цѣлью предательства.

Изъ выше приведенныхъ мотивовъ говорить противъ обжалованнаго Жабяка еще то обстоятельство, что имъ давались должныя информаци о вступ-

лении Русских въ окрестность Сене-
чолы. Этимъ Жабякъ хотѣлъ вызвать
тревогу гарнизона въ Торонѣ на слу-
чай, если бы другія шпионскія старанія
завели; онъ хотѣлъ положеніе и пере-
движеніе австрійскихъ пограничныхъ
войскъ разузнать.

На основаніи изложеннаго и при-
нятаго за правду военною полевой судъ
призвалъ Жабяку виновнымъ. За свое

преступленіе оба (Кобылянский
и Жабякъ) были повѣшены.

Мы повторили весь этотъ вздор-
ный романъ, а теперь послушайте, какъ
въ дѣйствительности обстояло дѣло съ
этими двумя подсудимыми. А это пояс-
нить вамъ другой судъ.

„Dziennik Ludowy“ № 291.
отъ 21 дек. 1914.

Пора приговорить „судью“ Загурскаго.

Обжалованные Кобылянский и Пань-
ко Жабякъ, приговоренные Загурскимъ
къ смертной казни черезъ повѣшеніе,
защищались тѣмъ, что перешли угор-
скую границу по приказанію войта съ
цѣлью донести австрійскимъ войскамъ
о появленіи казаковъ въ Долину.
Кобылянский утверждалъ тоже, что по-
лучилъ отъ войта письмо для нашихъ
(австр.) войскъ и передалъ его жан-
дармскому посту. Съ обжалованнымъ
Березовскимъ вмѣстѣ не уходилъ; по-
слѣдній шелъ въ отдаленіи 200 шаговъ
за нимъ, совершенно не зная, почему
священникъ шелъ за нимъ. Спички ку-
пилъ въ Сенечолѣ, относительно денегъ
совнался, что 29 коронъ получилъ изъ
почты, прочія получилъ за проданные
онощи. Мелкія деньги вымѣнялъ на бу-
мажныя.

На основаніи показаній свидѣтелей
Семена Гачки, Николая Жабяка, Маріи
Жабякъ, Анны Гачки, Филиппа Угрины
и Фанды Горовицъ слѣдуетъ считать
доказаннымъ то, что нѣкій Илья Пеневъ
узналъ отъ какихъ-то людей, проходя-
щихъ мимо его дома, что вблизи Се-
нечолы на „полонинѣ“ стоитъ еотня
казаковъ. Узнавъ объ этомъ, войтъ
Петръ Щепенякъ заявилъ, что слѣ-

дуетъ извѣстить австрій-
ское войско на угорской гра-
ницѣ, куда необходимо пойти. Филиппъ
Угринъ отказался идти къ австрійскимъ
войскамъ; рѣшились идти обжа-
лованные Панько Жабякъ и
сельскій писарь Левъ Кобы-
лянский.

Защита обжалованныхъ Панька
Жабяка и Кобылянскаго была вѣрна:
по приказанію войта они пе-
решли угорскую границу съ
цѣлью донести австрійскимъ
войскамъ, что вблизи видѣли
казаковъ.

Изъ показаній свидѣтеля священ-
ника Іосифа Охримовича вытекаетъ, что
обжалованный Кобылянский по-
лучилъ отъ студента универ-
ситета Ленинскаго на бу-
мажкѣ соответствующее для
австрійскихъ войскъ доне-
сеніе, такъ что и вѣдьса его
защита удостовѣрена.

Все это было на второмъ разби-
рательствѣ доказано, эти люди были
освобождены приговоромъ суда отъ вся-
кой вины, однако случилось это послѣ
ихъ повѣшенія. Подобно ничѣмъ не
провинился и свящ. Березовскій,

Такихъ случаевъ имѣетъ д-ръ За-
гурскій на своей совѣсти сверхъ 100,
а люди, которые имѣли сомнительное
счастье встрѣчаться съ нимъ, подтверж-
даютъ то, что онъ любовался своими
богатырскими военными „подвигами“.

По случаю объявленія вызываю-
щихъ отвращеніе документовъ мы по-
лучили со всѣхъ сторонъ благодарствен-
ныя письма за то, что всенародно сор-
вали маску изъ индивидуума, имѣю-
щаго на своей совѣсти столько зло-
дѣяній и нахально играющаго въ обще-

ственности на почетномъ посту пер-
вую роль.

Закапчиваемъ циклъ нашихъ пу-
бликацій, такъ какъ не желаемъ ко-
паться въ отвратительныхъ до-
кументахъ прошлаго. Думаемъ, что
хватитъ того, что нами объявлено. Не
сомнѣваемся въ томъ, что „судья“ За-
гурскій заслужилъ себѣ приговоръ своихъ
жертвъ. Но этотъ приговоръ пускай
уже вынесетъ само общество.

„Dziennik Ludowy“, № 292.
22 декабря 1914.

Документъ.

„Русское Слово“ сообщаетъ текстъ
приказа главнокомандующаго
австрійской арміей эрцгерцога
Фридриха о необходимости поставить
въ извѣстность войска относительно тер-
миновъ „русинъ“ (Ruthene) и „укра-
инцевъ“.

Вотъ этотъ текстъ:

„Неосвѣдомленность частей отно-
сительно политическихъ взглядовъ и
убѣжденій населенія, какъ средней и
восточной Галичины, а также Буковины,
такъ и юго-западной Россіи имѣла
часто послѣдствіемъ круп-
ныя промахи и несправед-
ливое отношеніе къ соб-
ственнымъ подданнымъ.“

Необходимо освѣдомлять части въ
вышеуказанномъ смыслѣ, причемъ от-
правнымъ пунктомъ можетъ послужить
слѣдующая краткая справка. Какъ юго-
западъ Россіи, такъ и средняя и во-
сточная Галичина, а также Буковина,
населены одной и той же народностью,
которая въ Россіи называется малорос-
сами, а въ Австріи — русинами или
украинцами. По вѣрѣ это частью униаты,
въ большинствѣ же православные. По

своимъ политическимъ убѣжденіямъ ру-
сины раздѣляются на двѣ части. Одна
часть — руссофилы — либо открыто, либо
тайно стремятся къ отлученію отъ Ав-
стріи и присоединенію къ Россіи. Въ
этомъ политическомъ теченіи главную
роль играютъ не крестьяне, а ихъ во-
жаки — учителя и попы. Другая часть —
украинцы — преслѣдуютъ цѣль объеди-
ненія всѣхъ украинскихъ земель, съ
присоединеніемъ къ Австріи.

Въ то время, какъ первая часть пре-
слѣдуетъ противогосударственныя цѣли,
вторая можетъ быть названа доняльной.
Понятно, что какъ въ той, такъ и въ
другой группѣ встрѣчаются личности
съ противоположными или индифферен-
тными взглядами. Поэтому, при раз-
смотрѣніи каждаго случая надлежитъ
считаться съ данной личностью. Слѣ-
дующіе пункты могутъ служить руко-
водствомъ для болѣе справедливой и
правильной политики:

1) Необходимо поставить въ извѣ-
стность каждаго нижняго чина, что
безусловно ошибочно считать заранѣе
всѣхъ русинъ измѣнниками,

2) Также неправильно считать всѣхъ задержанныхъ измѣнниками, такъ какъ многіе изъ нихъ арестовываются по ложнымъ доносамъ.

3) Ложные доносы прекратятся, если вмѣстѣ съ оговореннымъ задерживать (гдѣ это возможно) также и доносчика.

4) Плохое обращеніе съ задержанными подрываетъ авторитетъ военной власти и должно быть наказывается.

5) Нижнимъ чинамъ, не говорящимъ на мѣстномъ языкѣ, должно быть внушено офицерами, что Галичина отнюдь не является чужой страной; къ живущему въ Галичинѣ лояльному населенію необходимо относиться возможно болѣе дружелюбно.

Ничѣмъ не вызванное плохое обращеніе нашихъ войскъ, не говорящихъ

на мѣстномъ языкѣ, съ населеніемъ можетъ легко повлечь за собою то, что это населеніе будетъ видѣть въ нашемъ солдатѣ врага, а въ родственномъ по языку и крови казакѣ — избавителя.

Въ заключеніе не слѣдуетъ забывать, что какъ русинскіе (украинскіе) солдаты, такъ и солдаты польской и другихъ національностей, съ геройскимъ мужествомъ сражались въ рядахъ нашей арміи и исполнили, такимъ образомъ, свой долгъ передъ родиной.

Этотъ любопытный документъ является цѣннымъ, хотя и вавоздалымъ, признаніемъ самихъ же австрійцевъ въ собственныхъ безчинствахъ и звѣрствахъ надъ карпато-русскимъ населеніемъ.

„Прик. Русь“ 1915 г.
№ 1628 (27 апрѣля).

Тюрьма св. Бригиды.

Боже, какъ это было гадко!.. Такъ гадко, что, стиснувъ зубы, я чувствовалъ въ себѣ одно тоскующее, безсильное бѣшенство.

В. В. Шулгинъ.

Львовъ.

Миша не узналъ его... Это былъ сумасшедшій домъ... Все здѣсь смѣшалось, ничего разумнаго здѣсь не было. Въ сѣрой толпѣ героями рыскали военные, лавдштурмисты, жандармы и городовые. Жажущіе мести, они вмѣстѣ съ потерявшими гражданское чувство гражданами врывались въ сотни повязанныхъ русскихъ людей и били, били безъ пощады. Пройти одну львовскую улицу — вначало выдержать страшное наступленіе. И не всѣ выдерживали:

женщины рыдали и, умиляясь, падали подъ ноги, мальчики и дѣвочки неистово кричали, а мужчины сбивались въ кучи, въ которыя падали камни, палки, грязь... Счастливы уже тотъ, за кѣмъ захлопнулась тяжелая, черная, тюремная дверь. Другое дѣло, что тамъ при осмотрѣ обокрадутъ, нарочно поведутъ въ баню, гдѣ переминаятъ или сдерутъ платье, но тамъ нѣтъ толпы и лавдштурмистовъ. Тамъ испробованные мучители, но у нихъ приемы другіе.

Миша былъ помѣщенъ въ одной комнатѣ съ о. Григоріемъ. Когда захлопнулась тюремная дверь, онъ, стоя у порога, плюнулъ трижды. Съ подозрѣніемъ посмотрѣли на него находящіеся тутъ священники: Были случаи, что предатели находились въ комнатахъ... Свой своего боялся. Миша еще разъ плюнулъ.

— Тюрьма, то значитъ, кончено! — проивнесъ онъ; о. Григорій улыбнулся.

— Миша, что новаго? — спросилъ овъ.

— Побейте меня, о. Григорій, куда хотите, я на васъ не буду сердиться. Дуракъ я, о. Григорій! Нынѣ я могъ быть въ Кіевѣ, а я здѣсь. Два дня ни одного австрійца не было. Бѣжать было, нѣтъ не бѣжалъ: росы побоялся!..

Много читалъ Миша о тюремныхъ введеніяхъ, но все имъ впечатлѣнное въ памяти не соответствовало тому, что онъ увидѣлъ въ тюрьмѣ св. Бригиды. Онъ не могъ себѣ представить, какъ въ комнатахъ могли находиться отхожія, отъ которыхъ подымались паръ и смрадъ, какъ туча въ ненастный день. Сырость дѣлала этотъ паръ тяжелымъ, и лампочка висѣла, какъ далекая звѣздочка, и всю ночь вокругъ жолтаго свѣта стояло желто — синоватое кольцо, какое мы иногда видимъ вокругъ мѣсяца. Отъ скатаго воздуха высыхала во рту слюна, и отдыхать было весьма тяжело. Неуклюжія, широкія, обросшія мхомъ и грибами стѣны, говорили, что она принадлежитъ средневѣковію. Одно окно, правда большое, было лишь на то прорублено, чтобы арестантъ видѣлъ кусочекъ неба и еще сильнѣе мучился. Солнце въ комнату Миши вторгалось только посредственно, отражаясь отъ стеколъ почернѣвшей церкви, стоящей, какъ олицетвореніе унынія, въ серединѣ

кирпичныхъ и каменныхъ тюремныхъ стѣнъ. Желѣзныя прутья придавали окну видъ клѣтки, въ которую птичекъ-арестанту головы никогда не высунуть.

— А зачѣмъ ты, окаянный дуракъ, въ дырочку смотришь? — смѣясь, обратился къ часовому Миша. Раздался легкій хохотъ. Прибытые роковымъ несчастьемъ, жившіе въ тревожной невѣстности, ожидавшіе страшнаго суда, непривыкшіе къ тюремной жизни, многіе пали духомъ, ослабли, заболѣли... То же наблюдалось и въ комнатѣ Миши. Обращенія, слезныя письма не помогали, и страхъ росъ все болѣе и болѣе. Самое слово: тюрьма было ужаснымъ для людей, души которыхъ неспособны были на паденіе... Это слово для нихъ было убійственнымъ ударомъ и душевной пыткой. Въ пригнобленномъ состояніи духа раздражалось чувство. Для вихъ все было противно: рѣшетки, черная дверь съ двумя замками, желѣзныя койки, глухая лампочка, стукъ часового. На все сыпалось проклятіе. Отъ думокъ голова ходила, въ ушахъ шумѣло.

На улицахъ Львова кишмя кишѣло и кипѣло. Съ каждымъ днемъ становилось страшнѣе. Всѣмъ стало ясно, что Австрія отступаетъ; и всѣмъ стало ясно, что можетъ наступить за пораженіемъ страшная расправа. Толпы хлынули и хлынули. Росла тревога. Бѣженцы смѣшались съ войсками; тюрьма наполнилась отчаяніемъ. Стали вѣшать и это потрясло до глубины всѣ души вагнанныхъ въ тюрьму. Каждый сталъ думать свою тяжелую думу. Шопотомъ лилась молитва, ибо каждому казалось что вотъ-вотъ подъ дверью зазвонитъ колокольчикъ, откроется дверь, и его схватятъ и поведутъ въ уголъ за черныя ворота. Въ углу за черными во-

ротами стояло 3 столба съ большими крюками. Это были висѣлицы.

Наступившая ночь усилила страхъ еще въ большей мѣрѣ. Въ тюрьмѣ произошла суматоха, на улицахъ разивался одинъ гулъ. Все бѣжало. Около 11-ти часовъ, шепнувшись въ дырочку часовой: козакъ во Львовѣ!.. Миша передалъ извѣстiе прочимъ, и оно подействовало, какъ громъ изъ яснаго неба. Снапценники пали ва колѣни и стали исповѣдываться, говорить молитвы. Кто-то шепнулъ, что тюрьму взорвутъ,

и всѣ повѣрили въ это. Каждая минута становилась невыносимой.

Ровно въ полночь, однако, раздалось грозное австрiйское he!aus. Приказано выходить и становъ въ ряды... Легко сказать: становъ въ ряды. Но стать по требованiю австрiйскаго жандарма — стоило большихъ усилiй и мученiй, а иногда и жизни. Опять били въ животъ прикладами, по головѣ кулаками и штыками.

В. Р. Ваврикъ.

„Въ вдоворотъ“. Львовъ, 1926.

Первая жертва въ тюрьмѣ св. Бригиды

Ц. и К. военный комендантъ г. Львова объявляетъ: Фабричный отопникъ Иванъ Хѣль и поденный рабочий Семень Хѣль изъ села Попковцы бродскаго уѣзда за то, что сообщали разныя свѣдѣнiя русскимъ войскамъ, а крокъ того Семень Хѣль за то, что ввелъ нарочно въ заблужденiе австрiйскiй развѣдъ, такъ что этотъ развѣдъ попалъ въ засаду. — значить за совершение преступленiя противъ военной мощи государства, приговорены на основанiи § 327 военнаго уголовного закона военна-исполнѣмъ дивизионнымъ судомъ ландверы во Львовѣ къ смертной казни черезъ повѣшенiе. Приговоръ при вѣдѣнiи въ исполненiе 24-го августа 1914 г. во Львовѣ.

Изъ прик. военн. коменданта г. Львова.

Семень Хѣль, крѣпкiй и бодрый мужикъ, косилъ, какъ поденный рабочий, на дугу въ глубинѣ небольшой рощи траву. Солнце поднялось уже надъ рощей, и его косые дуги падали на загорѣлое лицо шагавшаго вдоль покоса косаря. Семень былъ бѣдный и вабитый селянинъ, всю жизнь прожившiй въ кругу своей семьи, въ предѣлахъ своего села. Онъ мало съ кѣмъ разговаривалъ, отъ своего жалкаго хозяйства почти не

отходилъ и остальнымъ широкимъ миромъ вовсе не интересовался. Былъ онъ къ тому же неграмотенъ и къ газетамъ даже не прикасался. А между тѣмъ въ мирѣ разразилась неслыханная война и возлѣ ближайшаго города Броды уже скопились австрiйскiя войска, готовясь отсюда начать свое хвастливое наступленiе въглубь русскаго государства, а Хѣль продолжалъ жить своею трудовой жизнью.

Было чудесное утро. На листьяхъ и на травѣ ослѣпительными алмазами сверкала роса. Въ тѣнистой гущинѣ дубовъ и въ кустахъ звонко щебетали и пѣли птички. Съ востока подувалъ тихiй теплый вѣтерокъ. Изрѣдка въ бездонной сиветѣ небесъ проносились бѣлосѣжныя облака. Хѣль продолжалъ мѣрно размахивать своей косою и глубоко вдыхалъ въ себя прiятные запахи лѣтнаго утра. Передъ новой полосой онъ остановился, чтобы передохнуть и поострить косу. Поднялъ голову и, къ своему крайнему изумленiю, въ концѣ поляны увидѣлъ двухъ вѣдковъ въ военной формѣ — съ желтыми вензелями на бркахъ и жупанахъ. Вѣдоки тоже остановились и пѣгiе, выхлеченные кони нетерпѣливо зафыркали и забили подъ ними о землю копытами.

— Что бы это значило? — сталъ соображать Семень, внимательно разсматривая понравившихся ему игривыхъ лошадей. Вдругъ онъ вдрогнулъ: надъ самой его головой прожужжала пули и въ глубинѣ лѣса двойнымъ эхомъ отдался ружейный выстрѣлъ.

— Неужели война? — холодомъ обдала Хѣля страшная мысль.

Точно по командѣ, всадники сорвались съ своихъ мѣстъ и вихремъ понесли къ нему.

— Поймали! Шпiонъ! — дико закричалъ по-мадьярски одинъ изъ гусаръ. Весь багровый отъ ярости, онъ вытащилъ изъ ноженъ блестящую саблю и ударилъ ею Хмѣля по головѣ. Тотъ слегка отшатнулся; соломенная его шляпа свалилась съ головы на землю, и сквозь сѣдья космы волосъ просочилась свѣжая кровь.

— Ага, русскiй шпiонъ! — завизжалъ другой гусаръ и, подѣхавъ къ Хѣлю, началъ бить его пашкой по

плечу. Хѣль совсѣмъ растерялся. Глава его заволокло слезами боли.

— За что вы на меня напали? Въ чемъ я передъ вами провинился? застоналъ онъ, рукавомъ рубахи стирая съ лица струйку крови, въ отвѣтъ Хѣлю гусары прыгнули съ своихъ лошадей, повалили беззащитнаго на землю и тяжелыми сапожищами стали бить его по головѣ. Черезъ мигъ все его лицо покрылось багровыми пятнами и кровью, одежда — прорвами, а зеленая трава вокругъ — клочьями волосъ. Хѣль лишился сознанiя.

На галицко русскомъ мужикѣ семь шкуръ. Не одно, а цѣлыхъ шесть столѣтiй невзгодъ и страданiй, вынесъ онъ на своихъ плечахъ. Знаетъ онъ, кто такiе австрiйцы, а въ минувшую мировую войну узналъ онъ, кто такiе и мадьярскiе гусары. О, это народъ горячiй, и русскихъ не щадить.

Когда Семень очнулся, гусары еще находились возлѣ него. Они приказали ему встать и слѣдовать за ними. Съ трудомъ поднялся онъ и направился, было, къ своей соломенной шляпѣ, но одинъ изъ гусаръ загородилъ ему дорогу и опять яростно заоралъ на него. Хмѣль понурилъ израненную голову и побрѣлъ за гусарами. Кровь на лицѣ и на рукахъ уже подсохла, но раны мучительно горѣли.

— Милые мои, — заговорилъ крестьянинъ къ гусарамъ, молитвенно сложивъ морщинистыя руки — но имя Христа отпустите меня домой. Тамъ у меня жена и дѣти. Они безъ меня пропадутъ.

Мадьяры разразились страшнымъ хохотомъ и пальцами обвели вокругъ своихъ шей. Въ смертельномъ ужасѣ замерло сердце Семена.

— Боже, неужели вистѣлица? — простоналъ онъ. Мысли спугались въ его головѣ. Онъ пробовалъ молиться и — не могъ.

Доставили Хѣля въ Броды, гдѣ все уже воинственно было настроено и водновалось. Тамъ онъ впервые почувствовалъ ясно свою слабость и беззащитность и передъ лицомъ грубаго насилия совершенно растерялся и палъ духомъ. Его передавали изъ рукъ въ руки и всюду осыпали грубой бранью, угрозами и побоями... До вечера его держали въ мѣстной тюрьмѣ, а ночью, вмѣстѣ съ другими мужиками, отправили въ Львовъ и бросили въ ужасную Бригидскую тюрьму. Эта тюрьма была мрачна и тѣсна и давила смрадомъ и гнилью. Хмѣль повалился на голыя доски желѣзной койки и судорожно зарыдалъ.

— Боже, за что такое безчестіе и такая неправда? Схватили и заперли здѣсь... И въ какое время? Когда дугъ еще не скошенъ, и жнива не убраны. А вдругъ откуда не выпустятъ живымъ — повѣсятъ?! Чго тогда ждетъ семью? — Она при мнѣ едва сводила концы съ концами, а безъ меня навѣрно разорится и пойдетъ по міру съ сумой.

Семень смертельно затосковалъ по своей семьѣ и родной хатѣ. Онъ какъ-то сразу осунулся, совсѣмъ поблѣднѣлъ и лишился сна.

Что было причиной его теперешнихъ бѣдъ? Только его русское имя!.. Къ такому убѣжденію Хмѣль пришелъ послѣ долгихъ тигостныхъ размышлений въ тюремномъ заключеніи.

Въ тюрьмѣ Хмѣль буквально переродился. Проснувшись стихійная любовь къ несчастному родному краю, къ своей русской вѣрѣ, къ своему многострадальному народу.

Иногда впадалъ онъ въ сладостное забытіе. Тогда чудился ему плескъ родного Стыра; точно на яву, велѣла передъ нимъ знакомая роща съ невыкошенной полянкой. А сверху, словно просиившееся дитя, ему улыбалось утреннее солнышко. Выплывали изъ свѣтлой дымки безконечно милыя лица всегда озабоченной жены и еще неокрѣпшихъ дѣтей. И слезы огненной тоски теплыми ручьями тогда текли по морщинистому и израненному лицу Семена, а могильную тишину тюрьмы тревожилъ стонъ: Боже милосердный! Неужели ихъ я больше не увижу?

Молніей неслись по Галицкой Руси, къ сѣдому престольному Львову, доблестныя русскія войска а всюду и всегда битые австрійцы изо всѣхъ силъ отъ нихъ убѣгали. Потерпѣвшимъ поражение нужны были оправданія своего позорнаго отступленія — и вся вина пала на русскихъ галичанъ. Военно-полевой судъ приступилъ къ дѣйствіямъ и первой жертвой въ тюрьмѣ св. Бригиды оказался Семень Хмѣль. Въ поданномъ мадыарскими гусарами рапортѣ онъ обвинялся въ томъ, что былъ пойманъ ими въ рощѣ и ввелъ ихъ въ заблужденіе.

Свѣтало. На улицахъ сѣдого Львова было еще безлюдно, но въ Бригидской тюрьмѣ уже закипѣла жизнь. Желѣзныя двери одиночной камеры съ вивгомъ распахнулись и въ камеру Семена пошелъ ксєндзъ подѣ охрапой профоса и двухъ капраловъ.

Отъ стука Хмѣль очнулся и при видѣ ксєндза слѣзъ со своей койки.

— Сынъ мой! — съ напускной грустью въ голосѣ и во взорѣ заговорилъ ксєндзъ. — По приговору военно-поленого суда тебѣ должны сейчасъ казнить и я поспѣшилъ къ тебѣ съ

послѣднимъ утѣшеніемъ. Не желаешь ли ты передъ смертью исповѣдаться?

Неловкимъ отъ неувѣренности движеніемъ ксєндзъ поднялъ надъ Хмѣлемъ крестъ...

Взглянуть Семень на ксєндза, потомъ на вооруженныхъ профоса и капраловъ и поблѣднѣлъ. Сердце словно оборвалось; по тѣлу пробѣжала ледяная дрожь. Не приснилось ли ему все это? Онъ провелъ рукой по головѣ и глазамъ и опять посмотрѣлъ на ксєндза.

— Я? На смерть? На какую? И за что? — переспросилъ онъ тихо.

Кивкомъ головы капралъ указалъ ему на ламповый крюкъ, а пальцемъ обвелъ вокругъ шеи.

— Смирись, покайся и прими Святое Причастіе, посоветовалъ ксєндзъ.

Но старикъ вдругъ выпрямился, подошелъ почти вплотную къ низенькому ксєндзу и твердо заговорилъ:

— Мою предсмертную исповѣдь выслушаетъ лишь одинъ Господь Богъ. А передъ тобою — слугой джи и насилія — колѣнъ я не преклоню.

Уныло прозвенѣлъ колокольчикъ; ксєндзъ удалился.

Съ нескрываемымъ удовольствіемъ капралы связали Хмѣлю руки и длиннымъ корридормъ вывели его во дворъ къ мусорному мѣсту. Тамъ на фонѣ розоваго неба уже чернѣла вистѣлица.

Взглянулъ Хѣль на желѣзный крюкъ и — согнулся, точно этимъ крюкомъ его ударили по затылку. Закружилась голова. Потемнѣло въ глазахъ. Судорожно вскинулъ голову вверхъ, чтобы еще разъ полюбоваться солнцемъ, но оно еще не вошло, а во дворъ тюрьмы никогда и не заглядывало. Въ послѣднюю минуту ему почудился надгробный плачъ жены. Онъ трижды истово перекрестился и сталъ покоренъ, какъ ребенокъ.

Палачъ приказалъ ему взойти на стулъ и накинулъ ему на загорѣлую морщинистую шею петлю.

Несмотря на ранній часъ, у тюремныхъ воротъ собралось много австрійскихъ офицеровъ и городской шляхты, желавшихъ насладиться казнью перваго русскаго „шпіона“...

Загорѣлось сердце у Семена и изъ всѣхъ силъ онъ имъ крикнулъ:

— Эй, вы палачи! Думали смертью запугать русскаго человѣка?.. Знайте же, что сейчасъ не такъ мнѣ жаль жены и дѣтей, какъ жаль того, что почти всю жизнь я прожилъ слѣпымъ и не зналъ, гдѣ правда. А теперь знаю, что ея здѣсь нѣтъ и не было, но уже скоро будетъ.

Палачъ поспѣшилъ выбить изъ-подъ его ногъ стулъ. Хѣль повисъ въ воздухѣ, закричѣлъ и затрепыхался.

В. Р. Ваврака.

В и н о в н а я.

(Изъ газ. „Новое Время“).

Чистая сердцемъ, простая обычаемъ, нотою строилась святая Русь. То — небогатая, подчасъ голодная, сильная множественъ, слабая не порядкомъ и тем-

нотомъ строилась святая Русь. То — небогатая, подчасъ голодная, сильная множественъ, слабая не порядкомъ и тем-

и намъ вѣдѣть. Но если многое свое она упустила, если порой робко сторонилась передъ самодовольнымъ хозяйничаньемъ блестящихъ западныхъ господъ, одного она никогда не могла вынести: плача и стоновъ, долетавшихъ до нея изъ далекой чужбины. Сколько разъ ополчалась она, чтобы выручать своихъ и отъ злого татарина, и отъ вѣтра башибузука, и отъ закованного въ желѣзо нѣмца. Вся русская лѣтопись, отъ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ дней, не является ли сплошною повѣстью неволи и мученій, сплошнымъ и кровавымъ усилениемъ освобожденія?

Послѣднихъ своихъ дѣтей, въ конецъ замученныхъ и обезсилѣвшихъ, святая Русь освобождаетъ. Она очистила ихъ земли, но дальше, въ предѣлахъ огненной полосы, еще томятся по тюрьмамъ, еще стонутъ въ оковахъ тысячи русскихъ галичанъ.

Она очистила ихъ земли: на крики распинаемыхъ, битыхъ, сожженныхъ, на вопли сиротъ задушенныхъ и прирѣзанныхъ, она устремилась непобѣдимымъ порывомъ съ раго нойска и ворвалась съ винтовкою въ рукахъ, въ изодранной, запыленной одеждѣ, она только что разбила прикладомъ зеркальное окно великолѣпныхъ палатъ западной культуры, вскопчила въ это окно и ступила тяжелымъ сапогомъ на мягкій, роскошный коверъ...

И вотъ она озирается, застѣнчиво и виновато улыбаясь.

Она какъ будто не можетъ понять, что эти роскошные палаты созданы несправедливостью и рабскимъ трудомъ обобранныхъ и подневольныхъ ея сыновъ. Ей совѣстно помнить причудливые цвѣтники, выросшие на дѣдовской землѣ чужими насильниками, проглавшими съ родного поля голоднаго

хозяина и его ребятишекъ. Цвѣтники такъ красивы, и среди нихъ гуляетъ такой важный баринъ.

Растерянно глядитъ бѣдная, торжествующая виновница, — крестьянская Русь, робко замираетъ у нея на устахъ вопросъ: „гдѣ же вы, мои сыны?“ А сыны ея тутъ: это карпатскій пастиухъ съ холщевымъ мѣшкомъ за спиной, а въ мѣшкѣ хлѣбъ, да кусокъ овечьего сыра, это — приниженный, бѣдный хлопъ, не знающій какому пану ему теперь нужно руку цѣловать, это въ голосъ ренущій поповы дѣти, подобранные казаками въ лѣсу, куда они „втѣкли“ послѣ того, какъ мать ихъ заколола штыками „жолнеры“, а отца увели куда то въ кандалахъ по приказанію блестящаго князя церкви, униатскаго митрополита графа Андрея Шептицаго.

— Ахъ вы бѣдные... всѣ ли вы тутъ? —

Нѣтъ, не всѣ; нотъ идутъ еще стройными рядами, смѣлые, довольные, со знаменами. Говорятъ: жилось намъ хорошо и тебѣ мы не внали. Чуръ, близко не подходи и насъ не трогай, да съ родствомъ своимъ не больно приставай, — не такъ ужъ лестно.

— Да кто же вы такіе?

— Вотъ, что обовначено на нашихъ стягахъ, а что на знамени, то и на сердцѣ: видишь полотнище австрійскихъ цвѣтовъ и на немъ портретъ Мазепы. Что ты отвергла, тому мы молимся; что проклинаешь, то мы чтимъ. Не сыны мы тебѣ и ты намъ не мать.

И еще виже клонится голова снятой, крестьянской Руси, и еще смущеннѣе ея добрая, страдающая улыбка... Что дѣлать? Какъ быть?

На выручку является господская, ученая Русь. Она все знаетъ, все читала, все порѣшила, вскую бѣду ру-

ками развела и распоряжаться мастерица. Вотъ она и учитъ: первѣе всего помни, что ты — дура, сапогами по коврамъ не слѣди и со своими хлопами да пастиухами не лѣзь. Хлопы къ нищѣ привыкли, потерпятъ еще; бѣды не будетъ. Главное — помни, что на насъ смотритъ Европа, а нѣмцы въ тысячу глазъ глядятъ, все ждуть, на чемъ мы проштрафимся.

Такія поученія несутся изъ Кіева, Москвы и Петрограда, гдѣ суетятся печальники „несчастныхъ украинцевъ“ и попечители „культурныхъ“ нѣмцевъ. Они охаютъ, какъ бы святая Русь не слѣдала неудобнаго шага, какъ бы не проявила усердія къ своей православной вѣрѣ. Они въ ужасѣ шипятъ: на-

чнутся безтактности, возня съ православіемъ, что о насъ будутъ думать вельможные прелаты, аристократическіе, нарядные враги?

Нѣтъ: бѣдная, чистая сердцемъ, святая страдальца Русь, — не виновна ты ни въ чемъ и можешь съ нысока поднятымъ челомъ нступитъ нъ завоеванныхъ богатыхъ палаты. Стѣны ихъ тысячу разъ оплачены безцѣнною кровью родныхъ страдальцевъ и нѣтъ въ нихъ мѣста для насильниковъ и предателей. Онѣ не огласятся воплями вѣрскаго торжества, но звуки своей древней пламенной молитвы пусть громко наполняютъ эти стѣны величественной, торжественной хвалой.

А. А. Столыпинъ.

Въ униатской церквѣ.

Величественное, мрачное, обвѣянное дымкой средневѣковья зданіе Станиславскаго Успенскаго Собора съ первыхъ же дней моего пріѣзда въ Львовъ очаровало меня своей своеобразной красотой.

Захотѣлось пріоткрыть окованную желѣзомъ дверь и проникнуть внутрь этихъ мглисто-сѣрыхъ, массивныхъ стѣнъ, напоминающихъ каменные громады старинныхъ замковъ.

Когда мнѣ сказали, что „то есть русская церковь“, то я не повѣрилъ, — настолько мрачная красота этого зданія была чужда моему представленію о нашихъ жизнерадостныхъ православныхъ храмахъ.

Выкрашенные въ свѣтлую краску — розовую, голубую, желтую или ярко бѣлую, съ золотыми, всегда сіяющими куполами и крестами, съ огромными окнами, просторны, оглашаемые пере-

лиазами созвучіями звонкихъ колоколовъ, — наши русскія церкви уже своимъ наружнымъ видомъ судятъ каждому входящему въ нихъ столько свѣта и тепла, столько успокаивающаго, бодрящаго уюта, что утихаютъ страданія, безмятежный покой охватываетъ душу, простая, свѣтлая и радостная вѣра тѣснитъ сердце, когда молишься подъ ихъ круглыми сводами.

Такъ ясно становится на душѣ, разрѣшаются всѣ сомнѣнія, находятся простые, убѣдительные отвѣты на мучительные, проклятые вопросы, раскрываются всѣ тайны...

А эта сѣро-зеленая башня, какъ гранитный надмогильникъ, мрачнымъ силуэтомъ вырѣзается на туманномъ осеннемъ небѣ. И чудится, будто подъ ней въ старинномъ склепѣ, погребена какая то страшная, горестная тайна...

Внутри холодно и мрачно.

Тренога и печаль видна на скорбныхъ лицахъ молящихся.

Судорожно вдрагинаетъ и колеблется пламя массивныхъ свѣчей по бокамъ маленькаго иконостаса предъ двумя огромными иконами.

Строго глядятъ лики снятыхъ на стѣнныхъ фрескахъ западнаго письма.

Мы зашли на пѣніе въ церковь, — священника не было, служили сами солдаты. Было Рождество Богородицы. Пѣли часы и тропари. Церковь старинная съ удивительной колокольней и оградой вивантийскаго стиля, крытой гонтомъ, обсаженной елями. Въ этой археологической прелести — щели въ палецъ, но въ ней — масса интереснѣйшихъ старинныхъ памятниковъ церковнаго искусства.

Никогда, кажется, я не испытывалъ такого религіознаго чувства и умиленія, какъ на этомъ солдатскомъ богослуженіи. Былъ сначала благовѣстъ. Сошлись и крестьяне. Тутъ все старики, семейные хозяева. Церковка биткомъ набита солдатами. Они поютъ и молятся. Горитъ и мерцаетъ масса свѣчей. Выходить впередъ вапасный, рыжий и грубый обованный, онъ падаетъ на колѣни и умиленно, безпредметно молится; а хоръ мужиковъ стройный, прочунствованный поетъ, хватая за живое:

— „На тя Господи уповахомъ, научи мя оправданіемъ Твоимъ“...

И голоса пропитаны слезами; лица хотябы старшаго кузнеца — унтеръ-офицера съ тремя полосками — спокойнаго силача, — орошены умиленными слезами. Вотъ по его мужественному лицу покажется слезинка.

И снова возникаетъ тревожная мысль, что эти холодныя, тяжелыя плиты хранятъ какую то мразную тайну — память объ ужасахъ средневѣковья, объ упорной борьбѣ за родную, старую вѣру и о мучительныхъ насиліяхъ надъ героями-борцами...

— „Яко же согрѣшихъ предъ Тобой“...

Но вотъ, торжественное вѣрой и упоеніемъ звучитъ: „Во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ“...

Тропарь Богородицы на Рождество Ея звучитъ уже бодро: „Яко Спаса родила еси душѣ нашихъ“. Припѣвъ къ ектеніи „Помилуй мя, Боже, помилуй мя“ пѣли на разные лады, дружно и трогательно. Слезы катились изъ глазъ, въ груди щемило, въ горлѣ щекотало и я поспѣшилъ на почту, на ждавшую насъ „вольную“ подводу одного изъ мѣстныхъ мужиковъ, присоединенныхъ къ обозу.

Почти понсемѣстно остался галицко-русскій народъ безъ своихъ священниковъ, увезенныхъ австрійцами, между тѣмъ какъ священники македонскаго толка оставили большей частью свою паству на произволъ судьбы и бѣжали вслѣдъ за австрійцами.

И вотъ въ горячихъ молитвахъ, хотя и безъ священниковъ, но при повышенномъ религіозномъ настроеніи, находитъ народъ душевное утѣшеніе, причемъ закрѣпляется въ его душѣ сознаніе народнаго и религіознаго единства съ освободителями солдатами въ гармоніи общихъ молитвъ.

(Изъ газ. „Кіевская Мысль“).

Сироты.

Сиротой росъ галицко-русскій народъ подъ скипетромъ деспотической мачехи Австріи. Нелюбимый пасынокъ въ чужой семьѣ, обреченъ былъ на мучительные упреки за каждый съѣденный кусокъ хлѣба.

Отвергнутый, презираемый, онъ, озлобленный, замыкается въ себя и въ мечтахъ, затаенныхъ въ самой глубинѣ сердца, лепчетъ свои надежды на свѣтлое, безмятежное счастье.

Пусть тяжелая, полная страданій безотрадная дѣйствительность продолжаетъ окружать обездоленнаго ребенка, идеальныи миръ радужной мечты крѣпнеть и ширится въ его душѣ. И настаетъ время, когда мечта сливается съ дѣйствительностью; когда и въ жизни сироты блистаетъ, наконецъ, переливаясь яркими цвѣтами, радужное, солнечное счастье. Неизвѣданная доселѣ ласка и чистая любовь пробуждаетъ сироту къ новой жизни, и радостное сознаніе пробужденія, вытѣсняетъ изъ его истер-

занной души воспоминаніе о комшарномъ снѣ.

Сиротой выросъ галицко-русскій народъ, пасынкомъ былъ онъ въ австро-венгерской семьѣ народовъ. Но въ нѣдрахъ народнаго сознанія въ Карпатской Руси таилась нѣжная мечта, перешедшая затѣмъ въ твердую вѣру, что расцвѣтетъ на опустошенной галицкой землѣ цвѣтокъ счастья, что суждено сирой Галичинѣ узнать материнскую ласку...

Мачеха и ея сынки, прощаясь съ сиротой Галичиной, ярко проявила свое отношеніе къ ней — безжалостно разрушили галицкіе города и деревни, осквернили храмы, полонили отцовъ и дѣтей, обезчестили женщинъ и ушли, оставивъ въ разоренной странѣ однихъ дѣтей — беззащитныхъ сиротъ, лишенныхъ крова и семьи.

А. Кисловскій.

„Прик. Р.“ 1914, № 1471.

Памяти замученныхъ.

(Сокальскій уѣздъ).

1 іюня 1923 г. состоялся переносъ тѣлѣнныхъ останковъ крестьянъ села Ульвовокъ и Конотопъ, Сокальскаго у., изъ села Хороброва на кладбище въ Ульвовкѣ. Это — жертвы австрійскаго террора 1915 г.

Въ прибужанской долинѣ, въ Сокальскомъ уѣздѣ густо раскинулось рядъ селеній, заселенныхъ русскимъ населеніемъ. Названія селъ указываютъ на ихъ старое происхожденіе, сягающее княжескаго періода, а историческія хро-

ники упоминаютъ о нихъ впервые въ лѣтахъ 1400. О русскомъ происхожденіи населенія въ упомянутыхъ селахъ свидѣлствуетъ также мѣстный волинскій гоноръ, сохранившійся тутъ по нынѣшній день. Населеніе твердо сохраняло свою русскость и жило всегда лучшимъ будущимъ. Русскія войска заняли въ 1914 году окрестность безъ боя.

Но судилось иначе. Наступилъ 1915 годъ, русская армія отступила,

вернулись австрийцы. Въ каждомъ селѣ десятками арестовывали молодыхъ и старыхъ у кого лишь нашли хотябы кусокъ русскаго письма. Арестованныхъ отставляли въ село Хоробровъ, отдаленное на двѣ мили. Тамъ находилась штабъ-квартира командира армейской части.

Въ с. Ульвовкѣ были арестованы исадомщикъ Саганскій — разстрѣленный въ Сокалѣ, а кромѣ него Іоакимъ Сачокъ, Василій Криштофъ и Ілья Кузьма, а въ Конотопахъ Даниилъ Головка. Арестованные были отправлены въ Хоробровъ. Военный судья не нашелъ ихъ виновными. Тогда дивизионный командиръ заявилъ, что для устрашенія необходимо разстрѣлять нѣсколько человекъ.

Судьба хотѣла, что карандашъ въ рукѣ генерала подчеркнул фамиліи Сачока. Криштофа, Кузьмы и Головки. Мучениковъ привязано къ деревьямъ и разстрѣлено.

По долгихъ мытарствахъ семьи разстрѣленныхъ получили разрѣшеніе перевезти ихъ въ родное село. Для похоронъ былъ вызванъ крестьяниномъ изъ Русско-Равскаго уѣзда бывшій та-дерговецъ свящ. Пант. Скоморовичъ. Характерно, что Ульвовскій настоятель прихода украинофиль Карпикъ несмотря на просьбы свящ. Скоморовича не разрѣшилъ внести гробъ съ тѣльными останками въ церковь.

„Русскій Голосъ“ 1923 г.

Могила надъ Бугомъ.

Кто прочитаетъ этотъ разсказъ, пусть вмѣстѣ со мной заплачетъ на могилѣ замученнаго Петра Сологуба, ибо тогда, какъ хоронили его — никто не плакалъ надъ его гробомъ, лишь овѣтрѣвшіе нѣмецкіе солдаты, зарывая еще теплое тѣло убитаго, гонорили, сжимая кулаки: „ферфлюхтеръ гундъ!“

Произошло это 27-го іюля 1915 г. Село Добротворъ на Бугѣ лежало между двухъ позицій. Съ одной стороны стояли австрийцы, съ другой — русскіе. Часть добротворцевъ бросила село: одни пошли съ русскими, другіе отдалились за австрийскую боевую линію. Тѣ, которымъ жаль было оставлять свое хозяйство, остались дома, прячась въ ямахъ и погребахъ. Но Добротворъ шныряли русскіе и австрийскіе развѣд-

чики. раздавались выстрѣлы, падали мертвые люди, а ихъ трупы лежали подъ голымъ небомъ, ибо нельзя было ихъ похоронить. Чернѣли они на солнцѣ, разлагались, наполняя цѣлое село невыносимой вонью, отъ которой невозможно было дышать. Тѣ изъ штатскихъ жителей Добротвора, которымъ жизнь въ селѣ стала невыносимой, перекрадывались ночью несжатой рожью, захватывая съ собой часть имущества, и прятались въ лѣсахъ, или искали себѣ пристанища среди родственниковъ и знакомыхъ въ Рогаяхъ, Химкахъ и Константовкѣ.

Я былъ тогда переводчикомъ русскаго языка при штабѣ первой бригады всеобщаго ополченія и потому черезъ мои руки переходили всѣ тѣ несчастные бѣженцы, которымъ я долженъ былъ

подыскивать квартиры; эту задачу я исполнялъ съ нелицайшимъ удовольствіемъ, а моя душа сіяла невысказанной радостью, когда мнѣ приходилось этимъ несчастнымъ жертвамъ жестокой войны осушить горькую слезу или дать какой-либо совѣтъ.

Приходилось часто не спать не одну ночь, цѣлыми днями бродить по лѣсамъ и полямъ, была ли тогда погода или ненастье, въ голодѣ и холодѣ, однако я чувствовалъ себя счастливымъ, когда не одна женщина и не одинъ старикъ съ главами, полными слезъ, благодарили меня, если удавалось кому нибудь изъ нихъ спасти передъ реквизиціей корову, или нырвать изъ рукъ патруля того или иного мужика.

Случалось, что не одну жертву удавалось мнѣ вырвать съ подъ вѣстницы, доказывая передъ судомъ, что приговоренный къ смерти, и не измѣнникъ, и не шпионъ. Но все же въ одномъ случаѣ, именно въ томъ, который здѣсь хочу разсказать, я не могъ сдѣлать ничего, моя помощь оказалась опоздавшей.

Повиненъ въ томъ мой голодъ. Уже нѣсколько дней мы не видѣли хлѣба. Намъ варили какую то траву, которой я никакъ не могъ ѣсть, а питался лишь овоцами, которыхъ было вдоволь въ опущенныхъ селлахъ.

Того дня, когда погибъ ни въ чемъ неповинный мужикъ съ Добротвора Петръ Сологубъ, раннимъ утромъ извѣнилъ я свое желаніе отвести нѣсколькихъ штатскихъ людей въ село, расположенное вблизи позицій, куда штатскимъ людямъ можно было идти лишь въ сопровожденіи военныхъ. Я думалъ отвести людей и одновременно сходить въ Константиовку и купить тамъ для себя хлѣба. Такъ и сдѣлать. Запасся про-

визіей на дня два и возвращаюсь въ приселокъ Рогали, гдѣ стояла моя бригада. Не успѣвъ я еще раздѣться, какъ вбѣжалъ ко мнѣ „капралъ отъ дня“ и кричить по нѣмецки: „Сейчасъ въ судъ, читать смертный приговоръ!“

Мое сердце что-то сжалось; бѣгу.. Въ комнатѣ, гдѣ былъ судъ, сидятъ нашъ майоръ-авдиторъ Лянгеръ, два незнакомыхъ офицера и нашъ такъ называемый „плицкомендантъ“ оберъ-лейтенантъ Людвигъ (изъ Вѣны). Майоръ, протягивая мнѣ листъ бумаги, замѣтилъ:

„Куда вы ходите, насъ искали, а потому что васъ не было — замѣпалъ насъ г. оберъ-лейтенантъ N. N. (здѣсь называлъ майоръ фамилію, которой я все таки не помню) какъ переводчикъ русскаго языка. Вотъ здѣсь имѣемъ шпиона (онъ указалъ мнѣ на мужика, который стоялъ передъ столомъ съ связанными руками) котораго мы присудили къ смерти. Прочитайте приговоръ!“

Дрожащей рукою взявъ я бумагу и читаю:

„Въ имени его величества кесаря... признается Петръ Сологубъ, ховяинъ съ Добротвора, виновнымъ въ пополненіи преступленія, какъ шпионъ, свершеннаго дня такого то тѣмъ, что, оставаясь въ Добротворѣ, выслѣживалъ австрийскія позиціи и ночью сообщалъ неприятелю при помощи огня, послѣ чего всегда наступалъ усиленный неприятельскій огонь на наши позиціи и т. д. — посему на основаніи такого то параграфа приговаривается названнаго къ смерти черезъ разстрѣлъ.“

Дочитать я слабымъ голосомъ до конца и смотрю — Петръ Сологубъ блѣдный все равно, что стѣна, связанныя крестообразно руки опустить къ низу, потомъ сложить ихъ продѣ того

какъ на молитву, поднесъ въ верхъ и сталъ говорить сквозь слезы:

„Господа, мнѣ все равно, буду я жить или нѣтъ, но васъ будетъ судить Богъ за то, что вы отнимаете мужа женѣ и отца дѣтямъ. Я не могу оправдываться потому, что васъ не понимаю, а вы не понимаете меня. Но вижу среди васъ одного человѣка, который мой языкъ понимаетъ (здѣсь Сологубъ указалъ на меня) и я ему расскажу что я сдѣлалъ и за что меня схватили“...

„Некогда разговаривать! — перебилъ майоръ-авдиторъ — вы слышали присудъ, который сейчасъ будетъ исполненъ, скажите, хотите ли еще видѣться съ женой и дочерью, которыя стоятъ здѣсь на дворѣ?“

Петръ Сологубъ поблѣднѣлъ еще больше и смолкъ.

Судьи вышли. Тогда приговоренный къ смерти обратился ко мнѣ съ молящимъ взглядомъ, а я, не зная еще въ чемъ дѣло, спрашиваю:

„Что съ вами случилось?“

„Я сидѣлъ въ ямѣ уже двѣ недѣли. Днемъ сидѣлъ, ибо запрещено было показываться, а ночью выходилъ на гумно посматрѣть въ конюшню или сарай, ибо нужно было и коровѣ дать корму и, извините за выраженіе, къ поросенку заглянуть. Этой ночи я вышелъ съ ямы, чтобы, какъ обыкновенно, взглянуть на скотинку, темно было, и споткнулся на какой то предметъ, продѣ снѣгаго человѣка, зажегъ спичку смотрю — мертвый солдатъ лежитъ на моемъ подворьѣ. Возвращаясь, хочу женѣ объ этомъ рассказать, когда въ ту же минуту вбѣжали два венгерскихъ солдата и меня отняли“.

Я тѣмъ временемъ усиленно бѣгло просмотрѣлъ актъ, списанный съ при-

говореннаго, гдѣ было написано, что онъ подавалъ огненные знаки непріятелю, ходилъ ночью между трупами и обыскивалъ у нихъ карманы. Такія показанія далъ подъ присягой одинъ венгерскій „цугсфиреръ“.

Повторяю это приговоренному, а онъ рѣшительно опровергаетъ это, говоря:

„Когда бы я грабилъ убитыхъ, тогда бы имѣлъ при себѣ деньги, либо въ томъ мѣстѣ, гдѣ живу. Что же касается огненныхъ знаковъ, которыми я якобы сообщалъ русскимъ войскамъ, чтобы они стрѣляли въ венгерцевъ, которые стояли возлѣ моего хозяйства въ окопахъ, то тѣмъ самимъ привлекалъ бы ихъ огонь на свое хозяйство, на свою жену и дѣтей, на свою скотинку, которую я такъ отъ огня хранилъ“.

Тѣмъ временемъ кто то увѣдомилъ жену Сологуба, что его присудили къ смерти. Она вбѣжала съ отчаяннымъ крикомъ, припала къ его колѣнямъ и, вкрывая поцѣлуями его связанные руки, кричала:

„И за что? За что? За что берете его, палачи“.

За нею вбѣжала дочь приговореннаго и обѣ обняли его за шею, впились губами въ его перестрашенное, смертно-блѣдное лицо...

Эта картина длилась можетъ быть полъ минуты, а мнѣ казалось, что она тянется цѣлые годы, такъ тяжело мнѣ было смотрѣть на мученія этихъ троихъ человѣкъ...

„Я сама не ѣла, все, что имѣла — стрипала и выносила тайкомъ нашимъ солдатамъ въ окопы, кормила ихъ, потому что были голодные, потому что „наши“, а нѣтъ враговъ себѣ выкормила, — они отъ меня собственную жизнь отбираютъ“, такъ приговаривала жена Сологуба, валамывая руки.

Пришло распоряженіе забрать приговореннаго и убрать женщинъ, чтобы не видѣли, что будетъ съ ихъ отцомъ и мужемъ.

Ихъ отрываютъ; одинъ тянетъ дочь, которая оплела свои бѣлыя руки вокругъ шеи отца, другой пробуетъ сдвинуть жену, которая обняла приговореннаго ноги, ваяясь по землѣ и заливаясь горькими слезами.

„Берите и меня съ нимъ!.. Куда же я пойду безъ него, что я на свѣгѣ предприму безъ мужа? — продолжала выть жена Сологуба.“

Пришло четырехъ солдатъ съ винтовками, двоихъ съ лопатами, плацкомендантъ выдаетъ какіе то распоряженія... Вездѣ нервничанье, бѣготня, ибо предстоитъ разстрѣлять шпіона!

Я какъ пришибленный стою возлѣ избы, гдѣ состоялся судъ. Жену и дочь отвели въ сторону обоза, откуда все еще неслись ихъ стоны и душу раздражающій крикъ. Приговоренный стоялъ на улицѣ съ обнаженной головой. Четыре солдата съ наезженными штыками стерегли его. „Плацкомендантъ“ замѣтилъ меня и говоритъ:

„Ахъ, должны разстрѣлять шпіона; съ истиннымъ удовольствіемъ самъ скомандую: пли! Ибо подобнымъ людямъ это единственное возмездіе: пули въ лобъ и кончено!“

„Развѣ это должно произойти сейчасъ? — спросилъ я, набравшись храбрости (да, нужно сказать — тогда я былъ уже „ефрейторомъ“, а всѣмъ извѣстно, что значить въ австрійской арміи обыкновенный солдатъ въ сравненіи съ офицеромъ), — можетъ быть... я не знаю... потребовать больше свидѣтелей, потому что лишь одинъ свидѣтель уличилъ Сологуба... А это можетъ быть мало, мужикъ говоритъ въ свое оправ-

даніе такъ, что я побоялся бы бросить даже тѣнь подозрѣнія въ томъ, что онъ шпіонъ.“

„Молчать!.. Какъ вы смѣете что либо подобное говорить — загремѣлъ на меня „оберъ-лейтенантъ“, — не то — пойдете туда, куда-нѣ хотѣте пойдете!“

Все пропало, подумалъ я. Попадется несчастная жертва въ руки такихъ людей, которымъ смерть челонѣка открываетъ дверь къ авансамъ, карьерѣ, крестамъ. Поэтому, стоитъ ли останавливаться передъ тѣмъ, пустить или нѣтъ пулю въ лобъ русскому мужику? Что сегодня стоитъ одна человѣческая жизнь? Потому то такъ поспѣшно приговорили къ смертной казни Сологуба и уже ведутъ его за село, гдѣ передъ нимъ должна открыться черная могила, въ которой уже никогда ему не засвѣтитъ красное солнышко.

Послѣ моей неудачи съ „плацкомендантомъ“ выбѣжалъ я за село, въ противоположномъ направленіи отъ мѣста казни Сологуба, чтобы возможно дальше быть отъ убійцы, отъ мѣста убійства...

Иду, вдругъ вижу изъ лѣса выбѣгаетъ адъютантъ нашего бригадира, оберъ-лейтенантъ Г, полякъ, однако человѣкъ хорошій. Онъ въ судѣ всегда стоялъ по сторонѣ нашихъ гонимыхъ крестьянъ и имѣлъ на своихъ товарищей-офицеровъ такое громадное вліяніе, что при нашей бригадѣ весьма въ рѣдкихъ случаяхъ приговаривали къ смертной казни.

Подбѣгаю къ нему и съ полнымъ довѣріемъ говорю:

„Въ сію минуту имѣютъ разстрѣлять одного человѣка изъ Добротнора; и снято убѣжденъ въ его невинности, спасайте его!“

„Какъ такъ? — спрашиваетъ. „Судъ уже состоялся?“

„Нѣтъ! — говорятъ, что „шпіона“ можно разстрѣлять безъ суда, stante pede.“

„Идите со мной! — сказалъ адъютантъ, и въ ту же минуту мы очутились возлѣ квартиры генерала...“

Адъютантъ разговаривалъ съ генераломъ не долго. Выбѣжалъ и говорить ко мнѣ: „Бѣгите и скажите „плац-коменданту“, чтобы воздержался отъ исполненія приговора и немедленно предложилъ акты Сологуба для пересмотра!“

Я какъ сумасшедшій выбѣжалъ на улицу и побѣжалъ въ ту сторону, куда можетъ быть пять минутъ назадъ повели Сологуба. Вижу вдали возлѣ дѣса толпу солдатъ и кричу что есть мочи: „Обождите!“

Оглянулись. Выбѣгаетъ напередъ офицеръ и спрашиваетъ:

„Васъ исть?“

Повторяю приказъ адъютанта.

„Опоздали!“ — проговорилъ офицеръ.

Подхожу ближе къ толпѣ солдатъ. Передъ моими глазами свѣжая могила. Всѣ говорятъ, что закопали „шпіона“ и „измѣнника“...

Одинъ солдатъ, чехъ, изъ группы тѣхъ, которые копали могилу, рассказываетъ мнѣ: „Приговоренный шелъ на смерть хладнокровно. Лишь тогда, когда ему завязывали глаза, ужалъ на коѣнни и зарыдалъ. Въ тотъ моментъ раздалось четыре выстрѣла и тотъ перешелъ, который въ послѣднюю минуту овладѣлъ приговореннымъ, замеръ на его устахъ вмѣстѣ съ его жизнью“

Петръ Сологубъ — это одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ мучениковъ-кристианъ, павшихъ жертвой міровой бури, которыхъ единственнымъ преступленіемъ было то, что родились на русской землѣ и носили русское имя.

Вечеромъ того же дня я встрѣтилъ еще разъ жену и дочь убитого, которые ничего еще не знали о смерти ихъ отца, и я не имѣлъ смѣлости объ этомъ имъ сказать. На видъ были даже спокойнѣе, чѣмъ утромъ и дочь бояливо подошла ко мнѣ и застенчиво говоритъ:

„Правда, что моего отца не разстрѣляютъ? Потому что рассказывали люди, которые только что пришли изъ Добротнора, что они, тѣ господа, лишь такъ пугаютъ насъ, чтобы мы не болтались возлѣ позицій“...

И лучъ надежды засіялъ на ея лицѣ легкою улыбкой, и я тоже улыбнулся и говорю:

„Не беспокойтесь, не разстрѣляютъ, нѣтъ причины... Вы и не оглянетесь, какъ отецъ къ вамъ возвратится“...

Развѣ я могъ сказать ей чистую правду, когда мнѣ казалось, что эта правда могла убить ее?! Пусть лучше живетъ въ надеждѣ, что отецъ возвратится, а тѣмъ временемъ пусть еще больше насмотрится на бѣдствія міровой бури, пусть ея молодое сердце привыкаетъ къ трупамъ и крови, пусть убѣдится, что для насъ „кругомъ неправда и позвола“, а послѣ, со временемъ, можетъ быть ея испытанное сердце легче перенесетъ этотъ ударъ, когда послѣ войны случайно встрѣтитъ надъ Западнымъ Бугомъ среди зеленыхъ луговъ могилу, въ которой спитъ ея несчастный отецъ.

Могилу же отца она встрѣтитъ легко. Потому что, когда я видѣлъ, какъ вѣнцы, загребая убитого, сжимали кулаки и звѣрски втаптывали землю на могилѣ, проклинала: „so ein verfluchter Hund“, — я, зная, что по убитомъ можетъ и слѣдъ пропасть, напелъ въ нашей рабочей ротѣ стояра,

упросилъ его смастерить деревяннѣй крестъ и помѣстить на дощечкѣ день смерти и имя убитого.

На опушкѣ дѣса, недалеко отъ приселка Химки, стоитъ эта могила,

скрываая нениннуу жертву нѣмецко-негерскаго звѣрства. Эта жертва была не первой и не послѣдней.

Гр. Ганулякъ.

Надъ Западнымъ Бугомъ въ 1915 г.

З а ч т о ?

Кульпарковъ это такое захолустье возлѣ Львова. Скверныя квартиры, скверная дѣда, гдѣ то вдали безустанно грохочутъ пушки. Вечеромъ, когда ложись на солому спать, замыкаешь глаза съ молитвой:

„Святый Боже, пошли насъ завтра въ бой!“

Пять часовъ утра. Поднимается надъ холмами красное солнце. Тамъ впереди, на востокѣ, работаютъ снова. Тамъ гремитъ и шумитъ, какъ вчера вечеромъ.

Летитъ на лошади полковой адъютантъ. У него весьма служебный видъ... „Herr Oberleutenant! — во главѣ съ полъ эскадромъ обыскать окрестные села! Здѣсь ронитъ отъ шпіоновъ! Всѣхъ подозрительныхъ арестовать!“

„Servus!“ — і поѣхалъ дальше.

Черезъ десять минутъ я выбѣжаю съ моими людьми въ свѣжее, ясное утро ловить шпіоновъ — фи, къ чергу! Но это все таки работа! Можетъ быть сотня казаковъ встрѣтится намъ по дорогѣ?

Поршна — это моя первая оставка. беру съ собою „постенфирера“ и неожиданно входимъ въ домъ свинченника. Тотъ совсѣмъ не напуганъ и даже очень любезенъ.

„Можетъ быть пожалеете, гнѣ оберъ-лейтенантъ, стакачикъ вина? Можетъ быть кой-что закусите? Вѣдь

сно послѣ ранней ѣзды таки порядкомъ ѣсть хочется!“

Видъ у него таковъ, какъ будто-бы онъ хотѣлъ благословлять меня и моихъ людей. Неужели онъ могъ бы быть шпіономъ. Этотъ спокойный, любезный человекъ? Съ вопросительнымъ взглядомъ обращаюсь къ жандарму, который стоитъ возлѣ меня.

Но тотъ не сомнѣвается. Хватаетъ за воротникъ пона и тащитъ его съ собою къ лошади.

„Я уже давно тебя ожидалъ!“ — выкрикиваетъ и тормоситъ человека въ черной рясѣ. Тотъ набожно складываетъ руки и имѣетъ видъ, какъ будто всецѣло сдается на милость Божию.

Схожу съ лошади и съ нѣсколькими людьми иду въ избу. Уланы народъ не поближливый! Перевортываютъ все вверхъ дномъ. Онаруживаютъ вкусныя вещи: большіе запасы окорка, колбасы, водки, много водки! Все приготовлено для русскихъ. А тамъ въ глубокомъ углу ящика въ столѣ лежитъ бронзовая пуля, на которой написано: „Слава Богу“. Это условный знакъ между „измѣнниками“ и русскими. Кто покладетъ такую пулю, тому ничего худого не будетъ!

И тычу шарлатану эту пулю въ носъ. Онъ уже больше не улыбается, сжимаетъ плечами и молчитъ. Онъ знаетъ свою судьбу...

Тѣмъ временемъ вахмистръ пригласилъ старосту того же села, сѣдого челоуѣка съ выразительнымъ, умнымъ лицомъ. И въ него нашли такую же пулю. Богъ одинъ внаетъ, сколько нашихъ храбрыхъ солдатъ должны распрощаться съ жизнью черезъ тѣхъ шарлатановъ! Помимо воли хватаетъ рука за саблю.

„Aufsitzen!“ Стучать по дорогѣ лошадиныя копыта. Длиннымъ гуськомъ быстро ѣдемъ въ Подъярковъ. Попъ и мужикъ привязаны съ правой стороны сѣдла жандарма, а потому должны бѣжать съ нами. Оба они люди пожилые. Попъ съ откормленнымъ животикомъ. Оба кашляютъ, стонутъ, глаза ихъ выпучиваются изъ лба. Я ѣду впереди, ничего не слышу и не вижу.

Въ Подъярковѣ исторія повторяется. Мужики прячутся въ трущобы, а мы беремъ попа и старосту.

„Но я же не могу такъ сразу идти“, протестуетъ священникъ. „Я долженъ покончить свои дѣла, чтобы завтра возвратиться“.

„Возвратъ тебѣ сберегутъ, собака! — кричитъ вахмистръ и выжеть

его вмѣстѣ съ старостой. Тотъ осматриваетъ своего коллегу изъ Поршны, потомъ вмѣстѣ осматриваютъ поповъ, ихъ лица насупливаются и наполняются гнѣвомъ и злобою.

И вдругъ одинъ изъ нихъ, старикъ изъ Поршны, подноситъ руку и валитъ своего священника въ лицо — разъ, другой. Бьетъ такъ, что гулъ несется.

„Ты этому виноватъ, что я на старости лѣтъ долженъ бѣжать, виставивши языкъ, что завтра я буду висѣть, какъ собака“.

„Ты, лишь ты этому виною!“ — кричитъ и бьетъ, и бьетъ...

Отсылаю вахмистра жандармеріи съ двумя попами и двумя старостами навадъ въ Кульпарковъ, а самъ съ эскадромъ ѣду дальше, до Кагуева.

Ѣдемъ прекраснымъ густымъ лѣсомъ, надъ нимъ носится гулъ битвы, а мы ѣдемъ медленно и разсматриваемся по сторонамъ...

Какъ рассказывалъ мнѣ это изысканный уланскій поручикъ, такъ и я записалъ.

Эристъ Клейнъ *)

Памяти жертвъ.

Пользуюсь матеріалами, которые были предложены депутату бывшаго австрійскаго парламента г. Стшибрному въ то время, когда за ложность пода-

ныхъ фактовъ можно было предать суду. Кромѣ того руковожусь тѣмъ, что видѣлъ и пережилъ самъ. Увѣрю, что наведенные мною факты, это только не-

*) Я лишь перевелъ то, что печатала вѣнская газета „Neue Freie Presse“ 12-го октября 1914 г. въ № 18.008, какъ фельетонъ подъ заглавіемъ: „Ein Ulanenritt“.

Думаю, что когда самъ палачъ рассказываетъ свои подвиги, то онъ ихъ лучше помнитъ, чѣмъ жертва, которую истязаютъ. Отъ себя я далъ только другое заглавіе. Я спрашиваю: „За что?“, а отвѣтъ на это давала, даетъ и дастъ всегда наша исторія!

Переводчикъ.

значительная часть преслѣдованій, мукъ и слезъ, пролитыхъ въ славянскомъ аду — Талергофѣ.

Будущее принесетъ намъ тотъ счастливый моментъ, когда выйдетъ въ

свѣтъ подробный трудъ по дѣлу трагедіи русскихъ галичанъ и буковинцевъ; сегодня даемъ лишь то, что возможно въ это тяжелое время.

* * *

Этотъ отчаянный крикъ пусть идетъ въ свѣтъ и говоритъ о трусливой австрійской арміи, которая, будучи разгромлена на полѣ битвы, воровала, грабила, жгла, уничтожала, равнила все съ землей, била, арестовывала, а прежде всего убивала и вѣшала.

И все то по приказу своихъ начальниковъ, дегенератовъ-эрцгерцоговъ и идиотичныхъ кровожадныхъ генераловъ.

Въ эпоху Наполеона говорили, что каждый французскій солдатъ носилъ въ торнистрѣ маршальскую булаву. Австрійскій солдатъ не то! Онъ въ торнистрѣ носилъ веревку, чтобы по приказу своихъ богатырей-генераловъ, бросаю поле битвы, могъ по дорогѣ вѣшать невинныхъ стариковъ, дѣтей и женщинъ.

Галиція дрожала! Тамъ на востокъ гремѣли пушки, а тутъ плачъ и вопли наполняли города и села! Однихъ проводжали смутнымъ похороннымъ гудѣньемъ колокола, другихъ же, прошибающій сердце, лязгъ цѣпей. Одни подъ огонь пушекъ, другіе въ тюрьмы и на висѣлицы.

Рыскали гіены, бѣгали собаки-ищейки, ловили свои жертвы и получали за то кресты и медали!

Наибольшимъ же удалствомъ отличались венгерцы-дикари, кровожадные гунны, ивѣватели и мучители! Разбойники и насильники, убійцы и палачи!!

Безнаказанность этимъ умундированнымъ палачамъ была заградой!

Цѣна челоуѣческой жизни въ рукахъ тѣхъ защитниковъ гангренированной Австрійской Имперіи равнялась цѣнѣ темерешней австрійской короны.

И что же? Въ это то время, время сильнаго подъема патриотическаго духа въ первыхъ мѣсяцахъ войны и по отступленіи русской арміи, повѣшено по суду и безъ суда шестьдесятъ тысячъ русскаго народа!!

Отцы и сыновья, тѣ „козлы отпущенія“ и рекруты, швейны и гунды — пошли на пушечное мясо, на убой, — а другіе отцы и сыновья феретеры, измѣнники и „кацапскіе болваны“ — дождались висѣлицы.

Заскрипѣли тысячи висѣлицъ! Полилась кровь — невинная кровь!

Полилась и залила тѣхъ, которые копали гробъ русскому народу, а онъ съ вѣрой въ грядущую гибель враговъ ложилъ головы на полѣ битвы, съ вѣрой въ русскую побѣду шелъ на висѣлицы, съ вѣрой въ единую недѣлимую Русь умиралъ въ Терезинскихъ казематахъ, въ Талергофскихъ порахъ, немецкихъ и венгерскихъ тюрьмахъ съ вѣрой, что, хотя:

Погибнуть придется

По тюрьмахъ, баракахъ сырыхъ, —

Дѣло за насъ отозвѣтся

На поколѣньяхъ живыхъ!..

Арестуютъ!

Почти одновременно съ обивле-
нiемъ общей мобилизаціи начались аре-
сты русскихъ галичанъ. Арестовано ихъ
много тысячъ. По селамъ арестовывали
жандармы при помощи извѣстныхъ на-
шихъ опекуновъ. Приказы начальниковъ
жандармеріи давали своимъ подчинен-
нымъ ничѣмъ неограниченную свободу
дѣйствій. Поэтому можно себя пред-
ставить что свершалось! Списки рус-
скихъ людей: членовъ читальнъ обще-
ства имени М. Качковского, Русскихъ

Дружинъ и другихъ русскихъ обществъ
были у нихъ точны; если же кого ни-
будь случайно пропустили, то имъ съ
помощью приходили наши „друзья“. У
Вѣнской тюрьмы мы нашли доносы
со стороны нашихъ „друзей“, подпи-
санные полнымъ именемъ! Арестовы-
вали часто въ одной только рубашкѣ,
на полѣ, пастбищѣ, безъ одежды и де-
негъ, заковывали въ цѣпи 70 и
80-ти лѣтнихъ старцевъ, перѣдко съ
женщинами и дѣтьми.

На Голгоу!

Такъ гнали ихъ цѣлыми семьями
въ города еврейскими улицами. А здѣсь
ожидала ихъ Голгоа. Ихъ били по го-
ловѣ палками, плевали и били въ лицо,
бросали камнями и то не только город-
ской сбродъ и еврей, но и братья по
Христу и по народности: городской
босакъ и интеллигентъ, адвокатъ и
чиновникъ!

Члены Русскихъ Дружинъ, у ко-
торыхъ обнаружены трехцвѣтные ленты,
сокольскія шапки и знамена, должны
были одѣть шапки, перевязать лентой
рукавъ, взять знамя и идти подъ шты-
ками въ городъ. Сколько кулаковъ,
палокъ, прикладовъ и камней пришлось
имъ получить, пока допелись въ тюрьму,
которая въ тотъ моментъ была имъ
спасеньемъ! Но все таки, нужно ска-
зать правду, наибольшее пришлось по-
лучать нашимъ священникамъ! Ихъ
считали вожаками тѣхъ будто бы тем-
ныхъ крестьянъ и потому не щадили

имъ ударовъ. особенно еврей. Но оши-
бались наши враги, думая, что русскіе
крестьяне — темная масса; тюрьмы до-
казали, что наши русскіе крестьяне
защищали русскую идею далеко лучше,
чѣмъ нѣкоторые интеллигенты. Противъ
нападеній разъяренной толпы почти не
случалось, чтобы жандармерія брала
подъ защиту, — наоборотъ, весьма часто
она сама ссуживала арестованныхъ при-
кладами. Путь на Голгоу велъ ули-
цами города Львова. Тысячныя толпы
народа, городской и пригородной сбродъ,
пребывающій дни и ночи подъ австрій-
скимъ намѣстничествомъ, или подъ гер-
манскимъ консульствомъ, расѣвая по-
перемѣнно „Boże wspieraј“ и „Боже
буди“ съ крикомъ „Хай живе цісар
Вильгельмъ“, бросались на проходившихъ
подъ штыками арестованныхъ русскихъ
людей и били, били до крови, до потери
сознанія!

Въ тюрьмахъ.

Счастливы, когда закрывалась за
ними дверь тюрьмы! Но не всегда!

Здѣсь они попадались въ руки тюрем-
ной стражѣ. Въ комнату, гдѣ было

мѣста для троихъ — замыкали человекъ
15 и больше, пища была скверная,
битье частое. Особенно было тяжело
арестованнымъ въ львовскихъ полицей-
скихъ арестахъ — порахъ, гдѣ нельзя было
одновременно держать больше 24 чело-
вѣкъ ночныхъ пьяницъ и хулигановъ.
Никого на допросъ не брали. Только
надсмотрщики терзали своими замѣча-
ніями, какъ на примѣръ: „Вчера повѣ-
сили 10 измѣнниковъ, намедни 12!“
Иногда вырывали когонибудь и куда то
увозили.

Надсмотрщики говорили: „Повѣ-
сили!“

Поэтому можно себя представить,
что было съ тѣми, которые оставались,
которыхъ какъ-будто ждала подобная
судьба! Въ какомъ психическомъ со-
стояніи паходились несчастныя жертвы
австрійскаго произвола, какія муки пе-
реживали, можно видѣть изъ того, что
въ первыхъ дняхъ многіе сошли
съ ума!

Стрѣляютъ, рубаютъ саблями!

Когда же сближался грохотъ пу-
шекъ, сейчасъ открывали двери тюрем-
ныхъ келій, формировали большіе тран-
спорты по 400—500 и даже 700 лю-
дей, которыхъ подъ конвоемъ сотенъ
солдатъ, среди крика, гама и побоевъ
тысячной толпы, гнали на желѣзно-
дорожныя станціи. Въ товарные вагоны
помѣщали по 100 и больше человекъ,
сковывали въ цѣпяхъ по 6—10 и 20
человекъ разомъ, такъ, что никто не
могъ сдѣлать малѣйшаго движенія, ибо
цѣпи въѣдались въ тѣло! Во время
ѣзды солдаты безъ милосердія били по
лицѣ, головѣ — руками и прикладами.
И такъ, на примѣръ, священника Ми-
хаила Ясеницкаго били до тѣхъ поръ,
пока онъ окровавленный не упалъ на
землю. Дня 31 августа 1914 года въ
транспортѣ между Львовомъ и Крако-
вомъ убили солдаты священника Со-
хадкаго.

Была невозможная жара, но воды
не смѣли просить никто, ибо за то
ожидала немедленно смерть!

Львовскій транспортъ, ѣхавшій въ
товарныхъ вагонахъ, въ теченіи трехъ
дней не получилъ ни пищи, ни воды.

Перекуганные крестьяне плакали и мо-
лились. Нѣкоторые интеллигенты про-
бавали просить воды, но жестоко за то
поплатились. Доктора Драгомирецкаго
били солдатъ до тѣхъ поръ, пока кровь
не полилась струей. За что?.. За то,
что просилъ воды! На желѣзнодорожной
станціи въ Новомъ Санчѣ гусарскій
маіоръ ворвался въ вагонъ и такъ долго
билъ священника Рыхлелскаго, пока тотъ
окровавленнымъ не упалъ на землю,
лишившись сознанія.

17-го августа 1914 года тран-
спортъ въ 34 интернированныхъ дол-
женъ былъ идти пѣшкомъ изъ Баков-
чицъ въ Перемышль. Въ 12¹/₂ часовъ
дня встрѣтился онъ съ отрядомъ гон-
ведовъ. Послѣ короткаго разговора съ
комендантомъ транспорта, гонведы вы-
тянули сабли, бросились на транспортъ
и на мѣстѣ убили 29 человекъ!!

Православнаго священника изъ
Ждыни Горлицкаго уѣзда убили безъ
суда и слѣдствія офицеръ!

О тѣхъ всѣхъ мукахъ, которыя
достались въ удѣлъ несчастнымъ жер-
твамъ, говорить тяжело, и чтобы пере-
дать о нихъ — не хватаетъ словъ!

Безъ воды и пищи 5—7 дней! Священникъ Ю. Гумецкій просилъ солдата, своего прихожанина, воды, но увя — напрасно! Солдатъ съ слезами въ глазахъ отвѣтилъ, что имъ запрещено подѣлывать отвѣтственностию давать кому-нибудь изъ нихъ воду. „Дѣтище — скавалъ священникъ Гумецкій — складываю присягу, что если возвращусь, то дамъ тебѣ въ пользование десятину земли до тѣхъ перъ, пока буду жить самъ, — дай только воды!.. Напрасно!..

Ктонибудь могъ бы подумать, что пощаду давали женщинамъ. Жену священника села Турья, г-жу Ясеницкую, офицеръ избилъ до крови!

Слушайте! Повѣрите ли, какія терпѣнья пришлось перенести священнику Ивану Городецкому изъ Новицы?

Слушайте! Ноги и руки сковано кандалами, руки за спиной крестообразно и такъ подвѣшено его на веревкахъ къ

потолку нагона; пальцы ногъ его едва касались пола вагона! Въ продолженіи пути къ Талергофу били его солдаты прикладами, а офицеръ плетью и железнымъ прутомъ. Изъ головы и тѣла текла кровь ручьемъ. И не выдержалъ мученикъ! Лишился ума! Но и въ Талергофѣ не сжалились надъ нимъ: 48 часовъ сидѣлъ онъ въ кандалахъ безъ хлѣба и воды!..

Г-жу Вѣру Драчинскую, племянницу Буковинскаго вице-маршала и учительницу Янину Мардаровичъ, которыя были въ транспортѣ на станціи города Станиславова, днѣ 30 августа 1914 года схватили германскіе солдаты, избивали до крови, а когда обѣ упали на землю, обернули ихъ лицомъ къ землѣ, взяли за ноги и гнали такъ по грязи и щебню!.. Г-жа Мардаровичъ среди тѣхъ издѣвательствъ лишилась чувствъ. Родители обѣихъ смотрѣли на издѣательства надъ своими дѣтьми.

У Зборова.

(Изъ собственныхъ военныхъ замѣтокъ).

Въ „побѣдоносномъ“ наступленіи мы шли русскимъ войскамъ „по пятамъ“ и остановились на ночлегъ въ селѣ Зарудѣ возлѣ Зборова.

Генеральный штабъ двѣнадцатой дивизіи гонимыхъ, при которомъ я служилъ, разквартировался въ имѣніи, а я задумалъ подыскать себѣ уюта въ селѣ, потому что стосковался за нашими крестьянами. Въ имѣніи встрѣчаю иногда господъ, евреевъ, экономовъ, которые, заискивая передъ австрійскими офицерами, какъ говорятъ — „вѣшаютъ собакъ“ на русскихъ, за то въ селѣ иначе.

Тамъ нашъ крестьянинъ, разкрывая мнѣ свою душу, высказываетъ свои затаенныя мысли, проситъ совѣта, а мнѣ самому дѣлается легче на душѣ, когда услышу изъ устъ мужика родную рѣчь, полную заботъ и кручины.

Въ Зарудѣ уже не было ни одной живой души. Значитъ, крестьянъ эвакуировано. Избы пустыя, двери и окна открыты настежь, кой гдѣ возлѣ избы пробѣжитъ встревоженный собака, въ иномъ мѣстѣ крадется, готовая къ побѣгу кошка, но изъ людей нигдѣ никого не видно. Я хочу уже возвращаться въ

имѣніе, когда въ одной избушкѣ на концѣ села мигнуло свѣтъ и тотчасъ погасъ. Подхожу ближе и вижу — какая то дѣвица. Тихонько продвигается подъ заборомъ, какъ будто бы желая, чтобы ее не замѣтили.

— Не бойся, милая, — говорю, — обожди!

Дѣвушка выпрямилась и узнавши, что я какой то „свой солдатъ“, осмѣлилась настолько, что отвѣтила:

— Чего же мнѣ бояться, и не боюсь...

Я подошелъ ближе и разузналъ, что цѣлое село эвакуировано гдѣ то подъ Золочевъ, а она съ двумя сосѣдками, съ отцомъ, матерью, и тетей возвратились наканунѣ ночи въ Зарудѣ, чтобы забрать кой что съ оставленной и закопанной въ землю посуды.

— А моя тетя Анна даже забыла деньги въ чуланѣ подъ комодомъ. Они всѣ работали на огородѣ, выкапывая ямы, чтобы спрятать туда остатки своего имущества.

— Все оно хорошо, — говорю я, — но гдѣ ты неосторожно поступаешь. Если бы вмѣсто меня тебя встрѣтилъ какой-нибудь вевгерецъ или нѣмецъ, то тебя поставили бы уже передъ военнымъ судомъ, какъ шпиона.

— Господи Иисусе, а въ чемъ же я виновата? — встревожилась дѣвушка.

— Прейдѣ всего ты скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?

— Катя Олейникъ.

— Вотъ послушай, Катя, въ чемъ твой грѣхъ. Когда я шелъ улицей, то увидѣлъ въ избѣ свѣтъ, который медленно погасъ. Знаешь, что это такое?

— Дѣвушка встревоженно стояла и молча смотрѣла мнѣ въ глаза.

— Это сигналы для врага — для русскихъ.

— Побей меня Богъ, когда этому правда! Я зажигала спичку и она погасла.

— Я вѣрю тебѣ, Катя, но вевгерецъ или нѣмецъ не повѣрилъ бы. Вы возвратились въ село, находящееся вблизи боевой линіи; это село эвакуировано, а поэтому скорѣе собирайте въ потьмахъ то, что вамъ нужно и немедленно уходите куда глаза глядятъ, лишь бы дальше отъ этого ада.

— Это я знаю, мы такъ и поступимъ... Я только желала бы поискать въ избѣ молитвенникъ, который оставила за иконой.

— За кого же ты хочешь молиться?

— За всѣхъ насъ, за цѣлый міръ, чтобы не истекать кровью, чтобы люди начали жить въ мирѣ.

— За все это уже третій годъ молятся всѣ европейскіе народы; всѣ храмы на земномъ шарѣ посылаютъ Богу молитвы, чтобы помогъ Господь покорить нашихъ враговъ и окончить войну. И молятся наши австрійцы, чтобы помогъ Богъ побѣдить нашихъ враговъ, т. е. въ первую очередь „москаля“, а тотъ москаль молится въ своихъ храмахъ, чтобы Господь сокрушилъ нѣмца и австрійца и, подумай Катя, они христіане и мы христіане, у нихъ величественные золоченные храмы и у насъ тоже святые церкви. У нихъ вѣра правая и у насъ тоже, они пріятны Богу, и мы также Богу пріятны, а все таки наши молитвы Богомъ удовлетворены быть не могутъ. Мы ставимъ Бога въ безвыходное положеніе, потому что, когда бы Богъ пожелалъ удовлетворить какую-нибудь одну сторону, то долженъ бы погубить другую. Поэтому

Богъ не вмешаетъ подобнымъ молит-
намъ.

— Ну, и что же будетъ дальше? —
промолвила Катя.

— Что будетъ? — повторяю ей
вопросъ — будетъ то, чего еще міръ
не слыхалъ и не видалъ. Будемъ исте-
кать кровью такъ долго, пока истощен-
ные не упадемъ исъ въ одну пропасть-
могилу... А тамъ уже не будетъ вра-
говъ, тамъ будемъ уже всѣ въ мирѣ.

* * *

Прошло три мѣсяца. Положение на
фронтѣ не измѣнилось. Армія Бруси-
лова послѣ побѣдоноснаго наступленія
и триумфа снова отступила, а нѣмецкіе
и австрійскіе войска опять заняли остав-
ленные позиціи. Въ районѣ Зборова
нѣкоторые участки фронта выравнивались
въ пользу австрійцевъ. Возлѣ села За-
рудья боевая линія отошла еще дальше
на востокъ и потому эвакуированные
крестьяне могли возвратиться въ родное
село.

Нашъ дивизіонный штабъ стоялъ
въ селѣ Бранахъ возлѣ мѣстечка Друж-
кополя Волынской губерніи.

Одного дня призываетъ меня мой
командиръ и дѣлаетъ слѣдующее при-
казаніе: „Телѣгой поѣдешь изъ село
Зарудье. Тамъ мы, нападъ три мѣсяца,
во время тревоги закопали въ погребѣ,
въ огородѣ возлѣ бесѣдки, нѣсколько
ящичковъ съ провіантами и табакомъ.
Все это отыщешь и привезешь сюда.
Вотъ имѣешь необходимыя удостовѣренія
для предьявленія тому военному отряду,
который пребываетъ въ Зарудьи. Ста-
райся поскорѣе возвратиться, потому
что у насъ и ѣсть нечего и нечего
курить“.

— Ахъ, и вѣдѣтъ кто то выду-
малъ войну?

На этотъ вопросъ я уже не успѣлъ
отвѣтить.

Слышу въ имѣніи — суматоха. Не-
давно распряженные лошади снова на-
чали запрягать у телѣги и обозъ вы-
ѣхалъ на улицу.

Тревога! Русскіе идутъ въ на-
ступленіе и нашъ дивизіонный штабъ
ищетъ новыхъ квартиръ.

— Что же дѣлать въ томъ случаѣ,
когда тамъ не отыщешь ничего? — спра-
шиваю я.

— Оно понятно, когда выслѣдили
нашъ „кладъ“ русскіе и забрали, то тогда
ничего не подѣлаешь, но если это все
забрали наши, тогда обязательно по-
требуи, чтобы возвратили. Пусть мѣст-
ное начальство разсѣдитъ, кто забралъ.
Но весьма возможно, что все лежитъ
нечетко. Видишь ли, лошади наши
заболѣли, а тутъ тебѣ тренога! Не
было иного выхода: нужно было одну
телѣгу разгрузить, а потому что жалъ
было оставлять Брусилову — мы и за-
копали въ погребѣ возлѣ бесѣдки.

Съ такимъ приказомъ пріѣхалъ
я въ село Зарудье.

Въ имѣніи стояла команда бригады;
я туда явился и предьявилъ свои бу-
маги. Бригадиръ, сѣдой какъ дунь то-
лякъ, „оберстъ“ принялъ меня, какъ
посланца отъ дивизіи, весьма любезно
и пошелъ вмѣстѣ со мной отыскивать
нашъ „кладъ“. Я взялъ въ руки ло-
пату и внимательно осмотрѣлъ землю
вкругъ бесѣдки. Нѣтъ и слѣда, чтобы
кто нибудь разгребывалъ землю, значитъ,
нашъ „кладъ“ не тронутъ. Призываю
двухъ солдатъ и, согласно полученнымъ

мною инструкціямъ, раскапываемъ землю.
Мы выкопали шесть ящичковъ, которые
мы погрузили на телѣгу, и я сталъ
возвращаться.

И какимъ то удивительнымъ об-
разомъ очутился я возлѣ избушки Ксе-
нии Олейникъ. Почему то мнѣ эта дѣ-
вушка врѣзалась въ память. Тогда, при
нашей первой встрѣчѣ, я не имѣлъ
времени даже проститься съ ней. Мнѣ
спѣшилось и она, услышавши слово —
тревога, исчезла. Съ того времени ея
я больше не видѣлъ. Но ея блѣдное
лицо, ея большіе ясные глаза, которые
при лунномъ свѣтѣ какъ то своеобразно
блестѣли, ея нѣжная бѣлая фигура на
фонѣ сада возлѣ „хаты“ весенняго ве-
чера — напоминали мнѣ картину Пимо-
ненко „На войну“ или же подобныя ей,
которыя такъ часто встрѣчаются у насъ
на открыткахъ.

— Интересно, возвратилась ли она
уже домой? — подумалъ я, и приказалъ
ямщику остановить лошадей.

Вошелъ я въ дворъ, изба закрыта.
Ни души. Но зато возлѣ сосѣдней избы
слышно человѣческую рѣчь. Подхожу
ближе... Сидятъ, наежившись, какіе то
дѣти. Когда они увидѣли меня, вско-
чили, побѣжали къ избѣ, открыли дверь,
быстро захлопнули ее за собою, шел-
кули засовомъ и... наступила тишина.
Осматриваюсь и вижу въ огородѣ возлѣ
забора какую то женщину, которая какъ
будто чего то ищетъ. Увидѣвши меня,
выпрямилась и пошла, скрывшись за
стѣною амбара.

— Убѣгаютъ отъ меня люди, какъ
отъ прокаженного, — думаю, — не лю-
бятъ „своихъ“ и конецъ!

Но все таки мнѣ хотѣлось хоть
съ кѣмъ нибудь поразговоривать. Воз-
вращаюсь снова на дворъ и тамъ встрѣ-
тился я снова съ той женщиной, кото-

рая отъ меня пряталась. За ней шла
какая то дѣвушка съ какъ будто бы
знакомыми чертами лица...

— Скажите, пожалуйста, вы мо-
жете быть Ксенія Олейникъ?

Дѣвушка подняла на меня свои,
какъ небо, голубые глаза, но въ нихъ
было столько печали, что я содрогнулся.

— Такъ, это я. Чего вы отъ меня
желаете? — промолвила дѣвушка.

— Чего я желаю? Ничего! Я лишь
желалъ тебя видѣть.

— Если вы таковы, какъ осталь-
ные, то лучше идите своей дорогой.

Здѣсь я замѣтилъ, что ея щеки
начали судорожно кривиться, глава
приобрѣла какое то гнѣвно-грозное вы-
раженіе и, бросивши на меня быстрый
какъ молнія взглядъ, отвернулась и по-
бѣжала въ сторону своей избы.

Женщина, слышавшая нашъ раз-
говоръ, видя, что я какой то „человѣкъ
свой“, задержалась и замѣла мое удив-
леніе по случаю поступка Ксеніи, какъ
будто оправдывала ее, говоря:

— Она очень бѣдная, баринъ, отца
и мать и даже дальнихъ ея родствен-
никовъ разстрѣлялъ какой то венгерецъ,
а она осталась одна какъ палецъ. Мнѣ
кажется, что она сходитъ съ ума, по-
тому что воеетъ и плачетъ, ничего не
ѣстъ, ночью не спитъ. Она ночуетъ
у меня, потому что въ своей избѣ
боится. Она очень бѣдная...

Я слушаю и мнѣ кажется, что все
это сонъ. Пусть будетъ что хочеть,
думаю я, но я долженъ съ ней пого-
ворить, я долженъ выслушать ея горе,
можетъ быть чѣмъ нибудь ей помогу,
можетъ быть дамъ какой полезный со-
вѣтъ.

Съ этимъ постановленіемъ зашелъ
я въ ея дворъ. Сидѣла она на порогѣ и
смотрѣла стеклянными глазами вдаль,

как будто кого то поджидая. Не замѣтила, какъ я остановился возлѣ нея.

— Катя! Я слышалъ о твоёмъ горѣ. Погибшихъ никто не возвратитъ изъ того свѣта, но я помогу тебѣ отомстить за смерть твоихъ родныхъ. Катя, я сынъ того же народа, что и ты, твое горе для меня такое же тяжелое, какъ и для тебя, Расскажи мнѣ все о томъ, кто и какъ тебя обидѣлъ, а я можетъ быть дамъ тебѣ хорошій совѣтъ, можетъ быть сумѣю защитить тебя отъ дальнейшей кривды...

Катя какъ будто пробудилась отъ сна. Начала мнѣ присматриваться, слушаетъ мою рѣчь, глаза ея оживляются и вдругъ поднимается съ мѣста и говоритъ:

— Узнаю васъ, вы тотъ, который однажды былъ здѣсь возлѣ забора, вечеромъ, помните?

— Такъ, тогда село было эвакуировано, а ты пришла сюда взять оставленное добро.

— Такъ, такъ, тогда были со мною отецъ и мать... и это былъ ихъ последний путь... Но вы сказали, что можете отомстить за ихъ смерть...

— Помогу, Катя, Расскажи лишь, какъ это было, что съ ними случилось?

Катя мнѣ начала рассказывать такъ:

— Того самого вечера, когда вы встрѣтили меня здѣсь у дворѣ, когда „наши“ начали убѣгать, потому что наступали русскіе, мы должны были отступать также. Если бы насъ никто не видѣлъ, если бы мы спрятались въ какую-нибудь трущобу, то пришли бы русскіе и мы остались бы живы... А такъ, то свершилось такое, что мнѣ въ голову мѣшается, кажется мнѣ, что схожу

съ ума, а можетъ быть уже и сошла, не знаю... Подосѣли какіе то венгерцы и подъ стражей отвели насъ за село. Тамъ на перекресткѣ, недалеко отъ Храбузной, стоялъ какой то солдатъ на часахъ и тѣ, которые насъ вели, оставили насъ при немъ, а сами возвратились... Тотъ же венгерецъ тоже намъ что то говорилъ, размахивалъ руками, но мы его не понимали. Поняли мы лишь то, что онъ сказалъ намъ идти въ Храбузную и то только потому, что онъ показавъ рукой и сказалъ: „Марш!“

Мы пошли молча. На насъ напалъ какой то страхъ, мы не проронили ни одного слова. Уже мы приближались къ Храбузной, какъ слышимъ, что за нами кто то идетъ. Оборачиваемся и видимъ, что въ свѣдъ за нами идетъ тотъ солдатъ, который стоялъ на перекресткѣ. Подошелъ къ намъ и крикнулъ:

— Галѣть!

Мы остановились.

— Ту, нидеръ! — продолжаетъ онъ кричать и показываетъ рукой на землю. Мы поняли, что онъ велитъ намъ сѣсть. Мы сѣли возлѣ канавы. Отецъ сѣлъ на придорожной кучѣ камней, а я, мама и тетя вмѣстѣ на верхушкѣ насыпи. Луна показалась изъ-за тучъ, я мелькомъ глянула на солдата и увидѣла, какъ его глаза какъ то странно горѣли. Стоялъ онъ по срединѣ дороги и присматривался къ моему отцу. Потомъ исподлобья бросилъ взоръ въ нашу сторону и мгновенно схватилъ въ свои руки винтовку, прицѣлился къ отцу и выстрѣлилъ. Отецъ безъ малѣйшаго звука скатился съ кучи камней и свалился въ канаву.

Мы одновременно ужасно закричали, но когда онъ съ винтовкой по-

вернулся въ нашу сторону — мы онѣмѣли. Меня что то давило въ горлѣ, но я въ предсмертномъ испугѣ не могла, а не такъ не могла, какъ боялась произнести единое слово, боялась плакать, ибо чувствовала, что мой плачъ ничего не поможетъ. Ожидая, что вотъ — вотъ подобное встрѣтитъ насъ. Осматриваюсь, нѣтъ ли гдѣ намъ спасенія, не идетъ ли какой человѣкъ, но, увы — вблизи нѣтъ никого.

— Марш! — крикнулъ снова нашъ палачъ и показавъ по направлению ржаного поля. Видя винтовку на изготовкѣ, мы, какъ нѣмцы, идемъ въ рожъ и просимъ въ душѣ Бога о помощи. Намъ темнѣетъ въ глазахъ и мы ожидаемъ того момента, когда солдатъ насъ прикончитъ.

И солдатъ этого желаетъ. Когда мы отошли отъ дороги достаточно далеко, онъ снова крикнулъ: „галѣть!“

Отойдя два шага назадъ, онъ выстрѣлилъ и моя мама навзничъ упала въ рожъ. Тогда моя тетя падаетъ предъ нимъ на колѣни и отчаянно молить:

— Не убивай меня, я имѣю маленькихъ дѣтей! Ради Бога, не стрѣлай!

Но палачъ не слушалъ и выстрѣлилъ снова, а тетя замолчала.

Теперь пришла моя очередь.

Я уже не падаю на колѣни, знаю, что это не поможетъ, а стою, пригнувши глаза... Но онъ почему то долго не стрѣлялъ. Вижу, онъ бросаетъ винтовку въ рожъ и хватаетъ меня за обѣ руки. Послѣ этого прижимаетъ меня къ себѣ и какъ будто хочетъ цѣловать и, наконецъ, ударяетъ меня кулаками въ грудь, и я упала. Хочу подняться, но онъ уже возлѣ меня и налегаетъ своимъ тѣломъ, ища чего-то...

— Ну, и что же дальше? — спросилъ я.

— Я уже перестала обороняться, потому что сознавала, что мои усилія тщетны, но все мое тѣло инстинктивно начало отодвигаться отъ него и со мною какъ то такъ было странно, что и рассказывать трудно... Казалось мнѣ, что, какая то противная гадина прикасается къ моему тѣлу и я въ концѣ концовъ вырвалась и начала убѣгать. А онъ, какъ звѣрь, догналъ меня и снова свалилъ на земь, и снова привалилъ меня своимъ тѣломъ.

— И что же, онъ изнасиловалъ тебя?

— Я снова вырвалась и начала бѣжать. Вдругъ слышу выстрѣлъ. Я упала и не шелохнулась. Онъ въ меня не попалъ, но думаю, прикинулъ мертвою, можетъ быть онъ больше стрѣлять не будетъ. Лежу и прислушиваюсь — тишина. Подношу голову: никого не видно. Но я не встаю, лежу и жду дни. Наконецъ вардѣло. Я осторожно встаю и рассматриваюсь по сторонамъ: никого нигдѣ не видно. Я не иду смотрѣть, что дѣлается съ моими родными, боюсь, что тотъ извергъ спрячется гдѣ нибудь и сторожить меня, я тихохонько, согнувшись, бѣгу въ Храбузную. Тамъ были наши односельчане, тамъ я рассказывала о своемъ горѣ. Немедленно сообщили о всемъ начальству и позвали меня, чтобы я указала мѣсто совершеннаго преступленія, а они убѣдились въ правдивости поданныхъ мною фактовъ.

И группа людей идетъ вмѣстѣ со мною къ мѣсту совершеннаго преступленія. И нашли среди ржи мою мертвую маму и тетю, а выйдя на дорогу, увидѣли въ канавѣ мертвого отца. И лишь тогда я только заплакала, заливаясь горькими слезами.

Убитыхъ забрали, ихъ секционировали военные доктора, потомъ похоро-

нили, а я сиротой странствовала по чужим селамъ и лишь недавно возвратилась домой... И вотъ теперь я здѣсь въ одиночествѣ, безъ отца и матери...

Выслушавши эту исповѣдь Кати, я долго не могъ очнуться. Я вѣрилъ дѣвушка, что все рассказанное есть правдой, потому что лично видѣлъ и слышалъ, какъ обращались венгерцы и нѣмцы съ нашимъ народомъ. Я зналъ еще, что на бумагахъ у насъ были распоряженія, что штатскихъ людей нельзя не то что убивать, но даже чѣмъ либо обижать. Эти предписанія были, какъ я уже сказалъ, лишь на бумагахъ. Никто ими не руководился, а нашимъ мужикомъ помыкалъ и дѣлалъ съ нимъ что лишь недумалось каждый, кто только желалъ. Я служилъ нѣ дивизионномъ полевомъ судѣ въ качествѣ переводчика украинскаго и русскаго языка. Сначала, когда председателемъ суда былъ венгерецъ, никогда не обращали вниманія на обиды, учиненныя солдатами, штатскому населенію. Но черезъ годъ этотъ председатель поѣхалъ въ отпускъ и не возвратился. Ему на смѣну были присланы два: одинъ нѣмецъ, а другой чехъ. Они оба не любили венгерцевъ и ввели порядокъ, что солдаты нашей дивизіи за малѣйшее нарушеніе предписаній относительно штатскаго населенія, строго наказывали. Это далъ мнѣ возможность поймать прекрасную мысль: не только помочь несчастной дѣвушкѣ отомстить за смерть своихъ родителей, но и сыграть роль сыщика и тѣмъ дать для суда серьезную работу!

Поэтому я мигомъ сложилъ себѣ планъ дѣйствій, и спрашиваю:

— Катя! Скажи, ты узнала бы того солдата, который убилъ твоихъ родителей?

— Конечно! Если бы даже былъ миллионъ солдатъ, то среди ихъ я его бы узнала! — рѣшительно отвѣтила Катя.

— Ну, а какъ бы ты его узнала?

— Главнымъ образомъ по его глазамъ и носу. Кромѣ того, его цѣлая фигура можетъ себя выдать: тонкая и высокая. Онъ имѣлъ на воротникѣ три звѣздочки, а на плечѣ цифру 20.

— Хорошо! Будемъ его искать. Садись ко мнѣ въ телѣгу, поѣдемъ въ нашъ штабъ, а тамъ мы его уже отыщемъ.

— А если вы такой, какъ и онъ? — недоувѣрчиво спросила дѣвушка.

— Таковъ ли я, увидишь потомъ! — сказалъ я, — идемъ, время не ждетъ!

— Хорошо, я иду, въ общемъ мнѣ уже все равно! — сказала Катя и пошла со мной.

Отъ Зборова до Бранъ не такъ уже и далеко, но дорога была скверная, а потому пришлось намъ ѣхать два дня. Ночевали мы въ Золочевѣ. Ксенію я отвелъ къ одному нашему мѣщанину, а самъ заѣхалъ нѣ какую-то еврейскую распивочную ланку — заѣзжай дворъ. Отдохнувъ, на другой день пріѣхалъ я въ Браны. Провіанты сдалъ нѣ офицерскую кухню, а Ксенію привелъ въ квартиру полевого суда, который расквартировался вонѣ церкви въ школь.

Рассказавъ я точно о всѣхъ переживаніяхъ Ксеніи и о томъ, что она готона узнать убійцу.

Наши председатели стали затирать руки, потому что имѣли разсматривать весьма интересную и до того еще пикантную исторію. Какъ должно было совершаться узнаваніе убійцы и кто долженъ былъ освѣдомиться завтра, послѣ совѣщанія председателей съ генераломъ.

На другой день получилъ я письменный приказъ за подписью председателей и генерала, чтобы я вѣялъ дѣвушку и на цѣломъ участкѣ двадцатой дивизіи поискать убійцу. Въ случаѣ неувѣренности или вообще какихъ либо сомнѣній, долженъ телефонировать въ штабъ дивизіи за инструкціями. Для этой надобности предоставлено мнѣ автомобиль и судейскаго „профоса“ (коменданта полевого ареста).

Глядя на фронтъ уже цѣлую недѣлю. Прихожу къ батальонному начальнику, докладываю о сути дѣла, и начальникъ батальона снимаетъ съ фронта по одной ротѣ и представляетъ ее мнѣ и Ксеніи. А она ходитъ передъ фронтомъ каждой роты, вѣсма трогательно въ глаза каждому солдату, мѣрять каждаго съ ногъ до головы — и идетъ дальше...

— Не тотъ, не тотъ, не тотъ!.

И такъ цѣлую недѣлю. Я уже потерялъ надежду, а дальше началъ вливаться на дѣвушку, ибо я засвидѣтельствовалъ, что съ того памятнаго вечера въ Заруды наша дивизія ни одного раза не была въ бою, что ни одинъ солдатъ не убитъ, а поэтому ивергъ долженъ былъ быть въ нашей дивизіи. А она перешла почти цѣлую дивизію и его не встрѣтила. Наконецъ седьмого дня подходимъ къ части саперовъ. И едва мы стали передъ длиннымъ рядомъ солдатъ, какъ Ксенія остановилась при первомъ „цугфирерѣ“, который стоялъ на правомъ флангѣ, и взволнованно прошептала, обращаясь ко мнѣ:

— Это онъ!

— Здѣсь, Катя, идетъ о живнѣ человека, — говорю я — присмотришься хорошо и подумай, не ошибаешься ли ты случайно!

— Это онъ! — сказала уже громко Ксенія. — Я бы его не узнала? Глаза, носъ, какъ у черта, на воротникѣ три звѣздочки... Это онъ, я могу присягнуть...

Между тѣмъ и онъ узналъ свою носкреснувшую жертву и стоялъ блѣдный, какъ полотно.

Тогда я рѣшилъ не арестовывать его и не надѣвать кандаловъ, которыми „профосъ“ уже пованивалъ, а будто бы какъ свидѣтеля потребовать въ дивизионный судъ.

Послѣ перваго допроса нѣ судѣ не было уже сомнѣній, что всѣ преступленія подъ Зборовомъ совершилъ онъ.

Ксенію въ Бранахъ мы задержали до момента главнаго судейскаго разбора дѣла. Слѣдствіе производилось двѣ недѣли и Ксенія все то время жила нѣ одной вдовы — крестьянки. Для показаній ее вынуждали почти каждый день.

Процессъ былъ сенсаціонный. Показанія Ксеніи были точны и убѣдительно настолько, что не было никакого выхода для преступника. Безусловно онъ не признавался въ попомненіи преступленія, потому что такъ научилъ его адвокатъ, тоже венгерецъ.

Но не помогли ему никакіе выкруты. Слѣдствіе установило, что того вечера онъ дѣйствительно куда то запропастился и отсутствовалъ у своей части; что послѣ того у него было много денегъ (которыя онъ забралъ отъ своихъ жертвъ), что онъ не зналъ ни одного славянскаго языка, а только венгерскій и нѣкоторые слова нѣмецкаго языка, которые относились къ командѣ. Ксенія же показала, что никакихъ иныхъ словъ, кромѣ „гальтъ — нидеръ“ отъ него не слышала. Когда на судѣ на вопросы адвоката Ксенія сказала, что

ее подсудимый не изнасиловалъ, тогда адвокатъ неизвѣстно для сенсаци ли, или для какой иной цѣли предложилъ, чтобы дѣвушку поддали медицинскому освидѣтельствуванію для удостовѣренія въ правдивости ея словъ.

Дѣвушка перенесла и это надруганіе; но когда докторъ удостовѣрилъ, что она говоритъ правду и каждое ея слово было такъ рѣшительно произнесено, что адвокатъ не дерзалъ оспаривать, убѣждаясь въ томъ, что подсудимый совершилъ преступленіе, тогда онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы отложить дѣло, а подсудимаго поддать медицинскому осмотру, потому что считаетъ его ненормальнымъ. А ненормальнымъ считаетъ его потому, что имѣи въ рукахъ молодую красивую дѣвушку, не могъ ее лишить невинности.

Но не помогло и это, потому что докторъ, изучивши дѣло подсудимаго, констатируетъ фактъ, что всѣ поступки преступника только и доказываютъ нормальность человека, ибо когда онъ не могъ изнасиловать своей жертвы, то только потому, что убивши троихъ людей, былъ настолько слабъ нервами, что не могъ этого совершить...

Вообще судъ былъ произведенъ по всѣмъ правиламъ закона.

Постановленіе суда было такое, котораго всѣ и ожидали, а именно: смерть за смерть.

Но начальникъ дивизіи (венгерецъ) пожалѣлъ своего соотечественника, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ еще наказы-

наемый и имѣлъ три медали „за храбрость“. Поэтому замѣнилъ ему смертный приговоръ 15-ти лѣтней тюрьмой, отсидѣваніе въ которой отложено до окончанія войны, а тѣмъ временемъ приговоренный долженъ былъ идти на фронтъ и тамъ убивать дальше, но уже не галицкихъ невинныхъ мужиковъ, а врага — русскихъ.

И немедленно передано по этапу этого „героя“ на фронтъ, на передовыя позиціи.

А Катя, встрѣтивши меня послѣ суда возлѣ церкви, капризно замѣтила:

И къ чему были ваши всѣ хлопоты?

— Не безпокойся, Катя, его встрѣтитъ первая пуля! — сказалъ я шути.

И не знаю, сказалъ ли я это въ такую минуту, или можетъ быть рокъ уже таковъ измѣнилъ постановленіе суда и отомстилъ за бѣдную Катю, ибо не прошла еще и недѣля, какъ привезли съ фронта раненнаго солдата въ полевой лазаретъ у Бранахъ, въ которомъ онъ того же дня и умеръ.

Это былъ Стефанъ Ордеши, тотъ самый герой, котораго назадъ недѣлю судили нашъ полевой судъ.

Кати въ Бранахъ уже не было: возвратилась въ родное село мыкать свое сиротское горе — кручину. И я не знаю, узнала ли она, что палачъ ея родителей получилъ заслуженное возмездіе?

Гр. Гомулка,
Брана, Волын. губ., авг. 1917 г.

Разсказъ крестьянина о своемъ арестѣ.

Послѣ мобилизаціи въ 1914 г. не стало молодыхъ рабочихъ рукъ и намъ старикамъ пришлось доканчивать сборъ хлѣба съ поля.

Солнышко начало клониться къ западу. Въ тяжеломъ раздумьи, пригнувшись къ землѣ, собиралъ я пшеницу. Когда немного выпрямился, увидѣлъ передъ собой двухъ жандармовъ и девицу ландштурмистовъ во главѣ съ комендантомъ Ковальскимъ изъ Звенигорода, которые обступили меня со всѣхъ сторонъ. Если бы кто смотрѣлъ со стороны то подумалъ бы, что эти люди ловятъ кого то очень опаснаго.

Комендантъ приказалъ мнѣ поднять руки вверхъ, сдѣлалъ обыскъ въ моихъ карманахъ, и въ снопахъ пшеницы, но не пайди ничего подозрительнаго, велѣлъ вести меня въ село, гдѣ произвелъ ревизію въ моемъ домѣ. Между бумагами жандармы нашли приглашеніе на засѣданіе „Русской Рады“, что было причиною разныхъ ругательствъ на счетъ русскихъ, а одинъ крестьянинъ-ландштурмистъ изъ Звенигорода поднесъ кулакъ, желая меня ударить въ лицо. Меня оставили пока подъ домашнимъ арестомъ, а на слѣдующій день т. е. 4 августа въ 3 часа утра жандармъ Ковальскій съ 3-ми ландштурмистами все таки забрали на жандармскій постъ въ Звенигородъ, гдѣ тамошніе украинцы бросали въ меня болотомъ и кричали: „на гакъ зъ зрадныками-кацапами“ а жена коменданта, какъ кошка, набрасывалась на меня требуя рвать съ меня кожу да солисть.

Послѣ допроса перевезли меня въ уѣздный городъ Вопрку и тутъ посадили въ тюрьму. Позвали въ судъ.

Судья Вассерманъ прочелъ мнѣ обвинительный актъ. Обвиняли меня крестьяне изъ Шоломы: Петръ Лоба, предсѣдатель читальни „Просвѣты“ и войтъ Григорій Болкотъ въ томъ, что я держалъ у себя русскаго агитатора свящ. Гудиму, что ко мнѣ часто прѣзжали студенты изъ Львова, а 2-го августа ночью съ какими-то „панами“ дѣлалъ планы для русскихъ войскъ, что я, какъ организаторъ округа, получилъ изъ Россіи два вагона риса и кукурузы и раздавалъ крестьянамъ въ цѣляхъ агитаціонныхъ. Въ отвѣтъ на это, я предложилъ судѣ желѣзнодорожный переносъ, въ которомъ было написано, что кукурузу получили мы посредствомъ О-ва Качковскаго изъ Будапешта, а рисъ изъ Одерберга и продавали въ долгъ, чтобы такимъ образомъ помочь крестьянамъ во время голода въ 1913 году. При томъ замѣтилъ я, что Будапештъ и Одербергъ, кажется, находится въ Австріи, но не въ Россіи. Вѣрно, что ко мнѣ прѣзжали знакомые студенты изъ Львова, но этого не считаю никакимъ прогрѣшеніемъ, такъ какъ всякій можетъ у себя гостить своихъ знакомыхъ.

Послѣ продолжительной конференціи съ начальникомъ суда, судья Вассерманъ освободилъ меня подъ условіемъ, что не смѣю никуда уходить изъ своей деревни и на воззваніе долженъ немедленно явиться въ судъ. Не долго радовался я своей половинчатой свободой. На другой день прѣхалъ въ Шоломью комиссаръ изъ староства въ Вопркѣ съ 3-ми жандармами, позвалъ меня въ читальню о-ва Качковскаго, сдѣлалъ обыскъ, запечаталъ библіотеку, а меня вторично арестовалъ и повезъ въ тюрьму.

Меня первого арестовали въ округѣ. Дня 7-го августа принесли туда же арестованного старичка свящ. Глинскаго изъ Подмонастырья, Александра Ревуцкаго изъ Стрѣличъ, студ. Петра Швайку изъ Бобрки, свящ. Кармалиту изъ Стрѣлокъ, свящ. Стецева изъ Берездовичъ, а съ моей деренни, о чемъ я узналъ позже, арестовали студ. Григорія Чемериса, крестьянъ Андрея Мокраго, Михаила

Бащишина, Данила Шинусу и Якова Милевскаго.

13 го августа перевезли насъ всѣхъ подъ конвоемъ у Львовъ въ Бригидки, гдѣ ожидало насъ много страданій, о которыхъ когда вспомню, кровь стынетъ въ жилахъ.

Михаилъ Конд. Кузыкъ
крест. изъ с. Шоломы, Бобрскаго у.

Новая жертва.

„Secolo“ сообщаетъ изъ Ив-сбрука, что гамъ на дняхъ состоялся передъ военнымъ судомъ разборъ дѣла русскаго священника львовской епархіи Іосифа С., обвинявшагося въ госу-

дарственной измѣнѣ и подстрекательствѣ населенія противъ австрійской арміи. Подробности дѣла сохраняются въ глубокой тайнѣ. Священникъ приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Изъ печальной хроники.

По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, въ Перемышлѣ скончался въ тюремной больницѣ за 2 недѣли до паденія крѣпости одинъ изъ нашихъ узниковъ о. Іоаннъ Маркевичъ, настоятель прихода въ с. Берлоги, Капушскаго уѣзда. Покойникъ родился въ 1871 г., былъ рукоположенъ въ священники въ 1895 г. Покойникъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ народной жизни и много поработалъ для улучшенія матеріальнаго благосостоянія нашего крестьянства. Въ с. Берлогахъ было имъ учреждено сельско-хозяйственное кооперативное общество, маслобойня, которая развивалась очень успѣшно и пользовалась заслуженной извѣстностью.

Во время мобилизаціи былъ арестованъ и подвергся жестокому избиенію, вслѣдствіи чего заболѣлъ. Болѣзнь помѣшала австрійцамъ вывезти его наканунѣ осады изъ Перемышля. Онъ былъ отправленъ въ тюремную больницу, гдѣ и пробылъ все время осады и скончался въ крайней нуждѣ недождавшись вступленія побѣдоносной русской арміи въ Перемышль и освобожденія изъ тюрьмы.

Въ перемышльской тюремной больницѣ скончался во время осады еще одинъ русскій священникъ, фамиліи котораго намъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не удалось узнать.

„Прик. Р.“ 1915, № 1626 (25 апрѣля).

Талергофцы изъ Жидачевского уѣзда, Журавенскаго округа.

Талергофцы изъ с. Угорцы, Лѣскаго уѣзда.

Рядъ I. Лешко Волкъ, Марья Дыкъ, о. Григорій Макарь, Розалія Скалько, Іосифъ Лемчакъ.
Рядъ II. Михаилъ Лешега, Іосифъ Лешега, Евстахій Макарь, Романъ Макарь, Михаилъ Биндасъ.
Рядъ III. Михаилъ Грыбъ, Иванъ Ганчакъ (съ Руденки), Іосифъ Биковскій, (съ Руденки), Иванъ Биндасъ, Іосифъ Устіяновскій.

Концентраціонные лагери, мѣста
заточеній и тюрьмы.

Памяти мучениковъ, погибшихъ отъ австрійскаго палача.

Но если и есть за могилкою
Пѣсни нѣмы, живыя, веселыя,
Жаль намъ допытъ нашу пѣсню унылую,
Грустно намъ сбросить оковы тяжелыя.
А. И. Анютинъ.

Послѣ того, какъ вдохновенный сербъ, 18 лѣтній гимназистъ Гаврило Принципъ, покончилъ въ Сараевѣ съ однимъ изъ наибольшихъ враговъ славянскихъ народовъ, въ безобразный смертоносный застѣнокъ превратилась вся галицко-русская земля.

Какіе вѣянія ни вѣяли бы надъ человѣческими умами, они никогда не будутъ въ состояніи унести именъ, отдавшихъ жизнь свою за русское дѣло въ Галичинѣ. Галицкая Русь отзоветъ имъ, когда разсѣется туманъ равнодушія и безразличія, большую соборную тризну.

Въ печальномъ ряду станутъ Сандовичи: молодой, православный священникъ о. Максимъ, по правую руку возлѣ него станетъ жена съ ребенкомъ,

съ которымъ она послѣ разстрѣла своего мужа уѣхала въ Талергофъ, по лѣвую руку станетъ его мать — величественная крестьянка съ чернымъ, морщинистымъ и печальнымъ лицомъ, которая, молча, ухаживала заботливо въ тюремѣ за внукомъ и невѣсткой. Второй Сандовичъ — униатскій деканъ, а третій Сандовичъ — его сынъ, студентъ. Эта тройца Сандовичей разстрѣлена только потому, что была русской по происхожденію.

Рядомъ съ ними будетъ стоять свинц. Игнатій Гудима, сынъ дьяка Филиппа изъ Дытковецъ Бродскаго уѣзда. Голова у него тяжела, но не отъ похмѣлья, а отъ горя и кручины; онъ сдѣлалъ ненужный далекій путь, сидѣлъ два года въ тюремѣ у Львовѣ, побы-

валъ въ Талергофѣ, спалъ въ одномъ рваномъ рубищѣ въ погребѣ католическаго патера, ѣлъ картофель, рубилъ дрова и вернулся въ родную страну, каюсь: грѣшенъ я, душу спасать надо.

Изъ львовской тюрьмы, что носить имя Бригиды, пробьется сквозь толпу крестьянннхъ Семенъ Хѣль, первый повѣшенный на позорномъ столбѣ за то, что родился за Бродами на русско-австрійской границѣ. Зачѣмъ другія доказательства? Пойманъ въ полѣ съ косою — но хитрость русскаго мужика хорошо венгерцу извѣстна! Жена и дѣти ждутъ отца, а его нѣтъ какъ нѣтъ:

гдѣ же онъ, гдѣ? Виситъ на крюкѣ и не содрогнется.

А тамъ густою толпою пойдутъ всѣ вдоль Карпатскихъ горъ разстрѣленные безъ суда, повѣшенные безъ допроса, добытые въ темницахъ на Родинѣ и на чужой непривѣтливой землѣ. Ихъ окружаютъ печальники и мученики, побывавшіе въ заточеніи и всѣ вмѣстѣ сплочутъ жалобно: вѣчная память.

Ниже помѣщаемъ замѣтки о разныхъ тюрьмахъ на чужбинѣ. Въ этотъ очеркъ войдутъ всѣ тюрьмы кромѣ Талергофа, которому будетъ отведенъ цѣлый томъ.

В. Р. Ваарикъ.

Г н а с ь.

4-го сентября 1914 г. прибыли въ Талергофъ 92 вагона съ 2000 узниками. 13-го сентября опаснѣйшіе изъ нихъ были переведены въ военную тюрьму въ Градецъ (K. u. K. Garnisonsarrest in Graz, Paulustorg 15), гдѣ прожили полъ года. Неоднократно подили ихъ подъ конвоемъ въ военный судъ, гдѣ производилъ допросъ онѣмеченный чехъ; онъ, услышавъ о русскомъ происхожденіи сосланныхъ, бѣсился и угрожалъ имъ револьверомъ.

6-го марта, 1915 г., изъ за недостатка доказательствъ слѣдствіе было приостановлено, а 22-го марта, въ день паденія Перемышля пишущій настоящія строки былъ освобожденъ изъ тюрьмы съ опредѣленіемъ на конфинацію въ стирійскомъ городкѣ Гнасѣ (старославян. Князь), Фельдбахскаго у., въ 7 km. отъ извѣстнаго курорта Gleichenberg-a. Шестимѣсячное заключеніе въ сырыхъ казематахъ сильно подорвало его здоровье и надѣлило ревматизмомъ.

Въ Гнасѣ началось новое страданіе. Ежедневная явка въ жапдармское управленіе, ограниченіе свободы передвиженія до 7 km. въ окрестности, враждебное отношеніе мѣстныхъ жителей нѣмцевъ, дѣлали жизнь невыносимой. Тоска по роднымъ, отсутствіе извѣстій изъ родины и недостатокъ занятія убивали нравственно заточенцевъ, которыхъ число съ временемъ увеличивалось. Девятнадцать священниковъ и 23-хъ мирянъ обоюго пола и разнаго возраста вклею тижелую жизнь въ непривѣтливой чужбинѣ, гдѣ умерли священники: Мих. Гандякъ изъ Березки, Миронъ Черлюнкачевичъ изъ Крукеничъ и учителя: Гр. Задорожный изъ Джурина, І. Кульматикъ изъ Яворова - Наконечнаго. Ссылные жили въ Гнасѣ два года. Когда же освобожденіе галичанъ было объявлено съ австрійской парламентской трибуны, тогда одни были отпущены на свободу, а болѣе опасные для австрійскихъ властей были задержаны въ Гнасѣ.

Въ послѣднихъ дняхъ іюня, 1917 г., мнѣ было разрѣшено вмѣстѣ съ покров. свящ. Оеод. Капко изъ Демянова переѣхать изъ Гнаса въ Drahotuše на Моравіи. Среди чеховъ началась совершенно иная жизнь. Впослѣдствіи прибыли къ намъ изъ Вѣны священники: о. Маркелъ Раставецкій изъ Громна, о. Іоаннъ Мащакъ изъ Лишицы Верхней и о. Николай Винницкій изъ Галича.

Въ Гнасъ настоятель римско-кат. прихода разрѣшилъ только одному изъ нашихъ священниковъ служить въ мѣстномъ костелѣ, здѣсь же въ Drahotuše д-ръ Францъ Příkrýl, извѣстный чешскій исторіографъ, весьма сочувственно относился къ нашимъ священникамъ,

разрѣшая всѣмъ безъ исключенія служить въ своемъ костелѣ. Чехи откровенно оказывали свои симпатіи русскимъ галичанамъ.

Австрія опять заняла Галицію и ваточенцамъ было разрѣшено вернуться домой. Въ половинѣ сентября анторъ статьи вернулся на свой приходъ въ Ладанцы, а на слѣдующій день явился ко мнѣ жандармъ, арестовавшій его 1914 г. Съ любопытствомъ, присущимъ ребенку, разсматривалъ онъ мои документы не подовѣрѣвая, что черезъ годъ тюрма народовъ Австрія будетъ вычеркнута изъ списка великихъ европейскихъ государствъ.

Свящ. А. Бучко.
с. Ладанцы Церемышл. у.

Эстергомъ.

Австрійцы отправили цѣлую партію интернированныхъ сѣльскимъ порядкомъ изъ Русской Равы въ Олешницы, а оттуда черезъ Новый Санчъ и Буда-Пешть въ Эстергомъ. Изъ знакомыхъ земляковъ находились въ этой партіи: Петръ Морозюкъ (умершій въ Эстергомѣ 16 декабря 1914 года), почтмейстеръ Баюкъ, белзскій благочинный свящ. Ринявецъ и Лука Кисель изъ села Осердова, убитый венгерцемъ (прикладомъ въ грудь) въ тюрмѣ. Убитаго похоронили въ Эстергомѣ. Тамъ жили арестованные два мѣсяца подъ открытымъ небомъ, а ватѣмъ были доставлены имъ доски и строительный матеріалъ, изъ котораго построили они себѣ бараки.

Въ мартѣ 1915 г. пріѣхалъ къ арестованнымъ изъ Вѣны какой-то генералъ. На допросъ каждый показывалъ, откуда происходитъ и какими судьбами

попалъ въ концентраціонный лагерь. Одни выдумывали, что попали сюда на подводахъ, оставленныхъ при военныхъ частяхъ или же утерянныхъ на фронтѣ, другіе показывали, что были заподозрѣны въ политической неблагонадежности. Послѣдніе, по полученіи изъ Вѣны „волчихъ“ паспортовъ съ красной надписью „ferdächtig“, были отправляемы на поселеніе въ Талергофъ; первые же были переведены въ Гминдъ, гдѣ жизнь была сравнительно сносно. Тамъ была своя часовенка, школа, кинематографъ, слышалась русская рѣчь. Отсюда, кто былъ помоложе, то забрали на фронтъ, а старики вернулись домой.

Множество, безъ различія возраста и пола осталось на гминдскомъ кладбищѣ.

Ф. Вудкевичъ
с. Мыцова Соколяскаго у.

Оберголлябрунъ и Энценсдорфъ.

Изъ „хондений по мукамъ“.

Наконецъ, дня 9-го октября 1915 г., наша партія вышла изъ Талергофа на конференцію, что обозначало половинчастую свободу: жились подъ надзоромъ явной и тайной полиціи, на своемъ столѣ. Назначено насъ въ Оберголлябрунъ въ 49-ти кил. отъ Вѣны, при дорогѣ въ Знаймо. Вмѣстѣ насъ было 7 человекъ: кромѣ меня, свящ. Романъ Крыжановскій изъ Небылова, свящ. Александръ Яремкевичъ изъ Крехова, свящ. Иванъ Бѣлаш, свящ. Николай Кокурузъ изъ Камени и свящ. Ев. Киселевскій изъ Хлѣбичина, и Арсеній Дорожинскій, преподаватель гимназіи изъ Дембицы.

Оберголлябрунъ — мѣстечко маленькое, едва 5000 душъ, но чистое, дешевое и дающее всѣ выгоды къ мирной жизни. И именно это отсутствіе жизненныхъ тревогъ и хлопотъ было причиною моей тоски и скуки. Сидишь, словно на показѣ и ожидаешь и смотришь, не идетъ ли поѣздъ, не часами, не днями и не мѣсяцами, но цѣлый годъ. Вставши рано, идешь въ 6 часовъ въ костелъ, ватѣмъ на базаръ за покупками, — мнѣ было поручено продовольствіе на 4 человека — въ 9 час. ежедневно являешься въ полицейской канцеляріи, потомъ читаешь военные сообщенія, гуляешь съ свниц. Крыжановскимъ въ недалекомъ лѣсу, а въ половинѣ 2-го ч. обѣдаешь — и такъ постоянно кругомъ да около.

Всѣ закоулки мѣстечка и окрестности стали намъ извѣстны: Sonnberg Wiesenbrun, Sutenbrun. При дорогѣ мы открыли памятникъ на могилѣ русскихъ воиновъ, которые въ 1805 и 1809 годахъ вдерживали натиск На-

полеона I. Такой же высокій, каменный памятникъ нашли мы на ровной, вспаханной вышинѣ возлѣ Schöngraben. На памятникъ прочли мы рядомъ съ другими и русскую надпись, что насъ весьма обрадовало и оживило. Мы отпѣвали тамъ тихія панихиды и молились за души почившихъ братьевъ, и за волю и свободу родного народа.

Бывали мы и въ латинскомъ костелѣ Schöngraben изъ XI столѣтія, съ престоломъ на востокъ, что указываетъ на возможность его постройки въ Кирилло-Меодіевское время, когда сюда доходило греко-славянское вліяніе. Мыслью переносимся далеко далеко въ старое время, когда здѣсь братское намъ племя передъ нашествіемъ нѣмцевъ молилось и служило Богослуженія на славянскомъ языкѣ въ своихъ славянскихъ церквяхъ. Сегодня тамъ можно лишь вычитать:

Über uns stille leichten die Sterne,
Unter uns ruhen die Todten.

Вокругъ церкви въ камнѣ изображена вся исторія ветхаго и новаго заветъа, а въ серединѣ, между пресвитеріей и навою, не хватаетъ иконостаса, только стоятъ, насколько помнитса, у стѣны два столба. Слѣдуетъ добавить, что костелъ съ алтаремъ на востокъ нашли мы и въ сосѣднемъ селѣ Aspernsdorf.

Обходя постоянно околицу, мы встрѣчали множество славянскихъ именъ, а мнѣ доводилось побывать въ мѣстной и гимназической библіотекахъ, гдѣ по нѣсколькимъ трудамъ легко найти ключъ къ правдѣ. Село Tern не что иное, какъ т е р н ь, Mugi — искаженное наше

слово: могила, рѣчка Göllersbach называлась когда-то Geleni—Еленій, Олений потокъ. Вездѣ въ этой окрестности, вплоть до Моравіи, находятся ямы — пещеры, идущія отъ Дуная, похожія на лисьи норы и корридоры, въ которыхъ то тутъ, то тамъ вырыты заглубленія, имѣющія видъ комнатки. Норы эти весьма узенькія, такъ что едва проползетъ одинъ человѣкъ, комнаты же бываютъ на нѣсколько метровъ выше и шире. Такихъ Erdhöhlen много вокругъ Обергодлябрунъ.

Въ Göllersdorf жилъ въ то время старенькій священникъ, который изслѣдовалъ эти странные памятники. Однажды зашелъ я къ нему, однако онъ меня не принялъ просто потому, что находился иза-за своего труда подъ полицейскимъ наблюденіемъ и считался неблагонадежнымъ. Пользовался я также изданіями für Vaterlandskunde, но всѣ они, выражаясь польской поговоркой, psu na buty. Нѣмцы объяснили все такъ, какъ это имъ было желательно, безъ доказательствъ и историческихъ данныхъ. Я описалъ всѣ вокругъ находившіеся ямы, сдѣлалъ снимки, но къ сожалѣнію моя рукопись была уничтожена во время польско-украинской войны.

Занимаясь такими дѣлами, я все таки былъ недоволенъ и душевно страдалъ. Я искалъ занятія для себя и для моихъ братьевъ-земляковъ, также разбросанныхъ по разнымъ селамъ. Надзиратель д-ръ Гриммъ былъ довольно хорошій человѣкъ, и онъ мнѣ разрѣшилъ post longum et tatum поѣхать въ Рапалъ и тамъ служить Богослуженію. вмѣстѣ съ жандармскимъ комендантомъ Strohmajer-омъ я сѣлъ въ возокъ и уѣхалъ въ баракъ. Удивился я, когда туда прибылъ: у выстроеннаго

престола собралось множество нашихъ людей и кромѣ того учительница изъ Любляны привела съ собою своихъ школьныхъ дѣтей. Жандармъ отъ меня не отходитъ ни на шагъ, не могу говорить со своими, прошу разрѣшенія и получаю его: Nu, fragen sie. Обращаюсь къ людямъ съ вопросомъ, кто можетъ быть дьякомъ. Приглашается, какъ узналъ я сейчасъ, Николай Вергунъ изъ Городка, весьма замѣчательный человѣкъ.

Началось Богослуженіе. Народа полно со всѣхъ сторонъ Галицкой Руси. Такого воодушевленія, какъ тогда, я еще не видѣлъ. Я чувствовалъ, что молюсь вмѣстѣ съ моимъ народомъ, живу одними и тѣми же мыслями. Когда я обращался лицомъ къ молящимся, то они внимательно смотрѣли на меня, въ мою душу полные умиленія и со слезами въ глазахъ. Хотѣлось мнѣ служить, какъ можно дольше, хотѣлось поразговаривать со своими братьями и сестрами, однако мнѣ было лишь разрѣшено спросить: желаютъ ли люди исповѣдываться?

Таково мое начало въ Рапалѣ, и знакомство съ Николаемъ Вергуномъ, отцомъ д-ра Дмитрія Вергуна, стараго моего знакомаго и когданняго учителя дочери свящ. Ю. Войнаровскаго въ Гори-глядахъ. Несмотря на то, что жандармъ зорко смотрѣлъ за мною, я все таки поговорилъ съ честнымъ Николаемъ, и узналъ, что при арестѣ сильно его побили и разбили верхнюю губу, отъ чего по заявленію тамъ же интернированнаго д-ра Вербенскаго получился ракъ. Николай былъ справедливый человѣкъ; помню, какъ чудно и четко онъ читалъ „Вѣру“ и „Помилуй мя Боже“, точно произнося слова и правильно отгѣчая ударенія.

Ссылные въ Гнасъ.

Ссылные въ Гнасъ.

о. Мих. Бабякъ, Мар. Качмарчикъ, о. Іос. Москаликъ, о. Іоаннъ Бирчакъ, Левъ Кириловичъ, Іос. Кульматицкій, о. Игн. Мохнацкій, о. Ант. Бучко, о. Іос. Марицкій, Григ. Задорожый, о. Теоф. Качмарчикъ, Софья Петровская, Мар. Черлюнчакевичъ, Ольга Кириловичъ. Брои. Венгриновичъ, о. Мих. Петровскій, Ив. Венгриновичъ Скульскій, Ивана Криницкая, о. Евд. Васильчакъ, о. Θεодосій Капко, о. Алекс. Ильевичъ, Петръ Криницкій, о. Влад. Мохнацкій, о. Зиновій Романовскій, о. Іоаннъ Илевичъ, Богданъ Дѣдицкій, Теофилъ Костецкій.

Лѣтомъ 1916 года наши люди были увезены изъ Рашаля въ Enzensdorf in Thale, 14 km. отъ насъ. Ихъ мѣсто заняли бѣженцы изъ Буковины, румыны и русскіе, которые были подъ покровительствомъ небезвѣстнаго барона Николая Василько и его клевретовъ Лукашевича, Драгомیرهцаго и о. Жука изъ Вѣны. Для нихъ былъ особый управитель. Румыны имѣли своего священника, русскіе уніаты находились подъ вѣдомствомъ нѣмецкаго настоятеля прихода тамъ же, котораго иногда я вѣщала. Бѣженцы, какъ гости кесаря и какъ патріоты, пострадавшіе изъ-за кесаря, пользовались всѣми пранами свободы, хотя часто голодали. Имъ шли жители на встрѣчу; напротивъ, наши люди — арестанты не имѣли за собою, кромѣ Бога, никого.

Узнавъ, что наши люди живутъ въ Enzensdorf, я выпросила у д-ра Гримма разрѣшеніе пойти туда. Со мною отправился и о. Романъ Крыжановскій. Вложивъ на плечи ранецъ съ кускомъ хлѣба, нѣсколькими яичками, просфорами и виномъ, пустились мы пѣшкомъ въ путь черезъ Wiesenberg и Aspernsdorf.

Солнце зашло уже совсѣмъ, когда мы пришли въ Enzensdorf. Стало темно, и мгла нависла надъ землею. Мы были утомлены и голодны, такъ какъ всюду въ деревняхъ намъ отказывали въ покупке чего-либо. Прошли мы мостъ, за которымъ былъ дворъ. Думали войти туда, однако постѣпили въ Flüchtlingslager. Входъ у воротъ оберегалъ Керберсъ со штыкомъ и, увидя насъ, крикнулъ:

— Wer da?

Узнавъ причину нашего прихода, онъ отвелъ насъ въ Wachzimmer, гдѣ

жандармъ коротко объявилъ намъ, что насъ не переночуетъ и приказалъ явиться въ 7 ч. утра.

— Вотъ тебѣ на! Имѣешь, баба, редуты. Куда же теперь?

Жандармъ направилъ насъ въ гостиницу, но и здѣсь намъ отказали. Остался одинъ выходъ: зайти къ настоятелю прихода. Долго добивались мы къ нему, блуждая вдоль высокой каменной, похожей на крѣпость, стѣны, пока попали въ домъ. Насъ встрѣтила жизнерадостная хозяйка и попросила въ гостиную. Явился самъ Herr Pfarrer, который на отрѣзъ отказалъ намъ въ служеніи въ костелѣ и разрѣшилъ служить только въ часовнѣ. У себя дома онъ не оставилъ насъ и отослалъ въ темную ночь въ Wirtshaus.

— Es sinkt im schönen Staate Dänemark — подумалъ я себѣ. А всему виною то, что мы greco-catholici Staatsgefährliche Galizianer. Съ большимъ трудомъ получили мы комнатку въ хозяйина, а къ ужину принесли намъ два красныхъ картофеля и что-то нѣ родъ чая.

На слѣдующій день мы отслужили службу, исповѣдывали 10 человекъ и осмотрѣли жилища нашихъ людей, которые помѣщались въ темнотѣ разныхъ закоулковъ. На тапчанѣ, высоко на чердакѣ, лежалъ старый больной Николай Вергунъ. Увидѣвъ насъ, онъ весьма обрадовался и извинился, что не пришелъ на Богослуженіе; у него ноги попухли, силы его опустились.

— Придется умирать на чужбинѣ — сказалъ онъ со слезами. Жалко стало намъ старика, да что было дѣлать. Простившись съ нимъ, мы ушли къ своему временному жилищу. Позже узнали мы, что Николай Вергунъ былъ перевезенъ

Ссылные въ Оберъ-Цейрингъ 1915-1917 г.

Сидятъ: о. В. Рихлевскій, о. А. Мокрицкій, г-жа Мокрицкая, о. М. Вербицкій, о. Вас. Мокрицкій, г-жа Демянчикъ и Ольга Падохъ съ ѣномъ.
Стоять: Е. Мокрицкая, о. А. Рудевскій, г-жа О. Мокрицкая, о. Боднарчукъ, г-жа Демянчикъ, г. Збѣглей и о. Падохъ.

Ссылные въ St. Peter am Ottersbach.

1-й рядъ: г-жа Городецкая, о. Корвацкій, о. Кокуревичъ, Н. Корвацкая, о. Богачевскій.
2-ой рядъ: о. Левицкій, о. Подлѣсецкій, Иванъ Яськовъ, о. Ив. Дольницкій, о. Ив. Козакъ.
3-ій рядъ: Б. Корвацкій, о. Богачукъ, о. Городецкій, о. Кир. Дольницкій и о. Ив. Яськовъ.

въ Siltendorf, гдѣ и почитъ вѣчнымъ сномъ. Да будетъ ему и всѣмъ, за святое русское дѣло погибшимъ, вѣчная память.

Вотъ въ краткости таковы „хожденія по мукамъ“.

Свящ. Иванъ Билинцевичъ
изъ с. Грыбовичи Львовск. у.

Шатмаръ-Немети — Мискольчъ.

30-го августа 1914 года пришелъ въ домъ къ совѣтнику суда, бл. п. Горницкому жандармъ Иванъ Юковъ съ солдатомъ Иваномъ Волошинымъ и постѣ предварительнаго обыска, арестовалъ его и отправилъ въ тюрьму при окружномъ судѣ въ Коломны. На вопросъ о причинѣ арестованія, г. Горницкій не получилъ отвѣта. Не разрѣшено ему даже жаловаться въ судъ ни въ уѣздное староство за грубое нарушеніе закона, на стражѣ котораго бл. п. Горницкій стоялъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Нечеловѣческое обращеніе съ нимъ жандармовъ, конвоя и тюремной администраціи безъ всякаго къ этому повода ставило этого судью въ худшее положеніе въ сравненіи съ уголовными преступниками.

Покойный такъ разсказываетъ о своемъ арестѣ: „5-го сентября 1914 года были мы отправлены особымъ поѣздомъ изъ Коломны въ Шатмаръ-Немети въ Венгрію, гдѣ въ то время находился дивизионный судъ станиславовской „ландверы“. Во время путешествія я не получилъ ни капли воды. Отъ усталости, жажды и голода, я упалъ въ полусонное состояніе, просыпаясь отъ поры до времени отъ сильныхъ толчковъ приклада сопровождавшей насъ стражи.

Ожидавшая меня въ будущемъ неизвестность, дѣйствовала на мое душевное состояніе, а адскій ревъ встрѣ-

чавшей насъ толпы не предвѣщала ничего хорошаго.

Въ Шатмаръ-Немети были мы закрыты въ пустомъ магазинѣ при паровой мукомольнѣ. Тутъ помѣщено 600 челоуѣкъ арестантовъ обоихъ половъ отъ восьмилѣтнихъ дѣтей до преклонныхъ стариковъ.

Разъ въ сутки водили насъ на прогулку на рѣку. Разшатавшая, полусгнившая лѣстница вела къ большой бочкѣ для отправления естественныхъ надобностей. Издѣвались надъ нами немилосердно. Однажды поднимался по этой лѣстницѣ священникъ изъ Ляцкаго-Шняхотскаго, 76-ти лѣтній старикъ о. Іосифъ Кустыновичъ и, потерявъ равновѣсіе, упалъ головою въ бочку. Друзья вытянули старика изъ бочки безъ признаковъ жизни и много стоило труда привести его въ сознаніе.

Въ полдень 8-го сентября приказано намъ собираться въ дальшій путь, а въ 10 ч. вечера мы сѣли на поѣздъ и уѣхали въ Мискольчъ. Тамъ ждала насъ ужасная тюрьма съ небольшимъ дворомъ, съ большой вистлицей передъ окнами камеръ; съ страшными арестантскими помѣщеніями, съ неизбежными гадкими насѣкомыми, холодомъ и голодомъ.

Были слухи, передаваемые другъ другу интернированными, что котлы, назначенные для варки нашей пищи, употреблялись поварами въ ночное время

Ссылные въ Туррахъ.

Ссылные въ Vordernberg bei Leoben — Steiermark.

Свящ. о.о. Евстахій Кушнѣръ, Ілія Лагола, Ілія Левицкій, судья Евгений Бачинскій, о. Ѳеодоръ Чезнокъ, чин. Ісидоръ Цыбыкъ, судья Владиміръ Дейницкій.

для отправленіи ихъ естественныхъ надобностей. Не знаю, почему ходили такіе слухи и были ли они вѣрны или нѣтъ, но я не могъ превозмочь себя ѣсть казенную пищу и жить на скудные собственные средства, захваченныя изъ дому во время ареста. Когда же мои деньги вышли, наступила для меня систематическая, продолжительная голодовка.

Нельзя забыть момента, когда какая-то словакия произнесла: „Не бойтесь, Богъ съ вами!“ Но къ сожалѣнію дальнѣйшія ея слова заглушило венгерское „басама теремтете!“ Во дворѣ тюрьмы венгерскіе солдаты устали висѣлицу съ веревкой, а на толстой каменной стѣнѣ назначили мѣсто для разстрѣла.

Въ казематѣ, нѣ которомъ могло помѣститься 15 человекъ, сажали ихъ 60! Гнилая солома, сырость, вши, клопы, мокрицы и т. п. гадость. Узники свои естественныя потребности удовлетворяютъ въ ведрѣ, въ которомъ стоитъ вода для питья!

Я спалъ подъ окномъ. Ночью дождь вымочилъ меня до костей. Я озябъ и началъ болѣть. Болѣзнь укоренилась въ моей груди. Насъ выгоняютъ на работы, какъ средневѣковыхъ невольниковъ.

Утромъ грязная жидкость, которую повара попеременно называли то кофе,

то чай, то супъ. Разскаывали, что котлы, въ которыхъ намъ готовили эту пищу, повара ночью пользовали для извѣстныхъ надобностей.

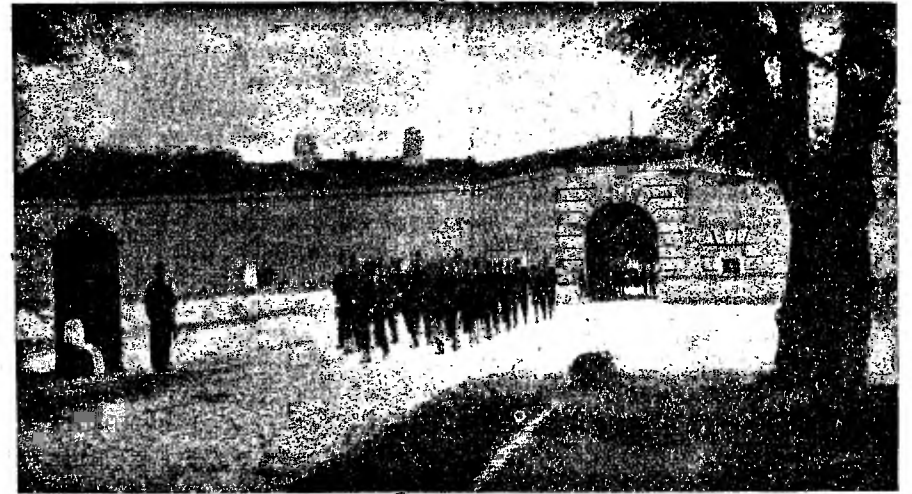
Зная, что венгерскаго солдата можно подкупить деньгами, я воспользовался этимъ, благодаря деньгамъ, заплатымъ въ рубашкѣ. Это поддерживало меня нѣкоторое время. Но когда ихъ запасъ исчерпался, мнѣ нѣ глаза заглянуть голодъ.

Я, совѣтникъ суда, сдѣлался невольникомъ самыхъ черныхъ работъ! Подъ привудительнымъ дѣйствіемъ штыка и приклада, я выносилъ параша, чистилъ отхожіе мѣста, въ холодной водѣ я стиралъ бѣлье возлѣ колодца! Однажды, идя въ отхожее мѣсто, часовой еврей замѣтилъ мнѣ: „Смотри, не загадь доски, потому что будешь языкомъ слиывать!“

Вши, клопы и прочая мерзость размноживались несмѣтнымъ количествомъ.

Изъ товарищей по тюрьмѣ помню свящ. Павла Глѣбовицкаго, благочиннаго изъ Слободки Лѣсной, дальшаго бывшаго депутата д-ра Николая Павловича Глѣбовицкаго, совѣтника суда Теофила Копыстинскаго изъ Коломыи, лѣсничаго частныхъ лѣсовъ въ Ватра Молдавица Антона Гладыка и д-ра Болеслава Порай-Мадейскаго изъ Маріамполя.

Н. Н.

Терезинская тюрьма.

Жизнь нѣ Терезинѣ сравнительно была сносной въ первое время. Крѣпостная администрація, состоявшая частично изъ чеховъ, относилась къ намъ сочувственно и мы могли постепенно пользоваться нѣкоторой свободой въ предѣлахъ тюремной дисциплины. Неофициально равнѣшалось днемъ гулять весь день во дворѣ крѣпости, гдѣ интеллигенція проводила время за игрой въ шахматы или преферанса, молодежь занималась гимнастическими упражненіями, а крестьяне занимались все время разговорами и предположеніями о будущей жизни въ Галичинѣ. Всѣ были убѣждены, что Галичина отойдетъ отъ Австріи къ Россіи.

Положеніе наше рѣзко измѣнилось со времени военныхъ неудачъ Австріи. У насъ была отобрана казенная постель, главнымъ образомъ соломенные матрацы

и увезены въ военные госпитали и узникамъ пришлось спать на холодномъ каменномъ полу, потому что невозможно было приобрести собственную постель и бѣлье за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ у арестованныхъ. Вслѣдствіе этого завелись насѣкомыя. Болѣе опытные и энергичные изъ нашей среды постарались о керосинѣ и, смазывая имъ все тѣло и бѣлье, предохраняли себя до нѣкоторой степени отъ навоинныхъ паразитовъ.

Осенью узники шли на принудительныя полевые работы и къ постройкѣ барачковъ для военноопѣнныхъ. Отъ нихъ узнало чешское населеніе о господствующей въ крѣпости нуждѣ и посредствомъ доброй Анны Лаубе, державшей въ крѣпости лавочку, снабжали насъ одеждой, бѣльемъ и провіантами. Все это приобреталось

на средства, собранные чехами между собой.

Опять улучшилось наше положение со времени выдачи жалования чиновникам и священникам, находившимся в заключении. На деньги приобреталось все необходимое; безденежные могли занимать у своих знакомых, получавших жалование, в конце деньгами, собранными в складчину за добровольцами строгие надзиратели.

Наше время проходило на допросах, производимых военными следователями, прививках, дезинфекции, работах. Постепенно стали узники приготавливаться к надхлывшей зиме. Приобреталась теплая одежда.

Интеллигенция теперь разместилась в кавалерийских казармах в преддверьях крепости, а крестьяне остались на старых местах, т. е. в камерах и в кавалерийских конюшнях. В 6 ч. вечера заключенных загоняли в помещения и все входы наглухо запирали.

Были между арестованными и провокаторы, нырявшие везде, и затѣм доносившие властям о разговорах и настрояниях среди узников. Наши крестьяне, не получая никакой поддержки из дому, принялись за рукоделье. Они делали крестики, табакерки, мундштуки, коробочки, изготавливали соломенную обувь и шили костюмы. Все то покупала интеллигенция.

Съ приходомъ въ Терезинъ русскихъ военнопленныхъ, наши земляки стали неузнаваемы. Дело в томъ, что наступилъ живой обменъ одежды. Трудно было иногда отличить заточенца-галичанина, одѣтаго въ русскую шинель и папаху отъ русскаго солдата. Впоследствии тюремная администрація запретила русскимъ мѣнять и продавать одежду.

Комендантъ Терезинской крепости былъ человекъ не строгій. Съ его согласія было намъ разрѣшено въ день Рожд. Христова служить св. литургію. Уніатамъ служилъ свящ. Н. Малый, а православнымъ два военныхъ священника: сербъ и румынъ. Народъ исповѣдывался и причастился къ встрѣчѣ неликаго праздника.

Радость была въ то время между заточенцами редкая.

Въ Терезинѣ мало было смертныхъ случаевъ. Умирали по большей части старики. Народъ жилъ постоянно на свѣжемъ воздухѣ и мало болѣлъ. Официальнымъ врачомъ арестованныхъ былъ назначенъ арестованный д-ръ Цюкъ изъ Самбора, который находился постоянно въ приемной комнатѣ, а по камерамъ и казармамъ обслуживалъ больныхъ частнымъ образомъ д-ръ Лаврецкій. Мнѣ самому пришлось прибѣгать къ его медицинскимъ совѣтамъ. Я заболѣлъ аппендицитомъ и по распоряженію военного врача былъ отправленъ въ центральный лазаретъ въ большой крепости. Д-ръ Лаврецкій не совѣтовалъ мнѣ поддаваться операциі, лишь соблюдать строгую діету. Трижды предлагали мнѣ нѣмецкіе хирурги подписать заявление о моемъ согласіи на операцию, но я отказывался. Своему врачу я больше вѣрилъ, и въ этой вѣрѣ я не ошибся.

— So werden sie, wie Hund Krepieren! — кричали нѣмцы и оставили меня въ покоѣ. Вечеромъ санитаръ принесъ мнѣ, за вознагражденіемъ, втихомолку ледъ для прикладыванія къ больному мѣсту. Такъ я подъ опекой санитаря-чеха и навѣщавшаго меня д-ра Лаврецкаго, сталъ постепенно поправляться. Навѣщали меня часто и обнадеживали свящ. М. Романовскій съ моимъ братомъ Евгеніемъ. Они помѣ-

нялись въ то время въ казармахъ въ малой крепости.

На третій день послѣ моего прибытія въ лазаретъ осматривалъ больныхъ штабсъ-врачъ, онъ, осмотрѣвъ меня, началъ было въ остромъ тонѣ политическій разговоръ. Мнѣ не хватало физи-

ческихъ силъ для разговоровъ съ нѣмцемъ и я молчалъ.

Послѣ выздоровленія уѣхалъ я 1-го мая въ числѣ нѣсколькихъ сотъ терезинцевъ въ Талергофъ.

И. Н. Киселевскій
изъ Коломыи.

* * *

Въ четвергъ вечеромъ 3-го сентября 1914 г. пріѣхали мы въ Терезинъ, находящийся въ сѣверной Чехіи. По нашемъ прибытіи, посадили въ крепость въ квартиры кавалерійскихъ казармъ. За все время путешествія это былъ первый ночлегъ на соломѣ. На слѣдующій день мы прохаживались по землянымъ валамъ кругомъ крепости. День былъ хорошій, везде зелень, много знакомыхъ, а всѣхъ арестованныхъ находилось въ Терезинѣ около 1000 человекъ. Я раздѣлся и посмотрѣлъ на свои плечи, которые отъ побоевъ, полученныхъ въ Краковѣ, кожа была темносиняго цвѣта. Свидѣтелями того были: бухгалтеръ Иванъ Пашкевичъ и купецъ Владиміръ Дригиничъ изъ Львова. Въ полдень выдали намъ котелки и обѣдъ, а послѣ прогулки и ужина насъ запирали на

ночь въ казармахъ. Гулять разрѣшалось въ узкомъ внутреннемъ дворѣ. Въ ненастные дни сидѣли мы почти цѣлый день подъ замкомъ въ казармахъ. Такъ жили мы въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Случалось, что наши ключники, идя на базаръ за покупками для кухни и буфета, брали съ собой охотниковъ изъ среды узниковъ въ городъ. Вообще жизнь въ Терезинѣ была довольно сносная, благодаря сочувствію и матеріальной поддержкѣ чеховъ. Дисциплина постепенно малѣла, не запирали насъ больше въ душныхъ кавалерійскихъ помещенияхъ, разрѣшалось свободно ходить на казарменный дворъ и гулять тамъ подъ надзоромъ стражи.

Крыжановскій
с. Небыловъ, Калужскаго уѣзда.

* * *

Я былъ арестованъ австрійскими жандармами 28-го августа 1914 г. въ 11 час. ночи и препровожденъ въ Терезинъ, въ Чехіи, вмѣстѣ съ священниками: Данииломъ Пирогомъ изъ Тихани, Николаемъ Феленчакомъ изъ Полянъ и крестьянами: Михаиломъ Куварою, Яковомъ Джореємъ, Лешкомъ Галадѣмъ изъ Мшанны и Яковомъ Пушкаремъ изъ Тыявы.

Путь къ западной границѣ Галичины былъ для насъ однимъ мученіемъ послѣдствіе издѣвательствъ со стороны населенія ж-дор. станцій, черезъ которыя приходилось переѣзжать. За границей Галичины было намъ оказано сочувствіе и даже матеріальная помощь со стороны чешскаго населенія.

Въ Терезинѣ былъ я заключенъ 29-го октябръ: безъ вопроса въ одиноч-

ную камеру, въ которой раньше сидѣлъ известный сербъ Габриновичъ и про- сидѣлъ тамъ полныхъ два мѣсяца, т. е. до 28 го декабря 1914 года, а затѣмъ былъ переведенъ въ общую арестантскую казарму.

7-го мая 1915 года былъ я отправленъ съ эшелономъ въ Талергофъ.

Селищ Влад. Дуркотъ
изъ с. Мысцовой, Кросвенскаго у.

Мы погрузились въ поѣздъ на главномъ вокзалѣ въ Львовѣ. Женщинамъ и священникамъ были отведены вагоны третьяго класса, а остальнымъ теплушки. Несмотря на дурное предчувствіе дальнейшей нашей судьбы, мы все таки радовались, что расстаемся съ львовскими Бригидками.

Начальникомъ транспорта былъ бродскій еврей. Намъ было строго воспрещено выглядывать и слышать съ вагоновъ, а конвойнымъ приказано приказывать неподчиняющихся установленному маршрутному порядку.

На жел.-дор. станціяхъ Моравіи истрѣчное населеніе спрашивало „кого везутъ?“ и получало отъ конвойныхъ и жел.-дор. прислуги отвѣтъ, что „руссофиловъ“. Между нами были также чехи, проживавшіе до начала войны во Львовѣ и попавшіе наравнѣ съ нами въ тюрьму. Они поясняли моравскому населенію мѣткими выраженіями, кого везутъ и изъ кого состоитъ транспортъ.

Подобныя разъясненія были въ нашу пользу. Кто-то изъ публики послалъ въ Прагу телеграмму и когда 29-го августа мы очутились въ Прагѣ, чешское населеніе оказало намъ радушный пріемъ; намъ казалось, что мы въ Прагѣ гости, а не обвиняемые въ предательствѣ. Чешскія жевщины подали намъ завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ вагоны.

Когда мы пріѣхали въ Терезинъ, насъ встрѣтили на вокзалѣ наши землячки украинофилы цинически-площад-

ной бранью и провожали насъ до самой крѣпости.

Въ крѣпости ощущался больше всего недостатокъ нижняго бѣлья, ибо насъ арестовывали въ чемъ попало.

Однако и тутъ насъ выручили чехи. Главной инициаторшей и организаторшей несенія помощи арестованнымъ галичанамъ являлись Анна Лаубе и Юліанна Куглерова. Онѣ занялись собираніемъ бѣлья и платя между чехами и такимъ образомъ имъ удалось устранить грязь, господствовавшую въ крѣпости. Являясь дважды въ недѣлю въ терезинскую крѣпость, г-жа А. Лаубе и Ю. Куглерова переодѣли почти всѣхъ узниковъ. Позже, когда государственнымъ чиновникамъ и духовенству начали выдавать жалованье, среди арестантовъ организовался „благотворительный комитетъ“ для несенія помощи тѣмъ изъ насъ, которые были лишены всякой поддержки. А такихъ было очень много, такъ какъ большинство ссыльныхъ составляли крестьяне. Помощь была необходима въ виду ухудшенія казеннаго пропитанія. Хлѣбъ выпекался вначалѣ изъ кукурузной и бобовой муки, а во время ухудшенія пищи, изъ каштановъ и картофельной муки пополамъ съ березовыми отрубями.

Главнымъ инициаторомъ этого благого дѣла былъ судья Григорій Глѣбовицкій, а весьма дѣятельное участіе въ „комитетѣ несенія помощи“ принимало

два православныхъ священника изъ Америки. Членами-попечителями этого благотворительнаго комитета были священники, госуд. чиновники и тѣ изъ крестьянъ, которымъ выдавались кавной суммы въ уплату за ввѣтые у нихъ въ первыхъ дняхъ войны военнымъ нѣдомствомъ лошади и рогатый скотъ.

Зимой въ Терезинѣ крестьяне выдѣлывали вмѣстѣ съ русскими военно-

плѣнными соломенные валенки для австрійской арміи. За это получили они по парѣ бѣлья и по парѣ старыхъ солдатскихъ ботинокъ. Въ праздники Рождества и Свѣтлаго Воскресенія Христова было намъ равнѣшено до вѣри сходить подъ конвоемъ въ костелъ.

Такъ прожили мы въ Терезинѣ до мая мѣсяца 1915 г.

А. Г. Полищукъ.

Похороны крест. Андрея Ѳеодоровича Рудко.

Живнѣ въ Терезинѣ была невеселая, но все таки спокойнѣе галицкаго ада. Голодали тѣ, у кого не было при себѣ денегъ. Со временемъ и это уладилось, голодающими занялся комитетъ чешскихъ женщинъ. Арестованные были вызываемы многократно на допросы и распределяемы на группы. „Опасные“ были отправлены въ Талергофъ, а „менѣе опасные“ опредѣлялись на конфинировку по нѣмецкимъ селеніямъ или же на военную службу.

На многихъ терезинцахъ отразили послѣдствія галицкихъ побоевъ, въ особенности на лицахъ постарше въкомъ. Тутъ скончался послѣ непродол-

жительной болѣзни 71 лѣтній Андрей Ѳ. Рудко. Похороны состоялись на Терезинскомъ кладбищѣ при участіи 15 лицъ галичанъ. Въ числѣ участвовавшихъ была жена покойнаго, Екатерина, землякъ Ѳеодоръ Андруховъ и 12 студентовъ, составившихъ хоръ. Тѣло сопровождалъ къ мѣсту упокоенія свящ. Заричій изъ Козлова, Бережанскаго уѣзда. Пѣніе хора привлекло многочисленную чешскую публику и такимъ образомъ бѣдные похороны сѣраго галицкаго арестанта пренратились въ величавое похоронное шествіе.

Иванъ А. Рудко.

Въ Терезіенштадтѣ.

(Рассказъ очевидца).

Объявленіе войны застигло меня въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ городовъ. Со дня объявленія Австріей войны Россіи, почтовое сообщеніе почти прекратилось, и я пересталъ получать письма отъ родныхъ изъ Галичины. На мои частые запросы, которые я посылалъ на родину, не было отвѣта. Только въ ноябрѣ 1914 года

я получилъ письмо отъ отца, изъ котораго я узналъ, что онъ арестованъ и находится въ малой Терезіенштадтской крѣпости. Въ концѣ декабря я получилъ опять письмо, въ которомъ отецъ просилъ меня немедленно пріѣхать къ нему.

Раздобывъ съ трудомъ немного денегъ и паспортъ, я отправился въ дорогу. На станцію Терезинъ нашъ

поѣздъ прибылъ ночью. Отправиться сейчасъ же въ городъ было трудно. На вокзалѣ не оказалось ни одного извозчика, а до города, какъ я узналъ, было довольно далеко. Пришлось до утра оставаться на вокзалѣ.

Кромѣ меня, на вокзалѣ оказались еще два желѣзнодорожныхъ служащихъ, съ которыми и вскорѣ вступилъ въ разговоръ. Отъ нихъ я узналъ, что въ городѣ находятся русскіе плѣнные, а кромѣ того, около 1.200 русскихъ изъ Галичины, часть которыхъ занята при чисткѣ города.

Въ словахъ моихъ собесѣдниковъ пробивалась искра симпатіи къ нашимъ узникамъ; чувствовалось, что имъ понятны ихъ страданія, понятно и дѣло, за которое они страдаютъ. Однако же, открыто они не высказывались. Видно было, что они что-то скрываютъ, боясь, повидимому, раскрыть свою душу передъ чужимъ, незнакомымъ имъ человѣкомъ. Чтобы устранить это чувство недовѣрія къ себѣ, я рассказалъ имъ о дѣлѣ моего пріѣзда — что среди арестованныхъ галичанъ находится и мой отецъ и что я пріѣхалъ повидаться съ нимъ.

Моя откровенность, повидимому, окончательно устранила недовѣріе моихъ собесѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ тутъ же признался мнѣ, что онъ чехъ и что и у него нѣсколько родныхъ — чеховъ арестованы и находятся въ настоящее время въ Іосифштадтѣ.

Въ бесѣдѣ съ желѣзнодорож. служ. я просидѣлъ до утра. Рано утромъ я простился съ ними, отправился въ городъ и скоро очутился у воротъ „малой крѣпости“.

На улицѣ передъ огромнымъ зданіемъ цитадели, подъ сильнымъ конвоемъ работала группа людей. Я почувствовалъ, что это они — наши га-

лицкіе крестьяне. Дрожа отъ глубокаго волненія, я подошелъ къ нимъ и привѣтствовалъ ихъ по нашему:

„Слава Іисусу Христу!“

И въ отвѣтъ я услышалъ знакомыя, родныя слова:

„Слава навѣки!“

Грусть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радость пробивалась на ихъ исхудалыхъ лицахъ. На глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ показались слезы. Десяткомъ рукъ потнулось ко мнѣ, стараясь пожать мою руку, надѣясь, быть можетъ, узнать хотя что-нибудь о родинѣ. Но конвойные не пустили ихъ ко мнѣ, мнѣ же приказали сейчасъ же уходить прочь.

Я ушелъ и долго еще чувствовалъ ихъ скорбный взглядъ, которымъ они молча провожали меня, незнакомаго, но все-таки близкаго имъ человѣка.

Я отправился къ тюремному сторожу и объяснилъ ему дѣлъ моего прихода. Онъ сказалъ мнѣ, что отца я могу видѣть только съ согласія маіора, который имѣетъ право выдавать разрѣшенія на свиданіе съ заключенными. Пришлось идти къ маіору. Послѣ краткихъ объясненій онъ выдалъ мнѣ письменное разрѣшеніе на свиданіе, которое, однако, можетъ продолжаться не больше часа. Времени оставалось еще много, и я отправился въ городъ.

Характеръ города чисто чешскій. Почти всѣ гостиницы и лавки — чешскія, и только на одномъ зданіи красуется нѣмецкая надпись „Deutsches Haus“. На улицахъ масса военной публики; штатскихъ сравнительно меньше.

Но часъ свиданія приближается. Я отправился опять въ крѣпость. Уладивъ всѣ формальности, я отправился въ сопровожденіи прапорщика-чеха въ камеру, въ которой находился мой отецъ. По дорогѣ, проходя мимо другихъ ка-

меръ, я встрѣчалъ много знакомыхъ лицъ. Товарищи и знакомые окружили меня и забрасывали меня со всѣхъ сторонъ массой вопросовъ. Я отвѣчалъ на ходу, такъ какъ останавливаться мнѣ не было разрѣшено.

Наконецъ, мы вошли въ камеру моего отца. Онъ лежалъ на полу, прикритый слегка грязной соломой...

Сцены нашей встрѣчи въ столь неожиданныхъ условіяхъ я описывать не стану.

Насъ сразу же окружила группа знакомыхъ, которая увеличивалась все больше. Вѣсть о томъ, что въ крѣпость прибылъ землякъ изъ Галичины, мигомъ разнеслась по всѣмъ камерамъ. Каждый старался поздоровиться съ новымъ человѣкомъ, каждый, повидимому, надѣялся узнать кое-что о своей родинѣ, каждый хотѣлъ передать коротенькую вѣсть о себѣ своимъ близкимъ въ Галичинѣ. Всѣ спрашивали о томъ, долго-ли продлится еще война, долго ли еще придется имъ сидѣть въ Терезіенштадтской тюрьмѣ.

Такъ мы просидѣли вмѣстѣ только около 10 ти минутъ. Сопровождавшій меня прапорщикъ потребовалъ, чтобы я съ отцомъ отправился въ комнату, предназначенную для разговоровъ, ибо мнѣ разрѣшено свиданіе съ однимъ только отцомъ.

Пришлось проститься съ земляками и отправиться въ пріемную комнату. По дорогѣ повторились тѣ же сцены. Группы нашихъ людей, узнавшихъ о моемъ пріѣздѣ, выходили изъ своихъ камеръ, обступали насъ со всѣхъ сторонъ, здоровались и забрасывали опять тысячами вопросовъ.

Въ пріемной мы разговорились. Отецъ рассказалъ мнѣ о своемъ арестѣ, о страшныхъ сценахъ, какія разыгры-

вались на улицахъ Львова и на вокзалѣ въ то время, когда нашихъ узниковъ начали вывозить въ Австрію, и о зѣвскихъ издѣвательствахъ львовской толпы надъ арестованными. Въ Терезіенштадтѣ ихъ привезли въ лѣтнихъ платьяхъ. Почти ни у кого-не было денегъ, бѣлья чистаго нельзя было купить, ѣсть давали скверно и относились къ узникамъ очень строго. Такъ жилось нашимъ узникамъ въ Терезіенштадтѣ полныхъ 4 мѣсяца, пока военный судъ не просмотрѣлъ актовъ, относящихся къ заключеннымъ. Начались допросы, изъ которыхъ начало выясняться, что арестованные ни въ чемъ неповинны. Вслѣдствіе этого отношеніе къ нимъ властей стало немногимъ лучше. Узникамъ позволили въ извѣстные часы дня встрѣчаться другъ съ другомъ и, вообще, жизнь стала сносѣе и легче.

Но время незамѣтно уходило. Присутствовавшій при разговорѣ прапорщикъ поднялся и заявилъ, что разговоръ конченъ. Я простился съ отцомъ и, рѣшивъ еще на слѣдующій день опять посѣтить „малую крѣпость“, отправился въ городъ.

На слѣдующій день, въ первый день праздника Рождества Христова, я опять отправился къ отцу. Цѣлый часъ мы разговаривали съ нимъ, а затѣмъ прапорщикъ увелъ отца въ его камеру, оставляя меня въ пріемной. Тутъ я воспользовался случаемъ и, вмѣсто того, чтобы идти въ городъ, отправился на верхъ, въ камеру, въ которой находились мои друзья и знакомые. Съ искренней радостью встрѣтили они меня и рѣшили угостить обѣдомъ. Они объяснили мнѣ, что всѣхъ ихъ надзиратели не знаютъ лично, такъ что присутствіи чужого человѣка не замѣтятъ. Такъ и случилось. Мнѣ дали чашку супа съ

кусочкомъ мяса и чашку капусты и картофеля. Начали обѣдать. Камера быстро оживилась. Вопросы и порученія сыпались со всѣхъ сторонъ. Вспоминались чудные праздничные дни Рождества Христова на родной землѣ. Изъ устъ многихъ слышались меланхолическіе вопросы :

— Какъ проводятъ этотъ свѣтлый праздникъ тамъ — на родинѣ ?!

Пополудни пришлось проститься съ ними и идти назадъ. Скоро я уѣхалъ совсѣмъ изъ Терезиенштадта и, послѣ долгихъ мытарствъ, пробрался въ Галичину.

Въ день Рождества Христова я послѣдній разъ видѣлъ ихъ тамъ, въ далекой австрійской крѣпости.

А. К.
„Прик. Русь“ 1915 г. № 1594

Малая крѣпость въ Терезинѣ.

Твой плачъ, твой стонъ покажется смѣшнымъ, и будетъ все ужасно мрачно.
М. Ю. Лермонтовъ.

— Всѣ вы, псы, здѣсь подохнете; одинъ студентъ только выкрутится — скажетъ вахмистръ на прощаніе.

Терезинъ, маленькій городокъ, лежитъ на рѣчкѣ Огрѣ. Та часть, куда загнаны были изгнанники, называется малой крѣпостью. Стѣны, почернѣвшія отъ времени, пасмурныя и имѣющія вмѣсто оконъ маленькія дыры, производятъ тяжелое впечатлѣніе, грустно-романтическое. Онѣ образуютъ длинныя и довольно высокіе валы, словно насыпи, которые всецѣло напоминаютъ средне-вѣковыя. На валахъ казармы. Когда-то въ нихъ помѣщались солдаты, и тутъ было все, что необходимо для воинскихъ крѣпостныхъ нуждъ : конюшни для лошадей, склады оружія и пороха, амбары для зерна, хлѣба и соломы; воя, корчма, жилища для женатыхъ, всякаго рода погреба, ямы, конурки и разныя тюрьмы : общія темницы и полутемницы. Входъ въ этотъ лабиринтъ былъ возможенъ только съ двухъ концовъ черезъ тѣспія, оберегаемыя часовыми воротами.

Всѣ валы описывали квадратъ, въ срединѣ котораго лежала площадь для упражненія солдатъ, загорода для лошадей, разныя участки для артиллеріи, кавалеріи, обоза — однимъ словомъ, малая крѣпость лишь называлась малой, а въ самомъ дѣлѣ она была огромнымъ, неуклюжимъ, съ множествомъ гадовъ, лягушекъ, крысъ, мышей, пшавовъ, червей и прочей гадости старымъ званіемъ, въ полутемныхъ, сырыхъ и душныхъ корридорахъ, въ которыхъ свисталъ неизвѣстно откуда задетающій вѣтеръ. На валахъ, заросшихъ травою, были устроены укрытія изъ-за которыхъ солдаты должны были отбивать наступающаго врага. На эти валы можна выйти только черезъ маленькія ворота; а тамъ уже рвы съ водою и безъ воды. Таковъ приблизительно Терезинъ !

— Ну, солдаты могли жить въ крѣпости, то почему бы вы, измѣнники, не могли жить въ ней? — пробормоталъ нѣмецъ, тюремный ключникъ.

Что-жъ на это отвѣтить? Напрасно отвѣчать и доказывать, что солдаты

выбранный, здоровый, молодой народъ, что все таки были размѣщены по нѣсколькимъ человѣкамъ въ комнаты и только ночью тамъ бывали, когда спали, а все прочее время они проводили на воздухѣ, въ постоянномъ движеніи и занятіи.

— Ну, ну ! — опять пробормоталъ нѣмецъ и ушелъ, покуривая трубку.

Старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ, какъ тутъ жить въ наводѣ, еще невосхителъ послѣ ухода лошадей, на голыхъ камняхъ, гдѣ лежало одно желѣзо или стояли подводы? Не всѣ могли попасть въ комнаты, т. е. казармы. Большая часть была загнана въ полутемныя конюшни и темные погреба, и всѣ вмѣстѣ были окружены численными часовыми, ключниками, профоссами, у которыхъ хранились ключи отъ дверей, подваловъ, погребовъ, сараевъ и казармъ.

Дальше у воротъ стоялъ тоже часовая, а ключи отъ воротъ находились у надзирателя. Команда солдатъ и тюремная прислуга подчинялись коменданту крѣпости. Какая жизнь могла быть въ такой обстановкѣ, среди камней? Неудивительно, что изгнанные люди затосковали, поглотили, ослѣпли, съ ума посходили. И неудивительно, что они однимъ хоромъ, явившись впервые на валы и сбившись въ одну кучу, затянули: Пречистая Дѣво, мати Русскаго краю !

Народъ глѣлъ съ чувствомъ, слезами, надеждой и вѣрой въ силу русскаго духа, въ чистоту и правоту свою.

Ибо были тамъ люди, совершенно ни въ чемъ неповинные.

Можно ли кого-нибудь бить, арестовать и заключать въ тюрьму лишь за то, что онъ любитъ свою землю, что исполняетъ и хранитъ завѣты своего края и не хочетъ измѣнить своему народу? Да кромѣ того, тамъ были жертвы,

никогда политикой незанимающіяся и непонимающія ея. Возьмемъ г. жу Демьяничка, жену священника. Въ томъ ли вина, что она жила у Перемышля, австрійской крѣпости? Ея мужа увезли мадьяры на мадьярщину. На слѣдующій день увели двухъ ея сыновей студентовъ и дочь-учительницу. Осталось дома четверо дѣтей, дѣвочка 14-ти, мальчикъ 12-ти лѣтъ и двѣ маленькія дѣвочки. Старшихъ выслали г-жа Демьяничка въ мельницу за мукою, но что случилось? Ихъ арестовали мадьярскіе солдаты, дѣвочку выслали на мадьярщину, а мальчика въ нѣмецкіе края. На слѣдующій день арестовали и самую несчастную мать. Ее разлучили съ дѣтьми, изъ которыхъ одному было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Гдѣ же здѣсь политика? Стоило только посмотрѣть на эту женщину, какъ она ходила, какъ слезы проливали...

Миша страшно жалѣлъ того, что не записалъ себѣ имени одного гимназиста IV класса, недюдамаго, пугливаго и постоянно двигающагося. Возможно, что онъ еще живъ. Когда ключникъ Зальманъ, грубый и отвратительный человѣкъ, крикнетъ, то онъ ватрепещетъ и убѣгаетъ въ толпу. Причина этой боязни состояла въ слѣдующемъ : онъ пасъ лошадей въ селомъ; вдругъ появилась конная мадьярская развѣдка. Не надумываясь, уланы повѣсили его на дерево. Веревка, однако, разорвалась, и онъ упалъ на землю; послѣ этого его избили ногами, но все таки второй разъ уже не вѣшали и въ селѣ передали жандармамъ.

Сумасшедшій Сильвестръ — отчего сошелъ съ ума? Толку у него не добьешься; онъ бѣгаетъ, всѣмъ честь отдаетъ по воински, говоритъ какія-то непонятныя слова, приказываетъ, ко-

Мандуетъ, падаетъ на землю, молится, крестится, плачетъ. Второй сумасшедшій вассиланинъ — монахъ. Говорили, что въ тюрьмѣ онъ долженъ былъ нинимательно смотрѣть за священниками. Должно быть, у него была совѣсть, если сошелъ съ ума. Увидѣвъ Зальмана, овъ бросался на него съ кулаками и кричалъ на все подворье. Его увезли, но выдоровѣлъ ли онъ?

Види постоянно солдатъ да штыки вокругъ себя, види тяжелые желѣзные кандалы на ногахъ молодого, худощаваго, красиваго юноши Гевры, выходившаго лишь на полъ часа изъ темницы на узенькое подворье, будучи запертыми въ дырахъ съ тяжелой дверью, за окнами которыхъ мелькалъ штыкъ, студенты и гимназисты, съ ними и крестьяне, твердили одну пѣсенку:

Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно;
Днемъ и ночью часовые
Стерегутъ мое окно.

Подумали, подумали нѣмцы и придумали достойное для „измѣнниковъ“ занятіе: чистить терезинскіе каналы, грязныя улицы, отхожіе мѣста. И возы должны они сами тянуть. Когда кончилась эта работа, ихъ заставили равнять дороги вокругъ холерныхъ барачковъ, а наконецъ вязать соломенныя калоши для фронтовыхъ солдатъ.

Все это ничего бы, но какое нибудь вознагражденіе должно бы быть, ну хотябы побольше хлѣба, кусокъ мыла, одна рубашенка. Ничего, а вдобавокъ простая уличная ругань. Если бы кто посмѣлъ поспорить, то онъ моментально попадалъ въ отдѣльную тюрьму. И каждый день отводить туда Зальманъ, то одного, то нѣсколькихъ вмѣстѣ. За что же? За то, что кто-то бросилъ кусокъ хлѣба

русскому военно-плѣнному, за то, что дѣвушка-крестьянка вмахнула платкомъ и Принципъ остановился, за то, что въ казармѣ было шумно, когда русскими была взята Перемышльская крѣпость, за то, что жидъ сдѣлалъ доносъ на своего сосѣда.

Горе-тоска заѣдала и интеллигента и крестьянина. Вши заѣдали всѣхъ безъ различія и безъ исключенія. Дошло до того, что они лавили по землѣ; ихъ можно было видѣть въ соломѣ; они облѣпили тѣло и глодали, какъ мыши, солому.

Когда закрывалась дверь, то иногда всю ночь нужно было истреблять отвратительную нечисть. Конечно, многіе пали духомъ. Молодежь бодрилась.

— Вы все одно я тоже поете: да-гей. Я вамъ спою нашу коломыйку— обратился Миша къ засѣвшимъ у стола товарищамъ.

— Пой, пой! — закричало вмѣстѣ нѣсколько голосовъ. Прочіе лишь улыбнулись, ибо знали, что у Миши не было ни голоса ни слуха.

— Вниманіе! я стану запѣвать, а вы повторяйте, какъ это нашъ народъ дѣлаетъ.

— Хорошо, только начинай!

И Миша спѣлъ слѣдующую коломыйку:

1.

Ой вы, воши, мои воши,
Проклятіи воши,
Чого вы позаводили
Такии дебоши?

2.

Чи вы, воши, показились,
Чи вы подурѣли,
Що вы мое бѣдне тѣло,
Якъ хмара, присѣли?

Ссылные въ Дровендорфъ.

Ссылные въ Гроссавъ.

3.

Ой цѣсаре, цѣсароньку,
Цѣсароньку — панку,
Ой выпиши, цѣсаровьку,
Въ Терезинѣ бранку.

4.

Ой цѣсаре, цѣсароньку,
Пане нашъ, хорошій!
Ой выпиши въ Терезинѣ
Ты бранку на воши.

5.

Въ Терезинѣ наберешь
Ты ихъ милліоны,
На що тобѣ сичевики,
Якійсь легіоны!

6.

Ними ты позаповняешь
Свои регименты,
Ними ныплатишь довги всѣ,
Довги и проценты.

7.

Ними заорешъ, заѣшешъ,
Ты свою державу,
Они тобѣ принесутъ
Великую славу.

Громъ хохота наполнялъ черную казарму. Потребовали, чтобы Миша повторилъ коломыйку, но онъ свалился въ берлогу и не отвѣчалъ ни слова. Слезы лились по его лицу, досада давила его за горло. Онъ не могъ проговорить; душно ему стало и невыносимо.

Все небо заволочлось одной сѣрой тучей. Въ высотѣ она носилась легкимъ снѣгомъ и на землю падали лишь капли мелкаго дождя. Такова зима на чешской землѣ.

Прикрытые мѣшками, вшивыми одѣялами и прочимъ дряннымъ лах-

мотьемъ ходили, согнувшись въ три бѣды, люди по черной землѣ крѣпостного вада то въ одну, то въ другую сторону. Миша стоялъ на холмикѣ и смотрѣлъ на городъ. Изъ трубъ мельницы и винокурни валилъ черный дымъ. Ни домовъ, ни большой крѣпости, выстроенной по плану какого-нибудь инженера полковника Никласа Штейметца, совсѣмъ не было видно. Миша сдѣлалъ поворотъ, чтобы посмотрѣть на Рудогоры, но и они исчезли въ туманѣ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Австрія стояла на клерикальных устояхъ. Этого нельзя было не замѣтить и въ тюрьмѣ. Когда народъ коченѣлъ на холодѣ, профоссы приказали чистить казармы, подворье и коридоры, не напрасно бранили „предателей и шпионовъ“. Завтра Рождество и даже для Сильвестра, совершенно помѣшаннаго человѣка, стало очевидно, что придетъ начальство. И представте себѣ, кто явился, когда народъ опять былъ загнанъ въ казармы? Самъ господинъ маіоръ въ сопровожденіи двухъ профоссовъ и трехъ ключниковъ!

Не могли „арестанты“ казармы № 4 понять почему внутри ихъ помѣщенія при ступившемся мракѣ на дворѣ просвѣтлѣло, какъ будто солнце оварило его. Причина этого чуда ясна и понятна: господинъ маіоръ вошелъ въ казарму, маіоръ съ краснымъ лицомъ и молніеносными глазами. За рѣшеткой вошелъ мѣсяцъ на магометанской фескѣ часового-босняка и засіялъ новый штыкъ на его коротенькой винтовкѣ. Какъ же, спрашивается, не просіять хмурой казармѣ?

Маіоръ любилъ порядокъ прежде всего и зналъ чинопочитанье и дисциплину, какъ свою золотую звѣзду. Онъ подошелъ къ старостѣ казармы и велѣлъ

ему высказать пожеланія. Староста сдвинулъ плечами, не зная съ чего начать; потомъ опомнился.

— Мы желаемъ, господинъ маіоръ, вмѣсто пражухи, отъ которой у всѣхъ болятъ желудки, получать черное кофе; нужны намъ рубашки, ботинки, мыло.

Маіоръ посмотрѣлъ на него своимъ молніеноснымъ взглядомъ и прошелся, осматривая лишь верхушки головъ, мимо выстроившагося ряда. Въ концѣ онъ остановился напротивъ Миши.

— Pardon, ты кто, а?

— Чоловѣкъ!

— Pardon, вижу, что не конь! но кто ты таковъ? —

— Русскій!

— И безъ этого знаю, pardon! Всѣ вы такіе! Изъ бумагъ мы знаемъ еще больше твоего признанія. Спрашиваю, по чину кто ты таковъ?

— У меня еще нѣтъ никакого чина, я — студентъ только.

— Pardon, такъ и говори! Сразу видно, что дисциплины не знаешь. Pardon, а у тебя есть какаянибудь жалоба или пожеланія?

— У меня нѣтъ ни малѣйшей жалобы, но есть желаніе: у насъ на нашей родинѣ существуетъ обычай вносить на святой вечеръ содому въ хату. Прикажете выдать намъ соломы, ибо эта очевишная; спать нельзя.

Нахмуривъ лобъ, маіоръ отступилъ къ дверямъ.

— По случаю, pardon, святого вечера получите по одной селѣдкѣ и соломѣ, а дверь будетъ открыта до 9-ти часовъ. Pardon, да получите! — произнесъ онъ важно и ушелъ.

Съ его уходомъ тѣма опять наполнила казарму; всѣмъ чего-то стало смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно. Принесли солому, раздали, каждый сдѣ-

лалъ, какъ можно лучше, свою берлогу. Выдали селѣдки и хлѣбъ. По мѣрѣ приближенія вечера всѣ становились задумчивѣе, грустнѣе и молчаливѣе. Наступила какая-то таинственная тишина; между тѣмъ сердце у каждаго молотомъ билось; воспоминанія настойчииво вселились въ горемычныя головы. Думалъ священникъ, годъ тому назадъ читавшій у своего алтаря божественныя молитвы; думалъ крестьянинъ, годъ тому назадъ ходившій по своему двору, приготовлявшій сѣно на столъ и для скота; думала хозяйка, сутившаяся среди свѣихъ слугъ; думалъ студентъ и безусый гимназистъ, и каждый свое. Одинъ только Петръ Кондратьевичъ Швайка — царство ему небесное! — весело бѣгалъ изъ казармы въ казарму. Ему удалось, когда поѣхалъ съ возомъ на работу въ городъ, при помощи чешки Лаубе купить кое-что, чѣмъ онъ теперь и торговалъ.

Въ казармѣ № 4 начался святой вечеръ рѣчью священника Генсерскаго; затѣмъ соборнымъ хоромъ подъ управленіемъ Галушки были спѣты колядки: „Богъ предвѣчный“, „Небо и земля“. Послѣ этого разбѣжались, пользуясь маіорской льготой, кто-куда: одви къ янакомымъ священникамъ, другіе къ женищинамъ, третьи на „запорожье“.

Что такое запорожье? Такъ назывались темные погреба, лежащіе вдоль Огры. Названіе это они получили отъ того, что были отгорожены отъ прочихъ казармъ узенькимъ корридормъ съ маленькой калиткой на высокомъ порогѣ. Погребъ имѣли видъ моста лукообразной формы. Жили въ нихъ одни крестьяне. Каменная дорожка отдѣляла два ряда соломы, лежащей вдоль черныхъ стѣнъ. Свѣтъ лампочки былъ закрытъ развѣ-

шеннымъ на веревкахъ тряпьемъ. Влетѣвшіе сюда студенты стали говорить рѣчи, утѣшать, обнадеживать, поздравлять съ праздниками, цѣловать, кого попало. Одинъ Миша дальше порога не могъ продвинуться; видъ изнуренныхъ, тревожно жалостныхъ лицъ поразилъ его, какъ еще никогда, и приковалъ къ землѣ. Большой трепетъ овладѣлъ его сердцемъ. Несмотря на то, что самъ былъ крестьянскимъ сыномъ, онъ боялся подойти къ крестьянамъ, обмануть или обидѣть ихъ неосторожнымъ словомъ. Не желая кривить душою, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что въ тюрьмѣ онъ не въ состояніи помочь чѣмъ-либо; впрочемъ онъ чувствовалъ, что неподготовленъ навязывать другому свои мысли, учить и вести другого. Студенты, какъ влетѣли, такъ вылетѣли изъ погреба; но Миша стоялъ на прежнемъ мѣстѣ:

Чтобъ съ небомъ землю въ одно
злучити,
Христосъ родился — славите!

Чудное видѣніе озаарило Мишу; ему показалось, что кружокъ крестьянъ на соломѣ, поющій и тонушій въ сумеркахъ тюрьмы, есть семьею пастырей, о которыхъ внаетъ каждое христіанское пятнадцатое дити. Передъ Мишей явился впервые лучезарный, чистый, несокрушимый ликъ Христа, свершавшаго сверхчеловѣческой подвигъ на грѣшной землѣ, идущаго въ народъ въ имени своего Отца небеснаго, любви и смиренія.

Въ это время къ нему подошелъ его односельчанинъ Иванъ Олейникъ — да будетъ ему земля церомъ! — и попросилъ его въ глубь погреба.

— Расскажите намъ исторію, вы такъ долго и многому учились.

— Дядя, ничего я не знаю. Въ гимназіи я мало учился, а теперь и то

забылъ. Не знаю даже исторіи родного народа и теперь хочу научиться чему-нибудь.

Иванъ вскинулъ плечами и потянулъ его за руку. Онъ остановился по срединѣ погреба. Пѣсня лилась одна за другою, и звуки ея пронизывали насквозь все сердце Миши. Онъ вышелъ и, вернувшись въ свою казарму, палъ на солому. Онъ почувствовалъ сильную боль въ сердцѣ, кровь ударила въ голову, въ его глазахъ потемнѣло; но потомъ обдала его какая то весьма пріятная струя, и наконецъ, онъ ничего не помнилъ, что съ нимъ случилось. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ около четверти часа. Страшный крикъ разбудилъ его отъ этого безчувственного сна.

Что случилось?

Вздумалось не кому иному, какъ Петру Кондратьевичу вступить въ переговоры съ чехомъ, взводнымъ Вольскимъ, который признался, что любитъ русскихъ и жалѣетъ, что такъ страдаютъ. Пылкій Швайка не выдержалъ, протянулъ черезъ рѣшетку руку чеху и прильнулъ устами къ желѣзу, желая его поцѣловать. Въ этотъ мигъ закричалъ слѣдившій за чехомъ вахмистръ румынъ во всю глотку:

— Предательство, предательство!

На дворѣ и въ казармахъ произошло страшное замѣшательство.

Часовой, допустившій не своего разводничаго къ окну, сейчасъ былъ смѣненъ. Въ казарму № 4 вывалился вооруженный караулъ съ вахмистромъ и профоссомъ.

— Кто цѣловалъ? — крикнулъ профоссъ.

— Никто! — отвѣтилъ староста — по обычаю нашей земли мы всякому, мимо окна проходившему, высказываемъ свои благопожеланія. Мы повторили

въводному то, что и вамъ, господинъ профоссъ, раньше говорили.

— Молчать, собаки вы поганья! — выходилъ изъ себя худенькій профоссъ.

Все это было напрасно; ни профоссъ, ни вахмистръ не добились желаемого успѣха. Съ шумомъ они ушли, хлопнувъ одной и другой дверью. Послѣ ихъ ухода въ казармѣ стали думать, что дѣлать.

— Нечего намъ бояться; дальше тюрьмы не пойдемъ; разрѣшите мнѣ

* * *

Изъ тысячи арестованныхъ спало едва нѣсколько человѣкъ. Поздно въ ночь заливалось колясками запорожье. Всю ночь пробивались думы-молитвы сквозь черныя стѣны тюрьмы и неслись на родину, въ родныя хаты. И небо прояснилось, и ночь стала свѣтлѣе. Въ

* * *

Терезинѣ былъ вѣнъ вниманія властей и закона. Кромѣ спяваго Зальмана въ казармы никто не заглядывалъ. Жизнь однако въ нихъ текла, пробиваясь сквозь страшныя преграды. Чтобы не погибнуть, народъ принялся отражать призраки смерти: старательно производилась стирка тряпья, чистка казармъ: появились камни, койки, мѣшки съ соломой, подушки, мыло, гребешки.

Откуда все это приходило въ казармѣ? Во первыхъ откликнулось чешское общество, которое посредствомъ благородной женщины Лаубе прислало поношенное платье, обувь, шапки, бѣлье. Во-вторыхъ народъ приносилъ, возвращаясь съ работы, куски досокъ, дерева и дѣлалъ себѣ койки. При чистотѣ не

завтра сказать, что я цѣловалъ Вольскаго — сказалъ Миша.

— Рѣшительно нельзя! — раздались голоса.

— Тише братцы! у меня хорошая мысль: скажемъ, что мы всѣ по очереди цѣловали чеха, цѣловали ради великаго праздника! — съ воодушевленіемъ предложилъ единственный въ этой казармѣ, всѣми любимый, священникъ Генсерскій.

И всѣ пріумолкли; всѣмъ понравилась его мысль.

* * *

ту же ночь была рѣшена участь чеха Вольскаго. Онъ былъ арестованъ и на слѣдующій день отправленъ въ Карпаты; тамъ его заставили поддерживать педикую грѣшницу, разбитую внутри собственными параличами, на вѣнъ смятую могучимъ шестивіемъ русской стихіи.

* * *

стало мѣста для насѣкомыхъ. Казармы и глухіе погреба превратились въ жилища. Вотъ на что способенъ русскій человѣкъ! И люди сошлись другъ съ другомъ; всѣ стали одною семьею, всѣ жили прошлымъ, разсказами, воспоминаніями и будущимъ, убѣжденной вѣрой въ полную побѣду; и пополамъ съ горемъ и слезами жилось кое-какъ въ Терезинѣ. Вскорѣ и эта жезнь была разстроена нѣмцами.

Пришла весна. Въ одинъ свѣтлый и солнечный день люди были выгнаны изъ казармъ на широкое подворье; пересчитаны, запломбированы въ вагоны и увезены въ Талергофъ.

В. Р. Ваврикъ.
изъ разсказа: „Въ подворотѣ“.

Документы, сохранившиеся у г-жи Лаубе*).

Осенний день. Грустно льет солнце свои холодные лучи на долину, разрыванную рѣкою Огрою. Рудогоры не въ туманѣ, но покрыты полосками блѣдныхъ пятенъ. Терезинъ, недавно еще именуемый нѣмцами Терезиенштадтомъ, отдѣлился отъ черной земли своими бѣлыми и красными стѣнами. Судьба угодно было связать мартирологию Галицкой Руси какъ разъ съ этимъ Терезиенштадтомъ.

Смертная боль наполняетъ сердце и отъ слезъ темнѣетъ въ глазахъ. Вотъ та же мостовая дорога, по которой въ 1914 году шло ровно 1.000 русскихъ галичанъ. Точно тѣ же камни, на которые капали не одни горькія слезы, на которые брызнула кровь изъ разбитой,

босой ноги не одного крестьянина и на которые лился черный соленый потъ не одного хилаго старика. Точно тѣ же красныя, кирпичныя стѣны крѣпостного лабиринта, тѣ же длинные рвы и клоаки, тѣ же насыпи, тѣ же ворота и тѣ же тюрьмы! На крѣпкихъ основахъ вогдвигнуть Терезиенштадтъ!

Сохранившиеся документы послужатъ намъ доказательствомъ этого. Г-жа Лаубе и Юлія Куглеръ не сразу согласились ихъ мнѣ выдать. Опасаясь, чтобы они не пропали на почтѣ я переписываю все, что написано на клочкахъ бумаги. Подлинники пусть хранятся, какъ наследство, для грядущихъ поколѣній Галицкой Руси.

1. Письмо д-ра Владимира Лаврецкаго къ г-жѣ Аннѣ Лаубе.

Вѣна, 8-го іюля 1917 г. Благодороднейшая г-жа Лаубе!

Въ виду того, что я не владѣю чешскимъ языкомъ на столько, чтобы я могъ писать безъ ошибокъ, и въ виду того, что нѣтъ возлѣ меня такого человека, который мнѣ помогъ бы составить письмо по чешски, я принужденъ отвѣтить Вамъ на Ваше письмо по вѣмцки.

Весьма и сердечно я вамъ благодаренъ за вещи, которыя вы мнѣ прислали 4-го сего мѣсяца. Я долженъ вамъ сообщить, что онѣ стоятъ гораздо болѣе, чѣмъ вы цѣной обозначили. Все приготовлено превосходно, тѣмъ болѣе, что такихъ вещей нельзя уже получить въ Вѣнѣ. Но на какомъ основаніи я —

Вамъ чужой человекъ — беру ихъ отъ Васъ? За что такое снисхождение?

Какъ вамъ извѣстно, меня перевели въ началѣ марта 1915 года изъ Терезина въ Будневицы и на доносъ одного еврея меня посадили въ тюрьму, гдѣ послѣ истеченія 6-ти мѣсяцевъ, приостановлено противъ меня разбирательство. Между тѣмъ пришелъ второй новый доносъ, на основаніи котораго меня препроводили въ Пражскій дивизионный судъ. Меня обвинили, что я будто бы изготовлялъ бомбы. Въ іюнѣ мѣсяцъ явился еще одинъ доносъ, что я измѣнялъ государству и я былъ выданъ Вѣнскому дивизионному суду. Такимъ образомъ разбирательство и допросы не прекращаются и послѣ трехлѣтней тюрь-

*) Эти документы получилъ я въ 1922 году отъ г-жи Лаубе, нарочно съѣздивши къ ней въ Терезинъ — В. Р. В.

Ссылные въ Чаславѣ въ Чехахъ.

Сидятъ: о. Владиславъ Мохнацкій, г. Іосифъ Жантовскій, г. Михаилъ Гумецкій. Стоятъ: о. Михаилъ Еднакій, о. Іосифъ Марицкій.

Семья Лаубовыхъ общинаваемая „Маминка“ въ Терезиенштадтѣ. Въ серединѣ Процькъ сынъ пок. Ивана, редактора „Науки“.

мы я еще не получилъ обвинительнаго акта, котораго я жду съ нетерпѣніемъ.

Я удивлюсь самъ себѣ и силѣ моего отпора, что мое здоровье вадло-малось очень мало, несмотря на то, что я въ трехлѣтней тюрьмѣ перенесъ ужаснѣйшія душевныя муки. Теперь я уже оставилъ всякую надежду и не ожидаю освобожденія отъ мученій. Ужасъ терзаній, пытку, надруганія всякаго рода, голодъ и прочія лишенія, которыя несетъ съ собою арестъ, я переношу съ стойкимъ спокойствіемъ и силу къ жизни черпаю въ сознаніи, что я совершенно не виновенъ, что моя совѣсть чиста —

* * *

Терезинская крѣпость была названа нѣмцами: die kleine Festung, по-чешки она называлась и называется mala pevnost. На самомъ дѣлѣ это не малая, а большая крѣпость съ многочисленными бастионами, сильными укрѣпленіями и военными устройствами со временъ Маріи Терезіи и ея сына Іосифа II. Милліоны кирпичей въ, землѣ и надъ землею, ровные и глубокіе рвы, всякаго рода казармы для солдатъ и постройки для лошадей, снаряженія и хлѣба доказываютъ, что не мало потрачено человѣческой силы, народнаго добра и времени. Не поддежить сомнѣнію, что тамъ таскалъ камни и бродилъ по грязи „вѣрный найснѣйшему пану Русинъ“.

Тотъ же преданный и вѣрный рабъ былъ загнанъ штыкомъ и прикладомъ въ мокрое подземелье, въ темные и сырые погреба, въ вонючія клоаки и конюшни, которыя строилъ его дѣдъ-рабъ. Судьба знаетъ зло посмѣяться, но такъ, какъ она посмѣялась надъ русскимъ галичаниномъ, не смѣялась ни надъ однимъ народомъ. Въ то время

я даже горжусь этимъ, что я мучусь такъ страшно единственно и исключительно черезъ мое національное чувствѣ. Крѣпко убѣжденъ я, что доноски, которые ввергли меня въ муки, не уйдутъ отъ должнаго наказанія и правда восторжествуетъ.

Если Вамъ не тяжело, прошу прислать мнѣ сухарей, сахару, шоколадъ и проч. непортящіеся вещи, за что буду вамъ очень благодаренъ. Съ чувствомъ глубокаго къ Вамъ почтенія, остаюсь преданнымъ—д-ръ Владиміръ Лаврецкій. Wien, IX. K. u. k. Garnisonsgerecht, Rossauerkaserne II. Hof.

когда Василій Щуратъ писалъ похвальный отзывъ за то, что успѣвши передъ русскими. нашелъ мѣсто „до ин дѣ“ и знаетъ Gmünd-ы, одна тысяча галичанъ гнида въ напозѣ соломы, наполненной вшами, налялась въ конскомъ навозѣ, костенѣла на холодныхъ камняхъ, изнывала въ смрадной тюрьмѣ. Не голодъ съѣдаетъ человѣка въ темницѣ, а его гложетъ упорнымъ червякомъ мука, его уничтожаетъ тихо и медленно то страданіе, черезъ которое ему не милы: солнце, люди и жизнь.

Прибавить надо, что равные Saltpap-ы держали людей какъ скотовъ, не дали имъ ни бѣлья ни обуви, лишили ихъ свѣта и книжки и заставили повиноваться дикому, грубому: hersus! и einrucken! Оставалось одно занятіе: истреблять вшей, чтобы не бытъ ими изглобленнымъ.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи явились съ помощью „арестантамъ“ двѣ благородныя чешки: Анна Лаубе и Юлія Куглеръ. Они принесли необходимое для существованія: мыло,

бѣлье, обувь, шапки, гребешки и проч., собранное ими въ чешскихъ селеніяхъ. У меня письмо къ этимъ женщинамъ съ подписями, которое и перевожу бук-

вально. Оно было дано имъ при отъѣздѣ „арестантовъ“ въ Талергофъ, въ еще большій адъ.

2. Письмо къ г-жѣ Аннѣ Лаубе.

„Благородная г-жа Анна Лаубе! Галицкіе русскіе, интернированные въ Терезинской крѣпости, считаютъ своимъ долгомъ поблагодарить Васъ и уважаемой Юліи Куглеръ, а также всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Чехо Славіи, нашимъ братьямъ чехамъ, наша искреннѣйшая благодарность за все то, чѣмъ вы намъ помогли. Благодаримъ за сердечное состраданіе и преданную славянскую любовь, которую вы чувствовали вмѣстѣ съ нами.

Примите дорогіе братья, нашу искреннѣйшую благодарность и за то, что Вы, несмотря на границы сторожей и массу кирпичей, окоповъ, дали намъ убѣдиться, что у Васъ бьется теплое, доброе, чувствительное славянское сердце.

Привѣтъ Вамъ всѣмъ за то, что Вы намъ дали доказательство, что Ваше сердце бьется такъ, какъ и наше. Да здравствуетъ чешская земля! Да здравствуютъ вѣрные сыны Славіи!

Терезинъ, 4 го мая 1915 г.

Александра Игнат. Козакъ, Подгорки-Калушъ, Ольга Михайловна Бойко, Самборъ. Елена Ивановна Демянчикъ, Скоповъ. Меланія Ст. Демянчикъ, Скоповъ. Ольга Филимоновна Падохъ, Крича надъ Саномъ. Евгенія Прислонская, Львовъ. Романъ Д Шкирпанъ. Д-ръ Владиміръ Ив. Антонецъ, Львовъ; Иванъ Максимовичъ Папкевичъ, Львовъ; Кузьма Николаевичъ Целехатый, членъ ред. „Прикарпатская Русь“, Львовъ; Ярославъ Степановичъ Кунаецъ, студ. политехникума, Львовъ; Филаретъ В. Кмицкевичъ; Павелъ Павловичъ (не-

разборчиво); Д-ръ Иванъ Гриневецкій; Гриневичъ Алексѣй; Теодоръ Дм. Филипповичъ; студ. унив. Гр. Ст. Смольскій; гимназ. VIII кл. Апол. Тылявскій; Karel Secky. Nalezac Chrudim. Петръ Кондратьевичъ Швайка, студ. унив. Львовъ; Іосифъ Львовичъ Морозъ, Львовъ; Карлъ Фридманъ; о. Юрій Ив. Генсерскій, свящ. въ Кальницѣ ad Лѣско; Константинъ Ив. Чнеякъ, рольникъ, Чехи, Броды; Лонгинъ Вис. Мокрицкій, абс. инженеръ, Львовъ; В. Л. Галушка; Викторъ Г. Кмицкевичъ; Vlada Procyk, student, Lwow; Дмитрій Юр. Сосюкало; Иларіонъ Ив. Лиховичъ, землевладѣлецъ, Поморьяны; Иванъ Мисковъ, Рѣшневъ, Каминка стр.: Михаилъ Т. Андруховъ, Переволочна ad Волочевъ; Антонъ Ив. Генсерскій; Дмитрій Теодоровичъ Басевичъ, студ. мед. фак., Львовъ; Волошинъ, Самборъ; Романъ Мих. Харполи, студ. юр. фак. Львова; Владиміръ Застырецъ, помощникъ прис. пов., Львовъ; Мелитонъ Ив. Голинатый, Львовъ; Симеонъ Максимов. Палайда. Михаилъ Ив. Стасюкъ; Антоній Осип. Яворскій, дир. 4 кл. школы въ Ивановцахъ, уѣздъ Коломыи; К. Кметъ, Львовъ; Матѳей Теод. Квасникъ, управ. народн. школъ, Львовъ-Раковецъ; Василій Петровичъ Лемисевскій, гимназ. VIII кл. въ Стокахъ-Вобрка; Юрій Иванов. Осмянчикъ, Скоповъ, абс. гимназ.; Иванъ Андр. Бойковъ, гимназ. VII кл., Подмихайлье, Калушъ; Романъ Ив. Демянчикъ, Скоповъ; Михаилъ Вас. Хоминъ, псаломщ. церкви. Щирецъ; Д-ръ Вла-

диміръ Львов. Лаврецкій, врачъ изъ Войвилова; Владиміръ Ив. (неразборчиво) Львовъ; Димитрій Пр. Гуска-Чертежинскій, прихож. въ Бобркѣ ад Лѣско; Оеодоръ Вас. Дуфанецъ (Dufanec), Горожанка малай, п. Рудки; Романъ Григор. Макарь студ. вет. акад.; Евстафій Гр. Макарь, юристъ въ Угорцахъ п. Лѣско; Андрей де-Оленичъ Стрѣльбицкій, учит. въ Самборѣ; Николай Васильевичъ Галушка, слушатель юрид. факультета Львовскаго университета, 19-го Января 1915 года.

Время плохое пришло. Мы отчизну
свою дорогую
Были принуждены бросить съ тоскою
въ душѣ,
Мы истязаній пучину прошли, пока
въ Вартислава
Мы земли не нашли гостепріимный
пріютъ.

Братя Чехи! Намъ со строгимъ
Пасербомъ велѣтъ рокъ жить;
Потому нагимъ, убогимъ
Намъ пришлось къ Вамъ загостить:

Шесть вѣковъ намъ не сіяло
Солнце ласкавымъ лучомъ
И погибло насъ не мало,
Взятыхъ злымъ палачомъ.

И средь муки и томленья
Мы уныло дни влекли
И сухой къ Вамъ на леченье
Нашъ скелетъ лишь привели.

Послѣ упорныхъ сраженій Вы волю
добыли
Кровью отчизнѣ своей. Съ труповъ воз-
двигнувъ оплотъ,

Передъ волною чужой и жаждущей крови
стихией
Отъ заглады Вы насъ охрачали собой.

Насъ и Васъ передъ врагами
Защипали Жижка, Гусъ
И не разными степями
Пойдутъ къ славѣ Чехъ да Русъ.

Станетъ небо намъ погоднѣй,
Отдохнетъ отраднѣй грудь;
Hej Slované намъ свободнѣй
Будетъ можно ватнуть.

И Славинъ орелъ могучій
Понесется въ небосводъ;
Вѣтеръ развѣетъ мглы и тучи,
Встанетъ Вашъ и нашъ народъ.

Нынѣ, когда насъ тиранятъ и тѣ, за
которыхъ мы клали
Головы наши въ бою, чтобъ спасти
имъ житье,
Приподнести ничего мы Вамъ не въ
состояніи
За несенную намъ помощь обильной
рукой.

Но когда врага насилья
Поглотитъ забвенья ночь,
Мы припомнимъ всѣ усилія
Ваши, чтобы Вамъ помочь.

Очень дорого и мило
Будетъ вспомнить намъ о той
Сторонѣ, гдѣ встарь съ Людмилой
Володѣлъ князь Бориной.

Дорога намъ будетъ Прага,
Гдѣ несъ свѣтъ въ народъ Вашъ
[Гусъ]

И мы грянemъ: пусть во благѣ
Здравствуютъ и Чехъ и Русъ!
В. Р. Ваврикъ.

Группа Терезинцевъ. (Съ лѣва на право). 1. А. Гичко чинов.; 2. Аппель, унтеръ-офиц. ключникъ, иѣмецъ; 3. Цюкъ, юристъ; 4. Какерда, унт.-офиц. ключ. чехъ; 5. о. Як. Борковский; 6. о. П. Янень; 7. 8. ? 9. Караульн. солдатъ; 10. д-ръ Цюкъ, врачъ; 11. о. Киричинскій 12. кр. И. Тузь; 13. о. Н. Добрянскій; 14. ?; 15. о. І. Кузьмакъ; 16. кр. ?; 17. г-жа О. Байко; 18. учит. Д. Чайковский; 19. чинов. суд. І. Гичко; 20. Айт. Влашинъ; 21. крест. ?; 22. о. Д. Гичко; 23. о. Гамерскій; 24. учит. сем. Фидлькъ; 25. австрійск. фельд. ?; 26. гимназистъ; 27. А. Генсіорскій; 28. о. Ю. Генсіерскій; 29. крест. дѣвущ.; 30. ?; 31. В. Киричинскій; 32. г-жа Е. Прислопская; 33. крест. ?; 34. ?; 35. о. Р. Чайковский; 36. Учитель старичокъ невз. фам. сконч. въ Тер. отъ несч. случая; 37. судья Глѣбовицкій; 38. Зомбекъ полякъ; 39. ?; 40. Л. Чайковский; 41. Ст. Макарь, студ.; 42. д-ръ Заяцъ; 43. Р. Макарь, студ.; 44. о. ?; 45. о. Перчинскій; 46. учит. Стрѣльбицкій; 47. О. Дуфанецъ; 48. судья Р. Авдыковский; 49. о. Феленчакъ; 50. о. Петровскій; 51. ? полякъ; 52. ? мѣщанъ; 53. ? о.; 54. о. Бѣлакъ; 55. В. М. Добрянскій, журнал.; 56. студ. Галушка; 57. о. К. Грушкевичъ; 58. о. Н. Полянскій; 59. о. М. Добрянскій; 60. крест. ?; 61. о. Пирогъ; 62. К. М. Добрянскій, студ.; 63. ? францувъ; 64. ?; 65. Шуминскій, студентъ; 66. Караульный солдатъ; 67. препод. Дорожинскій; 68, 69, 70 дѣти.

Наши узники въ Австріи.

По полученнымъ свѣдѣніямъ въ Терезинѣ, въ Чехіи, въ числѣ многихъ другихъ, находятся слѣдующіе:

В Сегиневичъ съ дѣтьми изъ Болшовца, свящ. Р. Чайковский изъ Тарнавы-Выжней, свящ. Л. Чайковский, преподаватель гимн. Арсеній Дорожинскій, Я. Кмицкевичъ, Владиміръ, Федоръ и Самуилъ Процыки, свящ. Гр. Стеневъ, инж. К. Чиждъ, братья Гичко, свящ. Л. Зарицкій изъ Ковлова, Готовскій, П. Семчишинъ изъ Полоничной, свящ. Кар-

малита, свящ. Д. Домбровский изъ Микротина, Глѣбовицкій, свящ. Скоробогатый, свящ. Малый, свящ. Яремкевичъ, изъ Крехова, свящ. Ловинскій изъ Горпина. Изъ с. Туринки находятся въ Терезинѣ крестьяне: А. Кавла, оба Купецкіе, Гумены, О. Бѣлнцкій и др.

Значительное количество нашихъ узниковъ находилось также въ Моранскомъ Бергѣ.

Г м и н д ъ.

Не вся Галицкая Русь терпѣла въ Талергофахъ, Терезицахъ и подобныхъ мѣстахъ постепеннаго умерщвления.

Для вѣрныхъ сыновей Австріи, для тѣхъ, которые передъ „звѣрствами русскихъ дикарей“ бѣжали изъ Галиціи подъ теплое крыло „матушки-Австріи“, правительство постаралось обдарить Гминдомъ. Гминдъ — небольшое мѣстечко Верхней Австріи, въ которомъ наскоро были построены многочисленные бараки, гдѣ ютились вѣрные подданные старенькаго императора.

Они имѣли своего г-на Старосту, своихъ священниковъ, ихъ просвѣщали и укрѣпляли въ австрійскомъ патриотизмѣ, словомъ — въ сравненіи съ Талергофомъ — Гминдъ былъ раемъ.

И вотъ что рассказывалъ мнѣ одинъ талергофонецъ, который удостоился конфинированія, и дерзнувъ взглянуть въ приобѣжище вѣрныхъ австрійцевъ:

— Пришелъ я туда подъ вечеръ. Осматриваюсь за мѣстомъ ночлега. Когда вижу: идетъ Николай изъ Р.; посмотрѣлъ на меня и узналъ.

„Откуда, дядя, вы сюда вабились?“ — спрашиваетъ.

„Иду съ Талергофа“, отвѣтилъ я. „Т-с-с! Тише, ради Бога! Если желаете оставаться здѣсь, то храни васъ Богъ признаваться въ томъ, что вы были тамъ“, — поспѣшно, полупшепотомъ сталъ наставлять меня землячекъ.

Мнѣ не нужно было повторять этой науки и я весьма былъ благодаренъ ему, что предостерегъ меня передъ многими неприятностями.

Записался я въ временномъ адресномъ столѣ, какъ то безъ всякихъ претяствій. Но трудно было скрыть то,

что я былъ въ Талергофѣ. Но хорошо, что о томъ знала лишь канцелярія.

Въ баракахъ я рассказывалъ, что попалъ сюда, какъ возница во время отступленія нашихъ войскъ.

Но видно, не лишь я припелъ сюда изъ Талергофа. Незадолго пришла сюда цѣлая партія подобныхъ мнѣ измѣнниковъ. Почему ихъ сюда направили — неизвестно. Неизвестно также, почему вдругъ ночью въ бараки, гдѣ жили конфинированные талергофцы, явились вооруженные солдаты, окружили бараки, разбудили спящихъ, выстроили въ ряды, не забывая того же талергофскаго обращенія.

Началась провѣрка документовъ. Позже лишь оказалось, что императорское добросердіе не простиралось на насъ всѣхъ одинаково. У кого на документахъ оказалось проклятое „verdächtig“ (подозрительный) того безцеремонно, какъ собаку, хватали солдаты, отводили въ сторону и замыкали тѣснымъ кольцомъ.

На счастье я имѣлъ документъ чистый и остался. Прочихъ бѣднѣгъ устави по четыре въ рядъ и стали выводить.

„До смерти не забуду того дикаго крика, тѣхъ изувѣрски сжатыхъ кулаковъ, того поношенія, которыми проводили несчастныхъ гонимыхъ талергофцевъ... свои галиціе, родные братья-крестьяне, вѣрные подданные своего старенькаго отца“, съ глазами, полными слезъ, говорилъ мой знакомый.

„Кацапы, проклятые измѣнники! Еще не сгнили въ Талергофѣ! Навадъ ихъ туда! Чтобы издохли до одного! Мы ради васъ здѣсь должны мучиться!

Черезъ васъ подлецовъ вся война началась“!

Толпа озаѣрѣла, рвалась къ дракѣ, бросала чѣмъ попало въ тѣхъ, которые дерзнули осквернить австрійскій рай...

Въ темную, холодную, ненастную ночь повели ихъ, подозрительныхъ талергофцевъ, но куда — не знаю!.. Говорили, что обратно въ... Талергофъ.

Д-ръ С.

* * *

Приѣхавъ въ Талергофъ, мы вздохнули тутъ немного легче. Трое сутокъ жили мы въ полѣ, многіе въ однихъ только рубахахъ и брюкахъ. Какъ ихъ арестовали дома, не разрѣшивъ одѣться на дорогу, такъ и загнали въ Талергофъ.

Тамъ носилъ я одну рубаху носемъ мѣсяцевъ. Было у меня немного серебрянныхъ монетъ, которыя пришлось отдать вмѣстѣ съ перочиннымъ ножомъ, ибо по словамъ начальства „злѣдѣямъ не полагается имѣть при себѣ ни денегъ, ни оружія“.

Въ Талергофѣ продержали меня до 19-го августа 1915 г. Тамъ допрашивали насъ, стараясь выяснитъ нашу виновность, но, убѣдившись, что мы арестованы по причинѣ злостнаго и безпредметнаго доноса, отправили насъ нѣ-

сколько человекъ въ Гминдъ въ Нижней Австріи. Тамъ были намъ выданы виды на жительство и намъ разрѣшено поселиться на частныхъ квартирахъ.

Я былъ оправданъ безъ суда.

Въ Гминдѣ было легче жить; былъ тамъ свой храмикъ, построенный русскими военноплѣнными, можна заняться заработкомъ.

Представители какого-то чешскаго благотворительнаго общества снабдили насъ бѣльемъ и одеждой.

Въ Гминдѣ прожилъ я всего 4 мѣсяца, а 12 декабря выѣхалъ эшелономъ домой въ родную Галицію.

Дома я, никуда негодный старикъ, узналъ о смерти моего сына, солдата австрійской арміи.

Крест. Иванъ Зепрко.

с. Возники, Бобрскаго уѣзда.

* * *

Дня 11-го октября я очутился въ Талергофѣ. Сначала въ палаткахъ, а потомъ въ баракахъ прожилъ я до 12-го іюня 1915 года. Въ этотъ день былъ я отправленъ въ Гминдъ и примѣщенъ среди бѣженцевъ, но уже нѣсколько дней послѣ этого я былъ опредѣленъ въ рабочую дружину, отправляемую въ Талендорфъ возлѣ Блюмау для работъ при постройкѣ желѣзнодорожнаго полотна.

Моя жена, узнавъ о моемъ мѣстопребываніи, внесла прошеніе къ военнымъ властямъ въ Блюмау о предоставленіи мнѣ отпуска. Просьба жены была удовлетворена и я вернулся 12-го августа 1915 года къ своей семьѣ въ Галицію.

Крест. Павелъ Галько.

с. Петрова Воля, Стрижевскаго уѣзда.

ВЪНСКІЕ ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ.

1915 и 1916 г.г.

Въ ряду безчеловѣческихъ истязаній, избиеній, массовыхъ арестовъ и казней, ни въ чемъ неповиннаго и мирнаго населенія, заслуживающихъ особаго вниманія, извѣстны процессы по обвиненію въ государственной измѣнѣ цѣлаго ряда галицко-русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Хотя такихъ судныхъ дѣлъ нѣ эти жуткіе дни было безчисленное количество, но въ то же время являются замѣчательными 2 процесса, которые про-

исходили не въ провинціальномъ заходустыи или обстановкѣ прифронтовой полосы, а именно въ самомъ центрѣ государственной жизни — въ блестящей столицѣ, клонящейся къ упадку двуединой монархіи.

И еще выделяются эти процессы тѣмъ, что нѣ нихъ, особенно въ первомъ процессѣ 1915 г. въ качествѣ главнаго подсудимаго привлекалась идея единства русскаго народа и русскій литературный языкъ.

Первый вѣнскій русскій процессъ.

Слушалось это дѣло передъ военнымъ дивизионнымъ судомъ ландверы (Landwehrgivisionsgericht) въ Вѣнѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, съ 21 іюня по 21 августа 1915 г., подъ председательствомъ (Vorsitzender) оберста Карла Петцольда, докладчикомъ-руководителемъ (Verhandlungsleiter) оберлейтенанта-аудитора д-ра Роберта Пейтельшидта и военнаго прокурора (Militär-Anwalt) оберлейтенанта-аудитора д-ра Рудольфа Вундерера.

Въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ,—обвинение обычное въ то безумное время, — привлекались арестованные въ первые дни начавшейся войны:

1. Д-ръ Дмитрій Андреевичъ Мар-

ковъ, депутатъ австрійскаго парламента;

2. Владиміръ Михайловичъ Курьловичъ, депутатъ австрійскаго парламента;

3. Д-ръ Кириллъ Сильвестровичъ Черлуначевичъ, адвокатъ въ Перемышлѣ;

4. Д-ръ Иванъ Николаевичъ Домірецькій, адвокатъ нѣ Золочевѣ;

5. Дмитрій Григорьевичъ Янчевецкій, журналистъ, корреспондентъ газ. „Новое Время“;

6. Оома Дьяковъ, крестьянинъ изъ с. Вербица;

7. Гавріилъ Мулькеничъ, кузнецъ изъ Каменки-Струмиловой.

Уже самъ внѣшній подборъ лицъ изъ различныхъ общественныхъ круговъ и мѣстоожительствъ и предъявление имъ одного и того же обвиненія, свидѣтельствуешь о томъ, что объединеніе всѣхъ этихъ лицъ подъ однимъ общимъ обвиненіемъ не имѣло никакихъ фактическихъ основаній, за исключеніемъ русской идеи, свойственной всѣмъ подсудимымъ.

Сущность государственной измѣны подсудимыхъ состояла, по обвинительному акту, нѣ томъ, что 21 іюля 1914 года и послѣ объявленія всеобщей мобилизаціи, 31 іюля 1914 г. состояли членами „Русскаго Народнаго Совѣта“ и прочихъ русскихъ обществъ, и что въ качествѣ основателей „Карпатурскаго освободительнаго Комитета“ посредствомъ руссофильской агитаціи и подстрекательства, какъ зачинщики предпринимали нѣчто, угрожающее отпаденію отъ Австро-Венгерской имперіи Галиціи, Буковины и части Венгріи, населенной „рутенами“ и т. п.

Вмѣсто уликъ — всевозможныхъ документовъ и вещественныхъ доказательствъ, фигурировали на судѣ русскіе газеты и журналы, выписываемые посредствомъ австрійской же государственной почты, русскія книги, частныя письма съ безобиднымъ содержаніемъ, а даже открытки съ видами Россіи.

Для тенденціоннаго австрійскаго военнаго правосудія ничего больше и не требовалось — это стало яснымъ сразу, какъ все дѣло свелось къ тому, что въ Австро-Венгріи никогда не было нѣтъ и быть не можетъ никакого русскаго народа, а есть лишь одинъ вѣрнопопданный „украинскій“ народъ. Поэтому, кто лишь осмѣливается признавать себя русскимъ и употребляетъ русскій литературный языкъ, уже тѣмъ

самимъ совершаетъ тяжкое государственное преступленіе.

Былъ вызванъ цѣлый рядъ свидѣтелей, здѣсь же приводятся показанія лишь нѣсколькихъ, болѣе видныхъ „украинскихъ“ дѣятелей; показанія ихъ не нуждаются въ комментаріяхъ и говорятъ сами за себя:

Владиміръ Ясеницкій, отставной совѣтникъ суда въ Черномонахъ, сообщаетъ, что „русскій“ въ національно-культурномъ отношеніи — это лишь пустыя слова, подъ которыми скрыты дѣйствія государственной измѣны. Всѣмъ очевидно, что подсудимые хотѣли отторженія Галиціи отъ австрійскаго государства, и присоединенія ея къ Россіи. Такое соединеніе готовилось посредствомъ русскихъ газетъ, русскаго правописанія, и дѣятельностью обществъ. Качковскій, основатель (!?) общества, хотя и былъ совѣтникомъ суда, но былъ русскимъ убѣжденъ и умеръ въ Кронштадтѣ.

Василій Яворскій изъ Новаго Сонча заявляетъ, что въ 1897 г. состоялось въ Новомъ Сончѣ собраніе, на которомъ всѣ ораторы хвалили Россію, утверждая, что въ Россіи населеніе плотнѣе меньше налоговъ и имѣетъ больше земли. Всѣ лемки и священники на Лемковщинѣ — это руссофилы.

Ярославъ Веселовскій, редакторъ „Діла“ утверждаетъ, что дѣятельность Русскаго Народнаго Совѣта имѣла цѣлью присоединеніе Галиціи, Буковины и части Венгріи къ Россіи; послѣ объявленія войны Дудыкевичъ, Лабенскій, Сюкало, Глушкевичъ основали „Освободительный Комитетъ“, задачи котораго сводились исключительно къ одному: отторженію Галиціи, причемъ послѣ паденія Перемышля Дудыкевичъ созвалъ торжественное засѣданіе, послѣ чего былъ представленъ царю. Въ настоящее вре-

мя и Народный Совѣтъ имѣетъ сношенія съ Синодомъ, властями и всевозможными обществами; перемѣняютъ школьную систему, языкъ и вѣру. Общество им. М. Качковского вело подготовительную работу для вступленія русской арміи посредствомъ книжекъ издаваемыхъ на деньги полученные отъ гр. Бобринскаго, а „Народный Совѣтъ“ занимался вербовкой для русской арміи добровольцевъ — противъ Австріи, преимущественно изъ членовъ „Русскихъ Дружинъ“, которые пользовались русской командой и имѣли русскіе флаги. Слово же „Русь“ значить то же самое, что и „Россія“. Царь въ своей рѣчи сказалъ „недѣлимая Русь“.

Д-ръ Федоръ Ваньо, адвокатъ изъ Золочева, являясь свидѣтелемъ - экспертомъ формулируетъ нелѣпую дилемму: „Кто употребляетъ русскій языкъ, не можетъ быть хорошимъ австрійцемъ; хорошими австрійцами являются лишь — украинцы; поэтому всѣ члены русско-народной партіи — измѣнники, ибо они не украинцы.“

Дудкевичъ и товарищи, по его мнѣнію, стремились къ отторженію Галичины, событія подтверждаютъ это, и хотя точныя дѣйствія въ этомъ направленіи ему неизвѣстны, однако осведомленъ о томъ, что велась пропаганда православія и русскаго языка съ цѣлью уничтоженія украинцевъ. Извѣстно, что въ селѣ Трудовачъ, во время собранія пѣли „Боже Царя храни“.

Д-ръ Кирилъ Студинскій, профессоръ Львовскаго университета сообщаетъ, что по его мнѣнію всѣ лидеры партіи стремились къ отторженію Галичины отъ Австріи и подготавливали къ этому народъ посредствомъ газетъ; въ пользу православія занималось О-во им. М. Качков-

скаго, издавая книжки для народа, а бурсь содерживались на рубли.

А. Колесса, профессоръ университета утверждаетъ, что руссофильскіе лидеры старались убѣдить народъ, что овъ русскій, и что его роднымъ языкомъ является русскій языкъ, воспитывая народъ въ симпатіи къ Россіи и къ православію; для бурсь выписывали учителей изъ Россіи; общество им. М. Качковского пропагандировало поѣздки въ Почаевъ, а большія суммы рублей создавали симпатіи въ Пользу Россіи.

Семень Витыкъ, депутатъ показываетъ, что книжки издаваемые обществомъ им. М. Качковского учили народъ, что въ Россіи было бы лучше, и если бы пришелъ Царь, то онъ будетъ заботиться о крестьянствѣ. Со временъ гр. Потоцкаго усиливалась агитація въ пользу Россіи, во всѣхъ направленіяхъ посредствомъ газетъ, бурсь и каждый угадывалъ, что эта агитація ведется за рубли и усиливается до невозможныхъ предѣловъ (напр. Пустошкинъ и гр. Бобринскій). „Русскія Дружины“ организовывались для борьбы на сторонѣ Россіи, противъ Австріи и украинцевъ. Во время выборовъ, благодаря милліонамъ рублей разданныхъ агитаторамъ русскіе избрали 10 депутатовъ и были бы избрали больше если бы во время правительствъ не начало преслѣдованій. Молодежь массами шла въ Почаевъ и Холмъ, гдѣ еп. Евлогій подготавливалъ изъ нея кадры православныхъ священниковъ для Галичины.

Д-ръ Теофилъ Кормошъ, адвокатъ изъ Перемишля: подсудимые состояли въ тайной связи съ Россіей, а въ книжкахъ, издаваемыхъ О-вомъ им. М. Качковского восхвалялся Царь; для поддержки бурсь и многихъ руссофиловъ получались изъ Россіи рубли.

о. Стефанъ Онышкевичъ, депутатъ говоритъ, что русская партія стремилась къ соединенію съ Россіей, причемъ всѣ газеты ванимались цареславіемъ и восхваляли Россію. Пропаганда православія имѣла политическій характеръ. Деньги массами высылались изъ Кіева, причемъ ваши (украинскія) газеты имѣютъ квантіи изъ Кіева. По мнѣнію о. Онышкевича русская партія вредна Австріи; подтвержденіе своего мнѣнія видитъ онъ въ измѣнахъ многихъ деревень, и тѣмъ объясняетъ массовые аресты за шпіонство и измѣну.

Внчеславъ Будзиновскій, депутатъ: Не было тайной, что руссофильскіе священники и интеллигенція стремятся къ отторженію Галичины отъ Австріи, они вѣдь говорили: „русскій штыкъ спасетъ насъ отъ рабства“, а крестьянъ обмывали игрой словъ: „русина — русскій, напр.: „Царь русскій, правительство русское, вы тоже русскіе“. Многие священники, напр. Гоцкій, Ясевичкій, Сойка, — шпіоны, причемъ въ с. Цѣнева исъ крестьяне служатъ русскимъ подъ руководствомъ свящ. Сойки.

Д-ръ Я. Петрушевичъ, депутатъ (впоследствии „західно-український диктатор“) утверждаетъ, что встѣдствіе притѣсненій рутеновъ, болѣе слабые изъ нихъ перестали надѣяться на Австрію, и предполагали съ помощью Россіи бороться себѣ лучшее будущее. Если бы не поддержка гр. Потоцкаго, то русскіе давно исчезли бы. Несомнѣнно, что всѣ стремились къ отторженію Галичины отъ Австріи и присоединенію послѣдней къ Россіи. Вели агитацію посредствомъ газетъ и обществъ, пѣсни „Боже Царя храни“, а у „Русскихъ Дружинъ“ были русскіе прапоры.

Д-ръ Кость Левицкій депутатъ: со временъ Наумовича ихъ кличъ: „мы

одинъ народъ съ русскими“. Начиная съ 1907 г. велась открытая пропаганда въ пользу Россіи. Изъ Россіи получалось много пособій, а дѣлежъ рублей происходилъ открыто. Я говорилъ Намѣстнику Корытовскому, что все это представляетъ для Австріи большую опасность и потому Австрія должна оказывать украинцамъ больше поддержки, чѣмъ до сихъ поръ. О во им. М. Качковского, гонки, мощные кооперативы и др. общества и учрежденія занимались агитаціей въ пользу Россіи, а въ бурсахъ, гдѣ пѣлись русскія пѣсни, были портреты Царя и русскихъ полководцевъ. Крестьянъ учили измѣны, а „Русскія Дружины“ подготавливали крестьянъ для Россіи; русскихъ офицеровъ освѣдомляли руссофилы. Въ 1913 г. въ голодный годъ разпредѣлялись въ Галичинѣ рубли и хлѣбъ изъ Россіи со словами: „все это отъ Царя“.

Не удовлетворяясь массой свидѣтелей изъ „украинскихъ“ общественныхъ круговъ, изъ которыхъ кромѣ перечисленныхъ свидѣтелей-„экспертовъ“ было много добровольцевъ — свидѣтелей-доносчиковъ, и которые всѣ вмѣстѣ старались, принимая въ основаніе формулу д-ра Ф. Ваньо, — что кто употребляетъ русскій языкъ, тотъ не можетъ быть хорошимъ австрійцемъ“, — доказывать, что въ предѣлахъ Австро-Венгрии никогда не было, нѣтъ и не можетъ быть никакого русскаго народа, австрійское судилище, надѣясь поддержать и доказать утвержденія своихъ нѣрныхъ сыновъ, призвало научнаго эксперта въ лицѣ самаго авторитетнаго славяновѣда д-ра Вацлава Вондрака, профессора Вѣнскаго (впоследствии Брненскаго) университета, вынѣ уже покойнаго, задачей котораго было объяснить отношеніе русскаго литератур-

наго являя къ отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ. Глубоко научная и правдивая экспертиза проф. Вондрака не побоявшася въ то лютое время мужественно и неліцепріятно заявить на основаніи научныхъ данныхъ, что русский народъ и его языкъ едины, не убѣдила судей палачей рѣшившихся все таки приговорить ни въ чемъ неповинныхъ людей къ смертной казни черезъ повѣшеніе, предотвративъ

ценной лишь случайно благодаря усиленному ходатайству испанскаго короля.

Весъ ходъ этого военно-политическаго дѣла — трудно въ настоящее время точно отобразить въ виду его громаднхъ размѣровъ — 40 съ лишнимъ большихъ томовъ самого стенографическаго отчета, но изъ приведенныхъ показаній части свидѣтелей можно прослѣдить цѣль этого страшнаго и позорнаго суднаго дѣла.*)

Второй вѣнскій процессъ.

Для устрашенія ненавистныхъ руссофиловъ и съ цѣлью отвлечь вниманіе населенія отъ новыхъ неудачъ и отъ начинающагося голода, по совѣту всегда вѣрныхъ Австріи украинцевъ, былъ инсценированъ второй процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ 24 лицъ, галицко-русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Тѣмъ же военнымъ дивизіоннымъ судомъ ландверы (Landwehrdivisionsgericht) привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ:

1. Свящ. Кассіанъ Богатырецъ, православный священникъ въ Верепенкѣ, въ Буковинѣ,

2. Илларионъ Цуркановичъ, редакторъ изъ Черновецъ.

3. Д-ръ Семенъ Буликъ, адвокатъ въ Мушинѣ,

4. Свящ. Гавріиль Гнатышакъ, настоятель прихода въ Криницѣ,

5. Свящ. Романъ Прислоскій, настоятель прихода въ Жегестовѣ,

6. Д-ръ Александръ Гассай, адвокатскій кандидатъ въ Мушинѣ,

7. Д-ръ Иванъ Черлюнчакевичъ, адвокатъ въ Скалатѣ,

8. Д-ръ Александръ Савюкъ, адвокатъ въ Сяноктѣ,

9. Д-ръ Ярославъ Сьокало, адвокатскій кандидатъ въ Галичѣ,

10. Свящ. Николай Винницкій, настоятель прихода въ Галичѣ,

11. Свящ. Корнилій Сеникъ, настоятель прихода въ Бережницѣ Королевской,

12. Свящ. Маркеллъ Роставецкій, настоятель прихода въ Громѣ,

13. Дмитрій Вислоцкій, студентъ университета, изъ Лабовой,

14. Свящ. Іоаннъ Мащакъ, настоятель прихода въ с. Липица горная,

15. Свящ. Іоаннъ Станчакъ, настоятель прихода въ с. Висоцко,

16. Евстафій Цюкъ изъ Самбора

17. Иванъ Андрейко, студентъ универс., изъ с. Тыличъ,

18. Ѳеодоръ Мохнацкій, помящикъ, изъ с. Мохначка,

*) Краткій обзоръ процесса см. въ статьѣ К. Николаевича: „Первый вѣденскій процессъ“ въ календарѣ О-ва им. М. Качковскаго на 1920 г., Львовъ, 1919, стр. 180—134

Экспертиза проф. В. Вондрака изложена въ книгѣ: Вопросъ объ единствѣ русскаго языка передъ австрійскимъ военнымъ судомъ въ Вѣнѣ въ 1915 г. съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Ю. А. Яворскаго, Львовъ, 1924, Издательство „Живое Слово“.

19. Алекс. Милиничъ, учитель въ с. Поворовникъ,

20. Меодій Трохановскій, учитель въ с. Криницѣ,

21. Свящ. Ѳеодосій Дуркотъ, настоятель въ с. Ждыня,

22. Николай Громосякъ, крестьянинъ изъ Криницы,

23. Лука Старицкій, псаломщикъ изъ с. Знесенъе волѣ Львова,

24. Яковъ Гадвюкъ, крестьянинъ с. Шипотѣ.

Преступленіе обвиняемыхъ состояло въ томъ, что всѣ они до 26. іюля 1914 г. и послѣ объявленія всеобщей мобилизаціи 31 іюля 1914 г. состояли членами различныхъ руссофильскихъ обществъ въ Галиціи и Буковинѣ и своею дѣятельностью и руссофильской пропагандой подготавливали отторженіе названныхъ областей и части Венгріи отъ австро-венгерской имперіи, усиленіе опасности внѣшней для государства и внутрѣнній бунтъ. Эти преступленія совершили первые 15 человекъ, такъ какъ они являлись лидерами партіи и подстрекателями, дѣйствовали въ тайной связи посредствомъ агитаціи устной и печатной, шпионства и т. п., и созданной ими организаціи изъ сознательнаго русскаго крестьянства въ Галиціи и въ Буковинѣ. Кромѣ того подсудимые обвинялись въ томъ, что измѣной понесли серьез-

ный вредъ и. к. австро-венгерской и союзной съ ней германской арміи во время войны, входя въ сношенія и поддерживая связь съ врагомъ, т. е. съ русскою императорскою арміею.

Какъ и въ первомъ процессѣ, такъ и теперь каиноу работу вели украинцы, причемъ всѣ безъ исключенія свидѣтели были изъ украинцевъ; вотъ главные изъ нихъ: Д-ръ Евгений Оленицкій, Д-ръ Евгений Петрушевичъ, Д-ръ Стефанъ Баранъ, Д-ръ Лонгинъ Цегельскій, Д-ръ Левъ Бачинскій, депутатъ Николай Василько, Д-ръ Кость Левицкій, о. Платонъ Филась, о. Стефанъ Онышкевичъ, Левъ Гузаръ, Ілія Семака, Д-ръ Альфредъ Говиковичъ, Эмилианъ Константиновичъ и др.

Каиновымъ отродьемъ — „украинскими“ общественными кругами прилагались всѣ усилія къ тому, чтобы подсудимые были приговорены къ смертной казни.

И дѣйствительно, всѣ кромѣ Д-ра Я. Сьокало, Е. Цюка, Ѳ. Мохначкаго, А. Милиничя, М. Трохановскаго, о. Ѳ. Дуркота и Я. Гадвюка были приговорены къ смертной казни черезъ повѣшеніе, однако впоследствии помилованы.

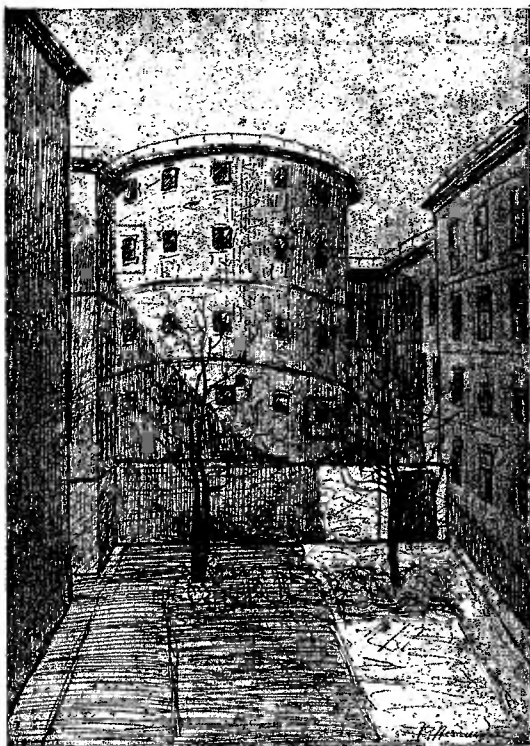
Изъ подсудимыхъ умеръ въ тюрьмѣ о. Гавріиль Гнатышакъ.

Чертова башня въ Вѣнѣ.

Пробывшій шесть мѣсяцевъ въ вѣнской тюрьмѣ (Чертова башня) М. И. Яковлевскій прибылъ въ Петроградъ и сообщилъ сотруднику „Новаго Времени“ еще нѣкоторыя данныя объ ужасахъ тюрьмы, въ которой томятся еще тысячи русскихъ галичанъ:

„Холодная, темная, сырая, мрачная

камера, въ которую меня, въ буквальномъ смыслѣ слова, бросили, была въ продолженіи шести мѣсяцевъ для меня тѣмъ каменнымъ гробомъ, въ которомъ я былъ живо погребенъ. Ни клочка бумаги, ни каравдаша, ни газеты; кромѣ дикихъ криковъ сторожей и вѣчаго напѣва „русскій шпионъ“, я ничего не

Чертюва башня въ Львѣ.

слыхалъ, и единственнымъ моимъ общеніемъ съ внѣшнимъ міромъ были тѣ моменты, когда меня водили на допросы, къ военному слѣдователю.

Здѣсь, спускаясь по лѣстницѣ подъ конвоемъ, я нерѣдко встрѣчалъ, также въ сопровожденіи конвойныхъ, депутатовъ вѣвскаго парламента Галичанъ Маркова и Курьловича и десятки галицко-русскихъ интеллигентовъ, адвокатовъ, судей, врачей и пр., одинъ видъ которыхъ свидѣтельствовалъ, о томъ, что я въ сравненіи съ ними нахожусь

еще въ райскихъ условіяхъ. Въ той же ужасной „Чортовой башнѣ“ томится и до сихъ поръ корреспондентъ „Новаго Времени“ Д. Г. Янчевецкій.

Нужно ли говорить о томъ, каковы были матеріальныя условія моей жизни тамъ. Пища была такая отвратительная, что я спустя недѣли двѣ не на шутку занемогъ и, боясь заболѣть чахоткой, какъ величайшей милости, просилъ разрѣшенія за свой счетъ получать пищу. Это мнѣ не безъ препятствій было разрѣшено. Вообще по тѣмъ маленькимъ

снисхожденіямъ, которыя мнѣ стали оказываться, я могъ судить о томъ, что увѣренность побѣды австріяковъ падала. Такъ, послѣ побѣды русской арміи на Сявѣ, разрѣшили моей квартирной хозяйкѣ принести мнѣ теплое одѣяло. А надо сказать, что вся эта тюрьма ради экономіи, конечно, не отапливается, окно въ моей камерѣ оставалось всегда открытымъ, а зима въ этомъ году въ Вѣнѣ была необычайно холодная.

Особенно тяжело было подъ Рождество. Въ первый день Рождества намъ было объявлено, что для православныхъ, желающихъ религіознаго утѣшенія, придетъ православный священникъ - сербъ. И дѣйствительно, насъ собрали въ сопровожденіи громаднаго количества сыщиковъ и караульныхъ, но собирали не для утѣшенія, а, какъ и вскорѣ убѣдился, съ чисто провокаціонными цѣлями. Обѣщанный священникъ - сербъ пришелъ въ военной формѣ и началъ свою проповѣдь тѣмъ, что на плохомъ нѣмецкомъ

языкѣ началъ обзывать насъ всѣхъ шпионами, предателями и измѣнниками.

На этомъ собесѣдованіи присутствовали и Янчевецкій, присутствовали и галицкіе депутаты и вся обстановка была направлена къ тому, чтобы выяснить, были ли мы между собою раньше знакомы или вѣтъ и какія у насъ отношенія. Этотъ священникъ-проповѣдникъ бросалъ всѣмъ въ лицо самыя оскорбительныя и невѣроятныя обвиненія. Особенно яростно равнсилъ онъ галицкихъ русскихъ узниковъ за то, что ихъ сородичи въ Галичинѣ не оказывали сопротивленія наступавшимъ русскимъ войскамъ. И тутъ изъ этой яростной проповѣди мы впервые узнали, что Галичина занята русскими и что Львовъ въ русскихъ рукахъ. Какъ я потомъ узналъ, и депутатовъ, и галицко-русскихъ дѣятелей обвиняли въ государственной изменѣ.

Прик. Русь 1915 г. №. 1568.

Повѣшенные австрійцами на придорожныхъ деревьяхъ.

Экзекуція на столбахъ.

